

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLV

№ 4
октябрь-декабрь 2017

ТАШКЕНТ
2017

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: 29 сентября 2017 г. Посещение Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом Свято-Троицкого Никольского женского монастыря (С. 12–41).

Стр. 3: 2 октября 2017 г. Посещение Святейшим Патриархом храма Архистратига Божия Михаила в Бухаре и осмотр достопримечательностей города (С. 12–41).

Восток Свыше. 2017, № 4 (XLV)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить идущих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Александр КАБАНОВ. «Мы все – одни. И нам еще не скоро...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Тайное рождение. 475 лет преставления преподобной Софии
Суздальской (16 декабря 1542 года) 6

По стопам Первосвятителя. Визит Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Кирилла в Ташкентскую и Узбекистанскую епархию
(29 сентября – 2 октября 2017 года) 12

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам
жизни». Публикация, предисловие и примечания
Татьяны Котюковой 42

Светлана ЖУКОВА, Александр ГАЛАК. «В наших руках... ключи от многих
научных тайн». Борис Кастальский – самаркандский историк
и коллекционер 67

СОБЕСЕДНИК

Рубен НАЗАРЬЯН: «Мой Самарканд – это, прежде всего, его люди...» 85

ПРОЗА

Яна ДАВЫДОВА. Гости 90

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О душе и теле. О веселье, радости и скорби 94

Размышления над Евангелием: страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*

Кого постыдится Сын Человеческий? *Проповедь в день
патриаршего служения в ташкентском Свято-Успенском
кафедральном соборе. Воскресенье, 1 октября 2017 года* 98

Содержание (окончание)

<i>Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет</i>	101
---	-----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

<i>Литературные страницы Вадима МУРАТХАНОВА</i>	
<i>Блокнот, обернувшийся книгой</i>	120

РЕЦЕНЗИИ

<i>Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Интернациональное Православие. (Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 4: Приходы Америки / Отв. ред. И.П. Рязанцев, ред.-сост. М.А. Подлесная. – М.: ПСТГУ, 2016. – 272 с. – (Серия «Социология Православия»))</i>	123
---	-----

<i>Бах АХМЕДОВ. Язык и другие герои. (Водолазкин Е. Дом и остров, или инструмент языка. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017)</i>	126
--	-----

Авторы номера	130
----------------------	-----

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2017 год	131
--	-----

Информация для авторов	134
-------------------------------	-----

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Александр КАБАНОВ

Мы все – одни. И нам еще не скоро –
усталый снег полозьями елозить.
Колокола Успенского собора
облизывают губы на морозе.
Тишайший день, а нам еще не светит
впрягать собак и мчаться до оврага.
Вселенские, детдомовские дети,
Мы – все одни. Мы все – одна ватага.
О, санки, нежно смазанные жиром
домашних птиц, украденных в Сочельник!
Позволь прижаться льготным пассажиром
к твоей спине, сопливый соплеменник!
Овраг – мне друг, но истина – в валюте
свалявшейся, насиженной метели.
Мы одиноки потому, что в люди
другие звери выйти не успели.
Колокола, небесные подранки,
лакают облака. Еще не скоро –
на плечи брать зареванные санки
и приходить к Успенскому собору.

Календарные страницы *главного редактора*

Тайное рождение

475 лет преставления преподобной Софии Суздальской (16 декабря 1542 года)

Но Сара, жена Авраама, не рождала ему... И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою; но да будет ей имя: Сарра. Я благословлю ее, и дам тебе от нее сына...

И пал Авраам на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: ...Сарра, девяностолетняя, неужели родит? (Быт. 16, 1; 17, 15–17).

Родила.

И назвали младенца Исааком.

И не только родила, девяностолетняя, но и выкормила грудью.

Потому что у Бога нет ничего невозможного.

А вот другая история.

Был человек с горы Ефремовой, и звали его Елкана, а жену его – Анна.

...У Анны же не было детей... И сказал ей Елкана, муж ее: Анна! что ты плачешь, и почему не ешь, и отчего скорбит сердце твое? не лучше ли я для тебя десяти сыновей?..

И была она в скорби души, и молилась Господу, и горько плакала (1 Цар., 1, 2, 8, 10).

Родила.

И назвали младенца Самуилом.

Потому что у Бога нет ничего невозможного.

А вот и другая история.

Мужа звали Захарией, и был он священником, а жену его – Елизаветой.

У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных... Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына... (Лук. 1, 7, 13).

Родила. И назвали младенца Иоанном.

Потому что у Бога нет ничего невозможного.

А вот и еще одна история...

Невесту великому князю искали долго.

Поначалу, как водилось, среди иноземных царевен, фрязских и немецких. Сам жених, великий московский князь Василий Иоаннович, тоже был рожден от династийного брака: матерью его была хитроумная и плодовитая полугречанка-полуитальянка Софья Палеолог. Именно она, прибыв из Рима, осуществила первый поворот Московской Руси к Европе. Из земель западных в Москву стали зазываться иноземные зодчие, книжники, прочие служилые люди...

Искали-искали князю невесту, да так и не нашли. По Европе гуляла чума, августейших невест не хватало самим европейским монархам.

Тогда решили действовать по ромейскому обычаю: Москва к тому времени уже привыкала быть Третьим Римом. Кесари ромеев, ради «освежения» царской крови, устраивали порой для себя смотр невест. Во все концы державы рассылались особые царские «невестоискатели». Они должны были проводить местные смотрины. В девицах ценилась прелесть лица, высокий рост и миниатюрность стопы. В Царьграде происходила «заключительная часть» отбора.

Так поступили и в Москве.

«Сей Великий Князь Василий, – сообщал посол Священной Римской империи Франческо да Колло, – повелел объявить во всех частях своего Государства, чтобы – не взирая на благородство или кровь, но лишь на красоту – были найдены самые красивые девственницы... Были выбраны более 500 девственниц и приведены в город; из них было выбрано 300, потом 200 и наконец сократилось до 10, каковые были осмотрены повивальными бабками со всяческим вниманием... И, наконец, из этих десяти была избрана жена».

Ею стала Соломония, дочь боярина Юрия Сабурова.

4 сентября 1505 года в кремлевском Успенском соборе митрополит Симон венчал царскую чету.

По обычаю, молодые обменялись кольцами, выпили вина, бросили пустую чашу на пол. Соломония упала Василию в ноги и прикоснулась челом к его сапогам. Василий, сохраняя княжескую степенность, накрыл ее полою кафтана – в знак обязанности защищать и любить ее.

Василию было двадцать шесть лет, Соломонии – около пятнадцати.

Двадцать лет супруги прожили вместе.

Какой великой княгиней была Соломония, мы не знаем: всего три беглых упоминания в летописях. Как и положено великокняжеским женам, она держалась в тени своего грозного и властолюбивого супруга. Молитва. Рукоделие. Прогулки по дворцовому саду...

Известно только одно: брак оставался бездетным.

Соломония страдала. *И была она в скорби души, и молилась Господу, и горько плакала...* Щедро жертвовала монастырям. И верила. Как Сарра. Как Анна. Как Елисавета.

Потому что у Бога нет ничего невозможного.

Страдал и великий князь Василий Иоаннович, все эти годы упорно думал о наследнике. Передавать власть младшим своим братьям не желал. Даже запретил им жениться до тех пор, пока у него самого не родится сын; князья томились бобылями. Какое-то время преемником намечался царевич Петр, сын казанского хана Ибрагима, принявший православие и ставший правой рукой великого князя. Но в 1523 году царевич Петр почил...

Совершая как-то объезд своих владений, Василий, как сообщает Псковская первая летопись, якобы взглянул на дерево и увидел птичье гнездо.

«Горе мне, – заплакал великий князь, – кому я подобен? Ни птицам небесным, ибо у птиц есть потомство, ни зверям земным, ибо и у зверей есть потомство!.. Даже земле сей не подобен я, ибо и земля приносит плоды во всякое время!»

И тогда бояре стали убеждать князя удалить из «сада» своего «неплодную смоковницу».

Так ли это было или нет, но в начале 1525 года Василий III принял решение о разводе. «Неплодную смоковницу» было решено постричь в монахини.

Такого на Руси прежде не водилось: ни один из великих князей с супругой своей не разводился и в монастырь за бесплодие не отправлял. А вот при европейских католических дворах такое случалось.

В 1498 году по причине бездетности был расторгнут брак французского короля Людовика XII с Жанной де Валуа, который продолжался двадцать лет. Жанна поселилась в Бурже и основала орден аннунциаток.

В 1529 году английский король Генрих VIII развелся с Екатериной Арагонской, с которой прожил двадцать лет. Брак не был бездетным, но формальной причиной было отсутствие наследника мужского пола...

В Кремле зорко следили за новостями с Запада. Следили и делали выводы.

На дворе стояла эпоха Возрождения – эпоха не только великих художников и научных и географических открытий, но и усиления светской власти, деспотизма и своеволия.

Как писал прот. Георгий Флоровский: «...В действиях Ивана III многое заставляет вспоминать о Макиавелли. О Василии это можно повторить тем более. В его жестком и властном единодержавстве, на которое так роптали в боярских кругах, чувствуется скорее подражание современным итальянским князьям, нежели давним византийским василевсам».

Знаменитый «Государь» Макиавелли был написан как раз в это время – около 1513 года...

Когда Николай Бердяев писал, что в России «никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения», он был прав лишь отчасти. Крылом европейского Ренессанса была задета великокняжеская власть. Мать Иоанна Третьего, Софья, была воспитана в Италии при дворе папы Сикста Четвертого – покровителя искусств, коллекционера античных редкостей и одновременно – властолюбивого политика и распространителя инквизиции.

Да и сам Василий Третий был на четверть итальянец; точнее, генуэзец.

Боярская дума решение о разводе поддержала, – но воспротивилась Церковь.

Против расторжения выступили митрополит Варлаам и Максим Грек. Инок Вассиан (Патрикеев) в ответе на запрос великого князя написал: «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады...».

Инок Вассиан был прав: ничто в Священном писании не могло оправдать пожелания к разводу, даже забота о престолонаследии.

Что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мат. 19, 6).

Кто разведется с женой своей и женится на другой, тот прелюбодействует (Мар. 10, 11).

На поместном соборе 1525 года все противники развода под разными предложениями были осуждены и сосланы в монастыри.

Кстати, и в католических странах церковь противилась подобным разводам. Расторжение брака Генриха VIII не было признано Ватиканом и послужило началом для отделения английской церкви. А благочестивый канцлер Томас Мор, автор знаменитой «Утопии», за свою непреклонность в вопросе о разводе и второбрачии короля даже поплатился жизнью...

Как отнеслась к разводу сама Соломония?

Согласно Софийской второй летописи, составленной на основе официальных бумаг московских князей и митрополитов, она сама решила принять постриг, «болезни ради».

«...И отпусти ея князь велики в девичь монастырь в Суздаль».

А в так называемой Типографской летописи княгиня буквально вынуждает князя развестись с нею. Когда же князь отказывается это сделать («Како могу брак разорити?»), она добивается этого через московского митрополита Даниила...

Такова была, что называется, «официальная версия».

Внешние источники сообщают об этом иначе.

«...Князь велики Василеи Иванович всея Руси великую княгиню Соломанию постриг в черници и в Суздаль сослал», сообщает Новгородская четвертая летопись.

Не «отпустил» – а именно «сослал».

Еще более нелицеприятно о поступке великого князя отзывается Псковская третья летопись:

«Князь великии Василеи Иоанович постриже княгиню свою Соломонею... А все то за наше согрешение, яко же написал апостол: пустя жену свою, а оженится иноу, прелюбы творит».

Наконец, Герберштейн, сменивший в должности имперского посла в Москве Франческо да Колло, рисовал – разумеется, по слухам, – совсем уж неприглядную картину. Якобы когда люди великого князя принесли Соломонии монашеское одеяние, она встретила их такой бранью, что дворецкий Иван Шигона, дабы вразумить, даже хлестнул ее бичом...

Как часто бывает, официальной лжи противостояла неофициальная фантазия.

Истина, скорее всего, была где-то посередине.

Вряд ли Соломония могла желать развода и второго брака для своего супруга. Ибо *что Бог сочетал...* Но с волей мужа смирилась.

28 ноября 1525 года Соломония была пострижена в монахини под именем Софии. И отправлена в Суздаль, в Покровский монастырь.

Остальное: слезы, прощание, молитвы пред образами, бесконечный снег за окном, – можно лишь дорисовать.

Не прошло и двух месяцев, как 21 января Василий Третий венчался в Успенском соборе с красавицей Еленой Глинской. Новобрачные обменялись кольцами, выпили вина, бросили пустую чашу на пол. Елена упала Василию в ноги и прикоснулась челом к его сапогам. Василий накрыл ее полою кафтана...

Василию было сорок пять лет, Елене – около семнадцати.

Монахине Софии – около тридцати пяти.

Чтобы больше нравиться молодой супруге, Василий даже сбрил бороду и остриг волосы, чем вызвал новый ропот. Впрочем, и этому поступку было найдено официальное обоснование: «Царем подобает обновляться и украшаться всячески!».

Пока Василий «обновлялся и украшался», София привыкала к новой для себя монастырской жизни. Ходила на службы в трехглавый Покровский собор, радовалась звону с Шатровой колокольни, любовалась Надвратной церковью... И слушала тишину, от которой уже отвыкла в шумной и многолюдной Москве.

Правда, первые годы жизни в Суздале были для нее не слишком спокойными. Поползли слухи, что вскоре после вселения в монастырь она родила мальчика. Что якобы уже при постриге княгиня была «непраздной».

Слухи дошли до великого князя; в Суздаль было отправлено посольство. Одновременно князь провел розыск о неплотии великой княгини: в дело пошли даже показания какой-то знахарки-ворожеи... Василий Третий имел основания для беспокойства: его новый брак также оставался бездетным. (Лишь через три года супружеской жизни Елена Глинская родила великому князю долгожданного наследника – будущего царя Иоанна Васильевича Грозного...).

Что обнаружили княжеские послы, побывав в Суздале, достоверно неизвестно. Известно только то, что в сентябре 1526 года Василий дарит «старице Софье» село Вышеславское. Чем было вызвано это дарение? Угрызениями совести? Желанием задобрить бывшую супругу, обезопасить себя от нежелательных слухов? Или, как считают некоторые историки, это был дар князя к рождению наследника – который, стало быть, все-таки родился? Споры об этом не утихают.

Думается, однако, другое. В суздальском Покровском монастыре действительно произошло тайное, невидимое миру рождение. Без зачатия, без отягчения утробы, без болезненных родов.

Иисус же сказал: ...Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух (Ин. 3, 3, 6).

В этом втором своем рождении – в иночестве – София прожила семнадцать лет.

Прославилась монашескими своими трудами и смирением. Сама вырыла ко-

лодец в обители. Молилась и вела, как сообщала Степенная книга, «богоугодную жизнь».

После смерти на ее гробнице стали совершаться чудесные исцеления. В 1609 году, в Смутное время, святая спасла Суздаль от разорения, явившись в грозном виде предводителю польского отряда Лисовскому. Город и монастырь были оставлены в покое.

...Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия...

Великая княгиня Соломония умерла для мира, чтобы родиться старице Софии. Рожденная от плоти – родила рожденную от духа. Владевшая царством земным – насельницу Царства Небесного.

Была неплодна Сарра, жена Авраама, и родила Исаака.

Была неплодна Анна, жена Елкана, и родила Самуила.

Была неплодна Елисавета, жена Захарии, и родила Иоанна.

Была неплодна Соломония – став невестой Христовой, родила Софию.

Может ли человек родить самого себя – как дитя, обновленное и чистое?

Может. Потому что у Бога нет ничего невозможного.

По стопам Первосвятителея

Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Ташкентскую и Узбекистанскую епархию (29 сентября – 2 октября 2017 года)

29 сентября 2017 года

Прибытие в Узбекистан

29 сентября 2017 года начался Первосвятительский визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Ташкентскую епархию Среднеазиатского митрополичьего округа.

В аэропорту имени Ислама Каримова г. Ташкента Предстоятеля Русской Православной Церкви встречали митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, государственный советник Президента Республики Узбекистан Р.Т. Камилов, председатель Комитета по делам религий Республики Узбекистан А.А. Юсупов, заместитель министра иностранных дел Республики Узбекистан С.П. Ниязходжаев, духовенство Ташкентской епархии.

В состав делегации, сопровождающей Святейшего Патриарха в ходе визита в Узбекистан, вошли: председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда, руководитель Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси священник Александр Волков.

Прибыв в аэропорт, Святейший Владыка сказал, обращаясь к представителям СМИ:

«Я с радостью ступил на землю Узбекистана. В свое время много раз бывал здесь, и не только в Ташкенте. Храню очень добрые воспоминания о своем общении с мусульманами Узбекистана, с простыми людьми, с представителями интеллигенции, и поэтому новая встреча для меня, несомненно, будет важным событием. Я уже наслышан о тех больших переменах, которые в последнее время про-

исходят в вашей стране, о том, как изменился Ташкент... Очень хотел бы воочию увидеть достижения вашего народа и прикоснуться к многовековой истории Узбекистана, которая является очень важным фактором формирования национальной идентичности вашего народа.

Хотел бы также подчеркнуть то, что в Узбекистане вторая после ислама религия по количеству приверженцев – это Православие. Паства Русской Православной Церкви – это не только русские люди, но и белорусы, украинцы и другие, кто исповедует Православие. Я рад тому, что отношения между исламом и Православной Церковью здесь такие же добрые и даже, может быть, более конструктивные сегодня, чем это было в то время, когда я посещал Узбекистан. Мне кажется, что у наших народов очень много общего: мы жили в одной стране, мы воевали с общим врагом, наши отцы и деды погибали, защищая свою тогда общую страну от страшного врага – фашизма.

Теперь мы живем в разных странах, но остаются очень тесные связи. Я вспоминаю из текстов, которые когда-то читал, о том, как много русских приезжало в Узбекистан, чтобы поднимать экономику, поднимать индустрию, строить дороги и прочие важные объекты экономики. Но сегодня очень большое количество ваших граждан, граждан Узбекистана, работают в России. И то, что существовал в прошлом и существует сегодня такой обмен людьми, это хороший залог того, что отношения между нашими народами, нашими странами всегда будут добрыми, потому что нельзя игнорировать то правильное, хорошее, что принадлежало истории и что сейчас может приносить значительные плоды.

Хотел бы пожелать процветания узбекскому народу и радуюсь возможности встретиться с господином Президентом, с исламскими лидерами Узбекистана, посетить православные храмы, совершить богослужения и побывать, помимо Ташкента, в таких замечательных городах, как Самарканд и Бухара.

С теплым, хорошим чувством я начинаю свой визит в благословенный Узбекистан. Еще раз вас приветствую».

Посещение Свято-Троицкого Никольского женского монастыря

В тот же день, сразу по прибытии в Ташкент, Святейший Патриарх посетил Свято-Троицкий Никольский женский монастырь в столице Узбекистана.

У святых врат монастыря Святейшего Владыку встречали: глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, митрополит Новгородский и Старорусский Лев, руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим, настоятельница Свято-Троицкого Никольского монастыря игумения Екатерина (Мальгина) и насельницы обители, духовенство Ташкентской епархии, многочисленные православные жители Ташкента.

В храме святителя Николая Святейшего Патриарха приветствовал митрополит

Викентий, который преподнес Его Святейшеству панагию с изображением Святой Троицы.

Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к верующим с Первосвященительским словом:

«Очень рад, что самый первый визит, который я наношу, приземлившись в ташкентском аэропорту, – это визит в Свято-Троицкий Никольский монастырь. Мне известна история этой обители. Знаю, что после ее закрытия многие монахини скрывались, опасаясь репрессий, работали в светских учреждениях, но сохраняли верность Церкви. Вокруг некоторых из них собирались люди, и монахини учили Православию то поколение, которое нигде больше не могло получить знания о вере. Наверное, их сердца обливались кровью, когда они видели монастырь закрытым, разгромленным, поруганным. Но настало время, обитель возродилась, и сегодня она является важным духовным центром Ташкента и всей Ташкентской епархии. Я хотел бы почтить память всех тех, кто хранил монашескую традицию в Узбекистане во времена, когда ни о каких монастырях и помыслить было невозможно. Дай Бог, чтобы и сегодня сестры с полной ответственностью относились к своему монашескому призванию.

Люди мирские к монахам и монахиням относятся особенно. Для многих монах, монахиня – это идеал духовной жизни, потому что каждый человек как бы соотносит самого себя с монашествующим и чаще всего понимает, что сам он такого подвига понести бы не смог, ведь жизнь монашествующего – это действительно подвиг во имя Христово. Но бывает и так: облачились в монашеские одежды, а суета мира мешает, и подвига не получается... Если мирской человек с таким монашествующим встречается, то очень часто появляется чувство глубокого разочарования. Потому что ответственность монашествующих очень велика.

Очень важно, чтобы наши монастыри продолжали оставаться центрами духовного притяжения, чтобы люди из мира с радостью посещали монастырские богослужения, общались с монашествующими, обращались к ним с просьбами о молитвах и чтобы молитвы о мире, о людях всегда возносились в монашеских общинах. Потому что главное послушание монаха – это молиться за тех, кто так, как монах, молиться не может.

Вот я и призываю вас, матушка, и всех сестер помнить о своем очень высоком призвании и не замыкаться в своей внутренней жизни, но помнить, что влияние монастыря должно простираться за монастырские стены. Именно так поступали ваши предшественницы в самое тяжелое время, когда даже монашескую одежду носить было невозможно.

Пусть Господь хранит Свято-Троицкий Никольский монастырь! Пусть преуспевает здесь монашеское бытие! Пусть все больше и больше сестер приобщаются здесь к монашеской жизни, и верим, что по молитвам тех, кто посвятил себя Богу, милость Господня будет распространяться и на тех, кто далек от монастырских стен».

Святейший Патриарх также обратился со словами благодарности к митрополиту Викентию:

«Благодарю вас, владыка Викентий, за труды, которые вы несете, в том числе

по окормлению этой обители. Убеждаюсь в том, сколь важным было решение о создании Среднеазиатского митрополичьего округа. Кто в Москве на общецерковном уровне знал об особенностях и о деталях православной жизни в среднеазиатских республиках? Таковых было очень мало. А ныне, поелику митрополит, возглавляющий Среднеазиатский округ, является постоянным членом Священного Синода, на каждом заседании Синода владыка представляет информацию о происходящем в Среднеазиатском округе. Он сообщает, что происходит в каждой епархии, представляет журналы Синода Среднеазиатского митрополичьего округа, и по ним принимаются решения Священным Синодом Русской Православной Церкви.

Все это дает возможность чувствовать пульс церковной жизни здесь, в Средней Азии, и мы с благодарностью Богу отмечаем, что церковная жизнь в Ташкентской, Бишкекской, Душанбинской епархиях, в Патриаршем благочинии в Туркмениии сегодня успешно развивается. Радует и надеемся, что православная вера сохранится в народе православном, живущем на просторах Среднеазиатского митрополичьего округа».

В память о посещении монастыря Предстоятель Русской Церкви передал в дар обители икону Покрова Пресвятой Богородицы.

Затем Святейший Патриарх Кирилл посетил регентско-катехизаторское отделение Ташкентской духовной семинарии, расположенное на территории монастыря.

Встреча с Председателем Духовного Управления мусульман Узбекистана и Председателем Комитета по делам религий

29 сентября в Ташкенте состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с председателем Духовного управления мусульман (ДУМ) Узбекистана муфтием Усмонхоном Алимовым и председателем Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан А.А. Юсуповым.

Во встрече также участвовали: с узбекской стороны – директор Центра исламской культуры при Кабинете министров Республики Узбекистан Ш. Миноваров, начальник международного отдела ДУМ Узбекистана М. Шакиров, советник Управления по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан Б. Кадыров, пресс-секретарь Управления по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан Ш. Хамдамов; со стороны Русской Православной Церкви и Посольства Российской Федерации – глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион, руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда, секретарь ОВЦС по межрелигиозным отношениям иерей Димитрий Сафонов.

Приветствуя Предстоятеля Русской Православной Церкви, председатель Коми-

тета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан А.А. Юсупов выразил уверенность в том, что визит Его Святейшества послужит «духовному обогащению наших православных граждан, а также укреплению дружественных связей наших братских народов».

Глава Комитета по делам религий рассказал о сотрудничестве руководства Республики Узбекистан и Ташкентской епархии, а также о состоянии межрелигиозных отношений в стране.

«Государство приветствует, что стараниями митрополита Викентия в епархиальном управлении намечается строительство центра православного просвещения и культуры, а также музея христианства Средней Азии», – отметил, в частности, А.А. Юсупов. Он также рассказал о деятельности государства по противодействию религиозному экстремизму и терроризму.

К Святейшему Патриарху Кириллу обратился муфтий Усмонхон Алимов. Он рассказал о деятельности Управления мусульман Узбекистана, о взаимодействии исламской и православной общин страны, подчеркнув, что «сегодняшний день требует сотрудничества всех религиозных общин и всех народов в борьбе с экстремизмом и международным терроризмом».

На встрече также выступил директор Центра исламской культуры при Кабинете министров Республики Узбекистан Ш. Миноваров.

Затем к участникам встречи обратился Святейший Патриарх Кирилл:

«Много раз бывал в вашей стране, еще когда она была частью Советского Союза. Уже в то время были заложены замечательные традиции нашего сотрудничества и взаимодействия. Всякий раз, когда я приезжал в Узбекистан и встречался с вашими предшественниками, я чувствовал себя как дома. Мы были единомышленниками, и это единомыслие проистекало из нашего общего опыта. Мы пережили непростые годы государственного атеизма и далеко не всегда чувствовали доброе к себе отношение со стороны властей, хотя в Узбекистане отношение к религиозным общинам было более мягким, чем в России. Именно в то время и сформировалась система солидарности, которую мы очень ценили. Мы собирались на различные конференции, высказывали свою точку зрения по различным проблемам, которые тогда беспокоили наше общество, и это заложило основу реального взаимодействия и сотрудничества...

Когда республики Советского Союза стали суверенными государствами, в какой-то момент мы почувствовали ослабление наших связей. Но нам всегда говорили, в том числе мусульмане Узбекистана: «Нам нужно снова быть вместе; мы живем в разных странах, но сталкиваемся с общими проблемами». В русле традиции доброго сотрудничества был осуществлен первый Патриарший визит в независимый Узбекистан – в 1996 году мой блаженно почивший предшественник Святейший Патриарх Алексей II прибыл в вашу страну, а я его сопровождал. У нас были очень хорошие контакты с нашими мусульманскими братьями, с тогдашними лидерами исламской общины. Я вспоминаю встречу с муфтием Мухтаром-хаджи Абдулаевым, большим другом нашей Церкви. Мы имели пространную беседу, по итогам которой была согласована идея проведения саммита религиозных лиде-

ров в Москве. В 2006 году муфтий Абдурашид Бахромов, ныне покойный, принял участие в этом саммите, возглавив большую делегацию Узбекистана. Уже тогда – в 2006 году – саммит жестко высказался против того, чтобы верующие люди попадали под влияние экстремизма. Думаю, работа по профилактике радикальных настроений в религиозных общинах должна оставаться постоянно в центре нашего общего внимания... Мы ведем диалог с различными религиями и христианскими конфессиями, но для нас, православных, живущих в России не просто по соседству, а бок о бок с большой исламской общиной, особое место занимает диалог с исламом. Двадцать лет назад мы начали богословский диалог между Русской Православной Церковью и богословами Ирана. Когда обнаружилась общность позиций по целому ряду вопросов, возникла идея создать на постоянной основе Комиссию Русская Православная Церковь – Иран. Мы обсуждаем трудные проблемы, и, как результат, – удивительное единомыслие. Конечно, мы не сразу пришли к этому единомыслию, но сегодня можем сказать, что достигли общего понимания по значимым проблемам современности. Это очень важно, ведь результаты диалогов транслируются общественности. Очень тесные отношения у нас складываются с мусульманами Турции, Сирии, Ирака, Египта, Азербайджана и других стран. Вот почему мне очень хотелось приехать и в Узбекистан и встретиться с вами для того, чтобы возобновить добрые отношения в рамках как двусторонних, так, может быть, и многосторонних контактов...

В России мы уделяем большое внимание проведению регулярных консультаций между основными традиционными религиями – у нас это Православие, ислам, иудаизм и буддизм. В Межрелигиозный совет России входят эти четыре традиционных религии, и мы обсуждаем многие вопросы. Во-первых, вырабатываем общую точку зрения по вопросам, связанным с законодательством, по диалогу с властью. Ведь время от времени возникают какие-то проблемы, хотя сегодня Россия – это страна самого высокого стандарта религиозной свободы. Мы не чувствуем никаких ограничений, ни мы, ни мусульмане, – никто. Но, тем не менее, порой возникают трудности, например, если кто-то иницирует принятие законов, не в полной мере отвечающих интересам религиозных общин. Мы поняли, что вступать в диалог с законодателями лучше всего с общих позиций, поэтому вначале согласовываем позицию среди традиционных религий в рамках Межрелигиозного совета, а потом представляем ее в диалоге с государством».

По словам Его Святейшества, в Межрелигиозном совете России затрагивается целый ряд практических вопросов взаимодействия между религиями. Так, например, в случаях, когда средства массовой информации «недостаточно деликатно относятся к религиозным чувствам людей, оскорбляют религиозные чувства православных, мусульман, иудеев, буддистов, мы реагируем на все это солидарно».

«Считаем, что это очень правильный ответ, потому что оскорбление религиозных чувств – это тоже одна из форм экстремизма, это то, что расшатывает основы общественного бытия, провоцируя внутренний конфликт. А традиционные религии призваны укреплять основы национального бытия, – заявил Святейший Патриарх. – Каждый из нас призван работать со своей паствой, воспитывать ее в духе

уважения друг к другу, в заботе о стабильности общественной жизни, в заботе о благе государства и народа. Вот это и осуществляется в рамках широкого диалога в Межрелигиозном совете».

«Еще одна из тем, над которой мы сегодня работаем, – продолжил Святейший Владыка, – это защита личной, общественной нравственности и, особенно в последнее время, защита семейных ценностей. Мы глубоко убеждены в том, что нужно сохранять традиционную семью, нужно отдавать приоритет родителям в воспитании семьи – изъятие детей из семьи возможно только как крайняя мера. Главную ответственность за воспитание ребенка несут родители, а общество и религиозные общины призваны содействовать тому, чтобы это воспитание было эффективным и было направлено на достижение добрых целей».

«Знаю, – добавил Предстоятель Русской Церкви, – что в своей деятельности Духовное управление мусульман Узбекистана особое внимание уделяет борьбе с псевдорелигиозным экстремизмом и терроризмом. Знаю, что и государство Узбекистан в лице Президента и профильных ведомств тоже проявляет большую озабоченность. Как нам кажется, главная причина экстремизма – это некритическое отношение исламской молодежи к информационным сигналам, которые поступают извне. Молодые люди не всегда способны критически их оценить, особенно если не хватает знаний. Вот почему мы считаем очень важными вопросы религиозного образования. Иногда говорят, что религиозное образование может разделять общество, провоцировать консерватизм и даже радикализм, но это неверно, потому что все зависит от того, как построена система образования».

«У нас школа во многом потеряла воспитательную функцию, речь идет исключительно об образовании, – с сожалением отметил Святейший Патриарх Кирилл. – Сегодня школа не воспитывает, и уж тем более не воспитывают вузы. В высшее учебное заведение студент приходит за образовательными услугами, и мало кто из профессоров думает о том, что кроме суммы знаний по тому или иному предмету нужно еще передать убеждения, передать некие нравственные позиции, которые помогли бы молодым людям не только получить знания, но еще и мудро построить свою жизнь. А ведь знания не делают человека счастливым. Человека делает счастливым состояние его души, причем вне зависимости от образования, работы, уровня достатка. Поэтому передача нравственных ценностей посредством образования – это залог формирования благополучного общества. А без такого воспитания человек может стать легкой добычей разного рода экстремистов, да и вообще, без нравственных основ очень просто допустить множество ошибок. Достаточно посмотреть, что происходит в сфере брачных отношений: разводы, сироты при живых родителях, увеличение количества аборт и так далее».

Предстоятель Русской Церкви поблагодарил участников встречи «за содействие многим программам, которые осуществляют владыка Викентий и наше духовенство». «В 2003 году при поддержке Президента и при вашем участии был построен духовно-административный центр Ташкентской епархии. Все было сделано при самом добром отношении властей Узбекистана, мы это очень ценим и благодарны вам, – заявил Святейший Владыка. – В стране действуют исламский

университет и православная духовная семинария, – это свидетельствует о внимании властей Узбекистана к вопросам образования, и я хотел бы выразить свою благодарность».

В завершение Святейший Патриарх Кирилл сказал:

«Нам надо восстановить совместную интеллектуальную работу, проводить научные конференции с участием духовенства и представителей государства. Ведь многие важные темы одинаково касаются республик бывшего Советского Союза. К такого рода работе, которую мы могли бы совместно осуществлять, нужно привлекать ученых-востоковедов, специалистов в области ислама, политических деятелей, которые обеспокоены темой религиозного экстремизма, общественных деятелей».

Встреча с Президентом Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым

29 сентября в Ташкенте состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Миромоновичем Мирзиёевым.

На встрече присутствовали глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда.

Глава государства отметил исторический характер и особое значение визита Предстоятеля Русской Православной Церкви, с учетом стратегического партнерства России и Узбекистана.

В ходе беседы был затронут вопрос о воспитании детей и молодежи. Святейший Патриарх Кирилл подчеркнул важность развития религиозного образования, которое позволяет воспитывать подрастающее поколение в духе неприятия псевдорелигиозного экстремизма.

Ш.М. Мирзиёев, в свою очередь, назвал отмечаемое 145-летие Ташкентской епархии значительной датой и отметил важную роль епархии и лично митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия в деле развития религиозной жизни, укрепления гражданского мира и согласия в стране.

В ответном слове Святейший Патриарх Кирилл, в частности, сказал: «Я с теплым чувством приехал в Узбекистан, прежде всего потому, что много раз здесь бывал – можно сказать, в разные исторические эпохи, – и воспоминания даже о пребывании здесь в советское время остались самые позитивные. Сегодня я уже говорил о том, что отношение к религии в Узбекистане было на порядок лучше, чем в России. Хотя во главе государства стояли партийные люди, разделявшие ту же самую идеологию, что и в Москве, но всегда чувствовалось некое уважение к религиозному фактору, быть может, не вполне ясно демонстрируемое... Российский народ очень ценит все то, что сейчас в России происходит. Россия занимает сейчас

достойное место в мировом сообществе, отстаивает свою точку зрения, и это чувство национального самоуважения очень важно для народа.

Мне кажется, что сейчас и в Узбекистане, особенно в связи с Вашим избранием, происходит то же самое. Мне приходится встречаться с различными представителями вашей страны, в том числе с теми, кто имеет отношение к науке, к образованию, и мы видим, как это чувство самоуважения усиливается», – заявил Предстоятель Русской Церкви.

Ш.М. Мирзиёев и Святейший Патриарх Кирилл обсудили широкий круг тем, в том числе вопросы взаимодействия Ташкентской епархии с руководством Узбекистана.

30 сентября 2017 года

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после вечернего богослужения в соборе святителя Алексия Московского в Самарканде

30 сентября 2017 года, посещая древний город Самарканд, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Утреню Всенощного бдения в соборе святителя Алексия, митрополита Московского. По окончании богослужения Предстоятель Русской Церкви обратился к верующим с Первосвятытельским словом.

«Ваше Высокопреосвященство, владыка митрополит Викентий! Дорогие владыки, отцы, братья и сестры!

Очень рад, что прибыл в Самарканд и имею возможность помолиться сегодня вместе с вами. Давно душа моя стремилась посетить Среднюю Азию, но по разным обстоятельствам мой визит откладывался. Благодарю Бога, что в этом году мое желание исполнилось и что визит проходит в такой доброжелательной атмосфере. Наслаждаюсь гостеприимством узбекского народа, руководства Узбекистана и, конечно, благодарю всех, кто организовал мое путешествие к вам.

Сегодня мы имели возможность помолиться с вами в историческом храме в честь святителя Алексия, митрополита Московского, здесь, в Самарканде. Это тоже некий памятник русского присутствия. В то время российская армия ограждала, в том числе, территорию нынешнего Узбекистана по его внешним границам и даже далее, защищая мирную жизнь людей. Но затем история сделала поворот в сторону, и сегодня Узбекистан является суверенным государством, в котором проживает достаточно много православных людей – русских, украинцев, белорусов, – чад Русской Православной Церкви. И мне очень хотелось приехать, чтобы вместе с вами помолиться, благословить вас, выразить свою любовь и пожелать вам от Господа всяких щедрот и милостей, в первую очередь сил душевных и телесных, чтобы вы продолжали трудиться, воспитывали детей и внуков в Православии, хранили любовь к Богу и к историческому Отечеству, были верными Церкви.

Нас с вами в храм приводит не обычай, не традиция. Было бы неверно думать,

что посещение храма – это лишь часть некой национальной традиции. Есть много людей, которые знают национальные традиции, а в храм не ходят вовсе. В храм человек приходит, потому что у него есть такое желание. А почему возникает это желание? Потому что в храме мы переживаем особое состояние души. И стоять жарко, и тесно, и физических сил много тратим, но ведь стоим, молимся, а выходя из храма, чувствуем особое просветление души, сердца, разума. Это действительно так, потому что через молитву, особенно молитву в храме, мы приближаемся к Богу. Лучи Божественной благодати воздействуют на нас, как теплые солнечные лучи воздействуют на человека и на все живое. И нет никакой другой силы, никакой другой возможности приблизиться к Богу и воспринять исходящие от Него лучи Божественной энергии, Божественной благодати, как только через веру. Вера – это состояние души, которое соединяет нас с Богом.

Многие люди считают, что самая великая сила человека – это сила разума. Некоторые думают, что это физическая сила. Третьи делают акцент на силе воли. Но ни одна из человеческих сил не способна вырваться за пределы пространства и времени и соединиться с Богом, Который вне времени и пространства, вне земной реальности. Мы знаем: чтобы ракета разогналась и вышла за пределы земного притяжения, нужно развить так называемую космическую скорость. Иначе от этого притяжения не оторваться никакими силами. Можно создавать прекрасные чертежи и модели, но пока не заработает этот мощный двигатель, ракета земное притяжение не преодолеет. Вот то же самое – и человек в его стремлении быть ближе к Богу. Никакие силы не соединят человека с Богом и к Нему не приблизят – только сила веры. А мы знаем, что именно близость к Богу помогает человеку преодолевать трудности и невзгоды, вставать, если упал, получать исцеление, когда сильно, иногда даже безысходно, заболел. Господь творит с нами чудеса, и это знает каждый верующий. Бог воздействует на нас Своей энергией, Своей благодатью в ответ на нашу веру.

Но для того, чтобы вера была сильной, ее нужно тренировать – так же, как нужно тренировать память, разум, физическую силу. Ни один спортсмен не выиграет соревнования, если он не тренирует свои мышцы, не развивает свои спортивные навыки. Как же мы должны тренировать веру, чтобы она становилась все более сильной и совершенной? Есть только два способа – это молитва и добрые дела. В молитве мы постоянно говорим с Богом. Мы вступаем с ним, в том числе, в рациональный, умственный контакт. Ведь мы словами молимся, мы формулируем свои просьбы к Богу, мы благодарим Его словами, – значит, работает наш мозг. Но и наше сердце работает, и наше религиозное чувство, чувство веры максимально работает. Без молитвы не может быть религиозной жизни – это хорошо знают и христиане, и мусульмане. Нет молитвы – нет религиозной жизни.

Но для того, чтобы молитва наша не была праздной, мы должны приносить Богу небольшие жертвы. Иногда люди, особенно из числа неправославных христиан, спрашивают меня: “Почему ваши люди стоят? Гораздо же удобнее сидеть и молиться”. Я отвечаю: “Это маленькая жертва”. Вот мы с вами стоим час, два или три – это же тяжело! Но мы знаем, почему мы стоим, – мы предстоим Богу. Не “пред-

сидим”, не “предлежим” – мы предстоим Богу в прямом и переносном смысле. Мы приносим маленькую жертву. Мы возлагаем на себя самоограничения. Мне тяжело, а я стою.

Я всегда с умилением смотрю на наших детей. Однажды, когда я был еще архиереем на Смоленской кафедре, ко мне приехали из Швейцарии очень известные люди, христиане, но не православные, которые хотели вместе со мной отпраздновать Пасху. Мы их поставили на специальное место, где было просторно, а весь храм был набит людьми. И вот стоят дети – от четырех до семи лет. Когда служба закончилась, – а на Пасху служба долгая, – я спросил эту пару, мужа и жену: “А как вы чувствовали себя во время службы?”. Мой знакомый ответил: “Вы знаете, я устал так, как никогда в жизни не уставал. Я думал, что упаду в обморок. Но когда я посмотрел на ваших детей, я понял, что не имею права сесть”. А потом он произнес замечательные слова: “Если ваш народ так молится, значит он способен на многое”.

Итак, здесь мы закаливаем, в том числе, наше религиозное чувство. Поэтому не спешите из храма убегать. Приходите сюда почаще, ведь в храме вы молитесь и своим стоянием в храме приносите некую, пусть небольшую, жертву Господу.

Но есть еще что-то, что нужно делать, чтобы Бог слышал нашу молитву, – это добрые дела. Нужно помогать тем, кто нуждается. Это наши родные, близкие, старые родители, кто-то из друзей или знакомых, кто потерял здоровье, не имеет физической силы, материально немощствует. Нужно уметь помогать, нужен навык помощи другим людям. Если этого навыка нет, то и вера наша – пустой звук. Почему Господь должен нашу молитву слышать и нам Свою благодать давать, если мы от себя никакой благодати не даем – ни добрым словом, ни добрым делом, ни временем, ни вниманием? Вот почему очень важно заботиться о тех, кто в нашей помощи нуждается.

В этом и заключается христианское житие. Не надо много слов, чтобы сказать о нем почти все: вера, молитва, добрые дела и обязательно небольшая жертва.

Вспоминаю, что в послевоенном Ленинграде было очень много нищих. Перед каждым храмом выстраивались длинные очереди нищих, которые протягивали руки к прихожанам, идущим на службу. А народ жил бедно, после блокады люди были слабые и материально очень ограниченные. Но был замечательный обычай: хотя бы по копейке каждому дать. И когда я, еще ребенком, отправлялся в храм, папа давал мне мелочь в кармашек и говорил: “Ты, пожалуйста, каждому, кто просит, дай”. Мы понимали, что этими копейками, конечно, много не поможешь, но если они сложатся, то человек сможет себе что-то купить. Такая жертва, даже не обязательно материальная, необходима, если мы хотим, чтобы Господь слышал наши молитвы.

Еще хотел бы сказать о том, что мы, православные люди, живем здесь, в Средней Азии, среди мусульман, людей тоже верующих, но верующих иначе. Я почувствовал очень теплое к себе отношение, в том числе здесь, в Самарканде. Я проходил через площади, улицы, и мусульмане, женщины в мусульманской одежде,

махали руками, приветствовали. Не знаю, будут ли на Тверской улице в Москве так приветствовать, как в Самарканде на площади... Все это мне очень по сердцу, и я почувствовал, что народ здесь добрый. А если добрый народ, воспитанный в мусульманской традиции, и добрый народ, воспитанный в Православии, – значит жить им вместе, радоваться, уважать друг друга, помогать друг другу и строить мирную жизнь.

Я хотел бы всех вас, дорогие мои, еще раз сердечно приветствовать. А в память о пребывании в Самарканде хотел бы передать для этого святого храма образ Божией Матери “Спорительница хлебов”. Это икона, перед которой крестьяне у нас всегда молились и сейчас молятся, чтобы был добрый урожай, чтобы земля плодородила и кормила людей. В прямом и в переносном смысле слова это замечательный образ, потому что даже тот, кто сельским хозяйством не занимается, может у Божией Матери попросить, чтобы был добрым плод его жизни. Пусть Господь и Пречистая Царица Небесная помогают всем вам! Аминь».

1 октября 2017 года

Литургия в Успенском соборе Ташкента

1 октября, в Неделю 17-ю по Пятидесятнице, по Воздвижении, Святейший Патриарх Кирилл возглавил Великий чин освящения Успенского кафедрального собора города Ташкента, а затем в новоосвященном храме совершил первую Божественную литургию.

Его Святейшеству сослужили: глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий; председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион; митрополит Новгородский и Старорусский Лев; митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл; архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, временно управляющий Патриаршими приходами Русской Православной Церкви в Туркменистане; руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим; епископ Котласский и Вельский Василий; епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил; протоиерей Михаил Котляров, клирик Успенского кафедрального собора г. Ташкента; протоиерей Игорь Балухатин, настоятель Владимирского храма г. Ташкента, благочинный Ташкентского округа; священник Александр Волков, руководитель Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси; духовенство Ташкентской епархии.

В храме присутствовали: государственный советник Президента Республики Узбекистан Р.Т. Камилов; председатель Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан А.А. Юсупов; заместитель Министра иностранных дел Республики Узбекистан С.П. Ниязходжаев; председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда.

Богослужebные песнопения исполнили: правый хор Успенского кафедрального собора г. Ташкента (регент Т.В. Митронина), левый хор Успенского кафедрального собора г. Ташкента (регент Е.В. Андреева), женский хор Свято-Троицкого Никольского монастыря и регентско-катехизаторского отделения Ташкентской духовной семинарии (регент А.В. Сладкова), хор Ташкентской духовной семинарии (регент монах Севастиан (Васильев)), Государственный академический Кубанский казачий хор (художественный руководитель В.Г. Захарченко, регент И.А. Албанов).

Телеканал «Союз» осуществлял прямую трансляцию из Успенского собора. Верующие, не попавшие в собор, могли следить за трансляцией по большому экрану, установленному перед вратами храма.

Проповедь перед причастием произнес протоиерей Сергей Стаценко, настоятель храма святого Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии*.

По окончании Литургии митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий от лица духовенства и верующих приветствовал Святейшего Владыку и преподнес Его Святейшеству образ святого равноапостольного князя Владимира.

Предстоятель Русской Церкви обратился к участникам богослужения с Первосвященительским словом.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшнее воскресенье называется неделей после Воздвижения, и в этот день мы продолжаем вспоминать крестные страдания Спасителя. За богослужением читается отрывок из Евангелия от Марка, в котором содержатся самые, может быть, пронзительные слова Нового Завета. Нам они относительно понятны, потому что крестная жертва Спасителя уже совершилась, Христос воскрес, излилась благодать Святого Духа в день Пятидесятницы, и вот уже две тысячи лет Церковь живет в истории. Но как же, наверное, трудно было понять смысл этих слов тем, к кому они были обращены! А слова такие: “Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною” (Мк. 8:34).

Крест был символом самого страшного страдания. На кресте распинали римские завоеватели, поэтому смерть на кресте была не только мучительной, но и позорной. Не было ничего более страшного, чем крест. Но именно о кресте Господь говорит своим слушателям, тем самым иудеям, которые никак не могли принять послание о кресте – в силу своего жизненного опыта, своих взглядов, как религиозных, так и политических.

А еще Господь говорит: “Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя”. Тоже странно – что значит “отвергнуться себя”? Как человек может отвергнуться себя? Человек устроен так, будто является центром вселенной: все вокруг него, у него нет другого видения мира, как только через самого себя. Наше зрение, наш разум, наш слух – это то, что принадлежит нам. Через эти органы чувств мы видим мир. Через разум мы познаем мир. Не было бы разума, не было бы слуха, не было бы зрения – не было бы для нас и мира. Как же можно отвергнуться себя? Но Го-

* Текст этой проповеди помещен в разделе «Луг духовный».

сподь говорит эти удивительные слова. Конечно, они не всеми были поняты, но их смысл был раскрыт самой крестной жертвой Спасителя, – когда стало ясно, что именно через страдания, через крест Господь очищает род человеческий от греховной скверны.

Не каждое страдание есть крест. Например, если человек, который злоупотребляет алкоголем, в состоянии алкогольного опьянения садится за руль и кого-то убивает, после чего оказывается в тюрьме, то это не крест – это просто наказание за беззаконие и за распущенность. Тот, с кем это произошло, сам навлек на себя беду. Крест же возлагается на человека свыше. Почему? Да потому, что преодолевая скорби и страдания, мы мобилизуем все свои силы, и каждый это знает. Если человек заболел, он старается всеми силами вылечиться. Если он попал не по своей вине в тяжкие жизненные обстоятельства, он стремится из них вырваться. Страдания являются огромным вызовом для человека, и, реагируя на них, человек мобилизует все свои внутренние силы и непременно меняется к лучшему, если хочет эти скорби преодолеть.

Может, кто-то усомнится в этом и скажет: “Человек может возвышаться через образование, через науку, делая карьеру”. Внешне, но не внутренне! Чтобы человек стал внутренне сильным, ему нужно пройти через жизненные испытания. А без этих испытаний он не будет обладать собственным жизненным опытом, он не сформируется как личность – сильная, мудрая, способная работать над собой. Вот поэтому Господь и говорит: отвергните себя, то есть меньше служите своему собственному “я”, следуйте за Мной, примите Мою волю в свою жизнь, возьмите на себя крест, – чтобы через преодоление скорби возрасть духом.

Эта великая идея опознается не только в религиозном опыте, не только через Церковь и благочестие, через слышание слова Божиего, – эта идея опознается и через человеческий опыт. Мы знаем: если человек с легкостью прошел свой жизненный путь, если у него все было благополучно – родился в богатой семье, был здоров, счастлив, сделал карьеру и никогда не преодолевал скорби, возложенные на него свыше, – то такой человек не имеет мудрости и внутренней силы.

Но преодоление скорбей, несение креста имеет еще и спасительную силу. Как замечательно сказал святитель Феофан Затворник, Сам Христос был Крестоносителем, а потому все, кто хочет идти за Ним, тоже должны нести крест. Через этот крест мы спасаемся, подобно тому, как человек спасается через крест, принесенный Христом, через Его жертву, через искупление грехов рода человеческого.

Величайшая премудрость заложена в этот символ спасения – в крест Христов. И нам нужно стараться принимать возлагаемые на нас свыше кресты с доверием к Господу – никогда, ни в коем случае не роптать, никогда не опускать руки, не сдаваться перед трудными обстоятельствами, но, вспоминая крест Христов, мужественно идти по жизни, зная, что крест когда-нибудь с тебя будет снят.

А снимается крест в ответ на наши усилия, на нашу веру, на наше доверие к Богу. Каждый человек проходит через скорби, в каком бы обществе, в каком бы государстве он ни жил. Люди старшего и среднего поколения, жившие в Советском Союзе, помнят, как нас учили, что наступит коммунизм – светлое будущее,

счастливая жизнь, когда каждый будет иметь все, что нужно по его потребностям. Но не могли тогдашние философы и политики ответить на простой вопрос: а как же быть со страданиями? Они тоже уйдут? Об этом старались не говорить, как старались не говорить о смерти. Но и смерть, и страдание – это часть человеческого бытия. Нет человека, который бы не проходил через страдания, и христианское послание помогает людям решать самую, может быть, сложную задачу – задачу преодоления скорби и страданий в своей жизни.

Вот почему для нас Крест Христов – это не символ казни, не символ гибели, а символ спасения. И силой крестной мы способны побеждать тяжкие обстоятельства нашей жизни, духовно расти, а значит, следовать за Христом. Аминь».

В благодарность за труды Святейший Патриарх Кирилл вручил митрополиту Викентию панагию и крест, изготовленные по случаю 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира.

В дар новоосвященному собору Святейший Владыка передал икону Христа Спасителя, для храмов Ташкентской епархии – напрестольные Евангелия.

Затем Святейший Патриарх вручил церковные награды. Во внимание к помощи Ташкентской епархии высоких наград были удостоены: генеральный директор «Лукойл Узбекистан оперейтинг компани» С.Л. Гуржий – ордена преподобного Серафима Саровского III степени; генеральный директор ИП «ООО Термо Дом» В.А. Штейнер – ордена преподобного Серафима Саровского III степени; заместитель генерального директора ООО «Узэлектроаппарат-Электрощит» В.М. Дворин – ордена преподобного Серафима Саровского III степени; Т.А. Сабинова – ордена преподобной Евфросинии Московской III степени; директор Научно-исследовательского института продовольственной безопасности и экологии Уральского государственного аграрного университета, заместитель председателя Законодательного собрания Свердловской области В.В. Маслаков – медали ордена Славы и чести I степени; руководитель представительства группы компаний «Сибирские транспортные технологии в Узбекистане» Д.Э. Павленко – медали преподобного Серафима Саровского; руководитель социального отдела Ташкентской епархии Л.В. Горловецкая – Патриаршей грамоты.

Прием от имени Правительства Республики Узбекистан в честь визита Святейшего Патриарха Кирилла

1 октября в государственной резиденции Куксарой в Ташкенте состоялся прием от имени Правительства Республики Узбекистан в честь визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

На мероприятии присутствовали: государственный советник Президента Республики Узбекистан Р.Т. Камилов и представители руководства страны, члены официальной делегации, сопровождающей Святейшего Патриарха, архиереи, прибывшие на торжества в столицу Узбекистана, духовенство Среднеазиатского митрополичьего округа, послы ряда государств, в том числе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана.

Р.Т. Камилов приветствовал Святейшего Патриарха Кирилла от имени Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева, высоко оценив значение визита Его Святейшества.

Предстоятель Русской Православной Церкви отметил необходимость диалога на уровне глав государств и правительств, в ходе которого «отрабатывается взаимодействие в области экономики, согласуются политические позиции». «Это необходимо, без этого диалога не развивается доверие на самом высшем уровне, а без этого тормозятся отношения между народами», – заявил Святейший Патриарх.

Наряду с политическим и экономическим диалогом очень важен «диалог сердец», без которого «никогда не будет подлинного взаимопонимания и доверия». «Этот диалог на уровне сердец должны осуществлять, в первую очередь, религиозные люди... Роль религии в наших странах значительна. Большинство людей в России принадлежат Православию, здесь – исламу. В России мирно и спокойно чувствуют себя мусульмане, они окружены уважением, и отношения их с православными выстраиваются очень благополучно... И здесь, могу теперь об этом свидетельствовать, мирно выстраиваются отношения между исламом и Православием, и Русская Православная Церковь обладает в Узбекистане такими возможностями, которых не имеет во многих других странах. Мы все это видим и выражаем нелицемерную благодарность за те условия, которые сегодня здесь существуют для Русской Православной Церкви».

По мнению Его Святейшества, подлинная дружба между народами не может строиться только на политических и экономических отношениях, сколь бы успешными они ни были, поскольку такие отношения всегда имеют прагматическую основу, а «на уровне прагматизма нельзя построить то, что мы называем дружбой». «Диалог на уровне сердец очень важен, без него не может быть подлинной дружбы», – добавил Святейший Владыка.

«В прошлом существовало заблуждение, что дружба может сформировать общность идеологических позиций, – не может. Дружба формирует сердечные отношения одного человека к другому, и мы, люди веры, должны содействовать тому, чтобы эти сердечные отношения развивались», – заявил Предстоятель Русской Церкви, отметив, что развитие таких отношений стало одной из главных целей его визита.

В числе других причин посещения Узбекистана Святейший Патриарх назвал желание «увидеть нашу православную общину, помолиться вместе с ней, убедиться в том, насколько замечательные, добрые и благоприятные условия существуют для ее развития».

«Благодарю Бога за то, что так успешно сложилось мое посещение Узбекистана, за то, что я увидел значительное развитие жизни Православной Церкви по сравнению с тем, что здесь было в 1980-е годы и в начале 1990-х, и, конечно, за ту атмосферу дружбы, доброжелательности по отношению к России, к русскому народу, которую я испытал на самом себе», – заключил Святейший Патриарх.

Торжественный акт, посвященный 145-летию Ташкентской епархии

1 октября 2017 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил с речью на торжественном акте, посвященном 145-летию Ташкентской епархии, который состоялся во дворце «Туркистон» в Ташкенте.

«Дорогие братья и сестры! Уважаемый Рустам Туйчиевич! Владыка митрополит Викентий!

Я с очень теплым чувством прибыл в Узбекистан. Я уже говорил неоднократно, в том числе публично, что мне приходилось приезжать сюда несколько раз в то время, когда Узбекистан еще входил в состав Советского Союза. Я видел состояние церковной жизни и могу теперь сравнивать, что произошло за эти годы. Невозможно даже узнать кафедральный собор и прилегающую территорию; построены и продолжают создаваться замечательные сооружения. Могу сказать, что положение Церкви в Узбекистане может служить примером и для некоторых областей Российской Федерации. Конечно, всего этого не было бы без поддержки государства, мы это ясно сознаем. Узбекистан – это многонациональное, многорелигиозное государство, но в основном здесь две религии – ислам и Православие. И тот факт, что государственная власть дает этим двум религиям равные возможности для развития, свидетельствует о понимании важности сохранения межрелигиозного мира для консолидации всего общества.

Радуюсь тому, что русские, украинцы, белорусы – наша паства здесь, в Узбекистане, – являются активной частью общества. Более того, я пошел бы дальше и сказал об особой ментальности православных людей, которые родились и живут в Средней Азии, в том числе в Узбекистане. Некоторые возвращаются в Россию, и, когда встречаешься с ними, отмечаешь их очень сильные, положительные стороны... Вернувшись в Россию, эти люди принимают активное участие в различных делах, в том числе в бизнесе, добиваются успеха. От вашего морального, духовного облика во многом зависит уважение, которое к вам питают наши братья и сестры – мусульмане. И это очень важно, потому что межнациональное уважение сходит на нет, когда люди, представляющие ту или иную общину, начинают уступать другим – в нравственном смысле, с точки зрения образования и прочих качеств... Радуюсь тому, что православная община Узбекистана является органичной и активной частью общества, несущей потенциал мира и согласия.

Нужно отметить одно важное обстоятельство. В послании Президента перечислялись ценности, которые являются общими и для православных, и для мусульман. Эти ценности связаны с нравственным состоянием человека. Речь идет об отношении к ближнему, об отношении к Родине, об отношении к труду, об отношении к старшим. В глобальном масштабе эти ценности сегодня подвергаются коррозии. Навязываются другие «ценности», которые мы, люди традиции, и ценностями назвать не можем, – такое мы называем просто грехом и сопротивляемся этому. Но во многих странах – впервые за всю человеческую историю – грех поддерживается государственными законами. Когда некие совершенно выпадающие за рамки традиционной морали способы сожительства возводятся в ранг брачных

отношений, нравственное чувство большинства людей надрывается. А законы таких стран не просто поддерживают альтернативный, греховный выбор, но, к сожалению, приравнивают эти отношения к естественным отношениям мужчины и женщины. Я упомянул эту болезненную тему, потому что православные люди во многих странах страдают от того, что происходит, ведь с законами нужно волея-неволей считаться. А это приводит православные общины в состояние напряжения с окружающим миром.

Во многих странах поощряется так называемая ювенальная юстиция, с очень жесткими правилами контроля внутрисемейных отношений – якобы со стороны общества, но, по сути дела, власти. По пустяковым причинам вводится внешнее управление семьей, дети изымаются только потому, что кому-то не понравились условия их содержания, под надуманным предлогом дети передаются даже не в социальные учреждения, а неведомым приемным родителям, а настоящим родителям не дают даже права их посещать. Все это ранит нравственное чувство и создает средостение между православными, которые не принимают такого рода законы, и другими гражданами, не принадлежащими Православной Церкви.

Ничего подобного нет в странах, где большинство граждан принадлежат к мусульманской религии. Потому мы и свидетельствуем об определенной общности наших ценностей... А ведь основа мирной жизни – это всегда общий нравственный консенсус. Если нет нравственного консенсуса, то никакие законы людей не объединят, и даже высокий уровень жизни не ликвидирует средостения. Поэтому нужно с благодарностью Богу отметить, что в этих странах бережно сохраняются нравственные принципы личной, семейной, общественной жизни, которые разделяются и православными. Дай Бог, чтобы так было, и дай Бог, чтобы никогда никакие привходящие обстоятельства не разрушали этого единства. Верю, что так и будет, но для этого мы все должны работать – и православные, и мусульмане. Поэтому я очень приветствую развитие разного рода связей, контактов, в том числе культурных и образовательных...

Слава Богу, что и в Узбекистане мы встречаемся с той же практикой добрососедства – люди живут бок о бок, дружат. Я уже имел возможность сказать, как был приятно удивлен той симпатией, которую выражали простые мусульмане, мужчины и женщины, вчера в Самарканде, когда я просто гулял по городу. Многие махали руками, кланялись, и достаточно было взглянуть на лица, чтобы убедиться, что это не искусственно, что это исходит от сердца. Думаю, это очень дорогого стоит, и мы все должны хранить и приумножать то, что есть, – и в Узбекистане, и в России, где также во многих регионах православные люди живут бок о бок вместе с мусульманскими братьями и сестрами.

Я не раз чувствовал особую близость наших народов, в том числе встречаясь с Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Миромоновичем Мирзиёевым. Мы имели продолжительную и очень содержательную беседу. Мне было важно услышать все то, что говорил Президент. Я почувствовал его глубокую заинтересованность в динамичном развитии своей страны, в поддержании межрелигиозного мира, в уважении к православным людям, в верности собственной рели-

гиозной традиции. Дай Бог, чтобы эти планы, реализуемые многими молодыми талантливыми политиками, осуществлялись; чтобы Узбекистан процветал духовно, культурно, экономически; чтобы политическая и социальная системы были стабильными; чтобы люди чувствовали себя уверенно, свободно и спокойно вне зависимости от их национальности и религиозных убеждений.

Владыка Викентий в своем вступительном слове рассказал нам об истории становления Православия здесь, в Средней Азии, упомянув 145-летие Ташкентской и Туркестанской кафедр, начало архипастырских трудов Преосвященного Софонии (Сокольского). Мы убеждены: все, что владыка Софония здесь совершал, было продиктовано простым человеческим чувством уважения и любви. Невозможно строить религиозную жизнь своей общины, входя в конфликт с теми, кто тебя окружает. Невозможно заниматься просвещением своей собственной общины, живущей в присутствии другой мощной религиозной традиции, не зная последнюю. А владыка Софония прекрасно знал арабский язык, он читал Коран в подлиннике, он, естественно, имел высокий авторитет среди просвещенных религиозных деятелей ислама, но не гнушался общением и с простыми людьми. Это зафиксировано в воспоминаниях владыки. Мощный социальный срез, в котором жил владыка Софония, был ему реальной поддержкой во всех делах и начинаниях. Мусульмане относились к нему с уважением и любовью, а православные, видя, каким уважением он окружен, с полной открытостью и любовью принимали его духовное руководство.

Для нашей Церкви свидетельство о вере никогда не было средством принуждения и распространения некоего влияния, – это нужно ясно понять. Если сравнить православную миссию с миссией некоторых западных конфессий, которая сопровождалась порой насилием, принуждением, стремлением достичь каких-то политических целей, то можно сказать, что православное свидетельство о вере никогда не несло в себе стремление утвердить некое влияние... Евангелие учит нас быть открытыми, честными и говорить то, что думаем. И если священнослужитель таким образом говорит о Православии, то он, конечно, находит симпатию среди тех, к кому обращено его слово.

Мы с вниманием относимся к нуждам русскоязычных людей, живущих в Узбекистане, среди которых русские, украинцы, белорусы, представители других народов, за судьбу которых мы несем пастырскую ответственность. Но хотел бы особо отметить, что Русская Православная Церковь – это не национальная община, не политический орган и не представительство какого-либо государства. В ней есть место для любого православного человека, и она готова к соработничеству с любым государством, где несет свое служение. И в России, и в Узбекистане, и в других странах наши архипастыри, пастыри, миряне молятся о мире и благополучии государства, в котором живут. Они стремятся служить благу единоверцев, уважают страну пребывания, ее народ и власти предержащие. Вот постулаты и принципы, на которых основывается наше присутствие в странах, где Православие не является религией большинства.

В этом году мы отмечаем 100-летие Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов. Отмечу, что на Соборе присутствовала церковная делега-

ция из Туркестанского генерал-губернаторства – священнослужители, миряне, которые впоследствии испытали на себе антирелигиозные гонения. Многие страдания перенес и святитель Лука (Войно-Ясенецкий), светило медицины и архиерей Русской Церкви. В 20-е годы он находился здесь, в Туркестане. Его бескорыстные медицинские труды были известны всем местным жителям, невзирая на политические разделения; и белые, и красные об этом знали. В этом году мы отмечаем 140-летие со дня рождения святителя, которого мы можем по праву называть святым и русской, и узбекской земли. Память о его подвиге, его глубокой вере, служении Богу и ближним является примером для всех, и не только для христиан.

Вера меняет нас и вдохновляет на служение ближнему вне зависимости от национальных, культурных и каких-либо иных отличий. Служением ближним, бескорыстным самопожертвованием мы находим путь к Богу и обретаем смысл человеческой жизни. И Церковь, стремясь быть открытой для людей, развивает сегодня различного рода служения. Конечно, в первую очередь это богослужение, но также сопутствующее богослужебной активности социальное, молодежное, просветительское служение. Сегодня каждый приход должен быть таким центром, где находили бы свое место люди, может быть, с разными взглядами на жизнь – в силу возраста, образования, положения; но каждый должен чувствовать себя в приходе дома.

Именно поэтому нужно обращать особое внимание на работу с детьми и молодежью. Я уже говорил, что молодежь – достаточно уязвимая категория общества, потому что молодые привыкли слушать взрослых, учителей и воспринимать слова, которые к ним обращены, как некую истину в последней инстанции, ведь так ученик воспринимает то, что учитель произносит на уроке. Молодежь живет в атмосфере восприятия сигналов, поступающих извне, как несущих что-то существенное и важное для них. А опыта жизненного еще нет, знаний недостаточно, и поэтому молодой человек не всегда способен к тому, чтобы критически отнестись к этим сигналам. Он не может разделить хорошее и плохое; иногда даже простые слова одноклассника, который восторгается какой-нибудь телевизионной передачей, постом в социальных сетях или еще чем-то, может повлиять на сознание ребенка сильнее, чем слова родителей и даже учителей.

В этом смысле мы должны обратить особое внимание на работу с молодежью. Мы должны помогать молодым людям критически относиться к информационному потоку, который на них обрушивается. Такое разумное отношение к информации можно привить ребенку, если он будет вооружен правильным критерием ее восприятия. Чаще всего проповедь религиозного экстремизма усваивается молодежью. Почему? Да по той же причине – взрослый человек жизнь прожил, он многое знает, он может сравнить и сказать: «Нет, простите, все это не для меня, я по этому пути не пойду». А молодой человек иногда оказывается захвачен самой манерой подачи экстремистских идей. Поэтому очень важно работать с молодежью и прививать ей навык критического отношения к информационному потоку, потому что оградить детей от этого потока невозможно, – так сегодня развивается человеческая цивилизация. Если раньше родители оберегали психику детей,

считая, что нужно оградить их от той или иной преждевременной информации, то сегодня это невозможно, потому что информационный поток проникает через любые стены, даже монастырские, о чем я иногда говорю, встречаясь с монахами. Если у вас есть мобильный телефон, то никаких монастырских стен нет, они рухнули. А ведь монах приходит в монастырь, чтобы оградиться от мира. Раньше так и было – зашел за монастырские стены и оказался в особой атмосфере духовной жизни, молитвы, трудов. А теперь ничего подобного: включил мобильный телефон, вышел в социальные сети, в Интернет, – и вся стихия мира обрушивается на тебя...

И вот еще о чем хотел бы сказать... В советское время все было сделано для того, чтобы вытеснить знания о религии. Конечно, отсутствие этих знаний чревато многими опасностями. Дореволюционные традиции православного богословия, исламского образования в советское время были полностью разрушены, десятилетиями интеллигенция и простые люди не имели о них адекватного представления. Активно навязывался миф о том, что верующий – это синоним малообразованного и темного человека, что наука якобы победила религиозные предрассудки; мы, люди среднего и старшего поколения, все это хорошо помним. В результате подобной политики выросли целые поколения людей, не имеющих систематических знаний о собственной религиозной традиции. Сейчас на постсоветском пространстве, да и на Западе существует огромный дефицит знаний о религии, которые во многих странах считаются чем-то факультативным и ненужным. Но ведь даже перед тем, как сесть за руль, человек во всех странах получает водительское удостоверение, – потому что управляемый неумелой рукой автомобиль может быть очень опасен. Если же речь идет о вере, то человеку почему-то предлагается научиться самому, и это в условиях, когда традиции передачи знаний о религии систематически уничтожались и не в полной мере восстановлены до сих пор! Вот мы в России об этом говорим. Долго шла борьба за то, чтобы в наших школах детям могли преподавать основы православной, исламской, иудейской, буддистской культур либо основы религиозных знаний вообще – по выбору. И нам говорили: «Так вы сами воспитывайте детей, пусть они сами учатся в семьях или еще где-то». Так вот, хороший пример: чтобы водительские права получить, ведь недостаточно семейного наставления, чтобы папа научил сына, как ему автомобиль водить, – нужна система, нужны знания. А преподавать важнейшие знания о духовной традиции своего собственного народа в школе не позволялось. По милости Божией эта проблема в России разрешена.

Думаю, очень важно, чтобы в наше время, когда на молодежь обрушивается избыток негативной информации, повсеместно преподавались основы религиозной культуры и вообще религиозной традиции. И это преподавание должно вестись разумно, на научной основе, просвещенными людьми и сопровождаться не только передачей информации об истории религиозной традиции, о каких-то общих понятиях, но способствовать формированию нравственной личности. Ведь как нас в семьях воспитывали? «Это нельзя делать, потому что это грех». Если ребенка с детства так воспитывали, то понимание того, что украсть, обмануть – это грех,

прочно входило в сознание. Вот нам и нужно найти такую возможность, чтобы научные знания о религии сочетать с правильной передачей ее этических норм. Все это должно быть направлено на достижение конкретной цели. Мы преподаем основы Православия, ислама, иудаизма, буддизма, – это традиционные религии в России, – но у нас есть единое целеполагание. Мы стараемся вывести все эти курсы в наших школах к одной цели – к формированию нравственно здоровой, любящей свою Родину, уважающей свои традиции личности. Используем разные аргументы, потому что традиции разные, а цель одна.

Мне кажется, преподавание основ религиозной культуры сегодня имеет очень важное значение не только для России, но и для многих других стран. Когда тысячи лжепроповедников разных мастей борются сегодня за душу ребенка или молодого человека и стараются воспользоваться данной ему свыше потребностью в поиске истины, они преследуют свои низменные цели, и нет никаких сомнений, что за всплесками псевдорелигиозного радикализма во многих случаях стоит религиозное невежество. Я имел возможность обмениваться мнениями по этому поводу со всеми, с кем здесь встречался, в том числе и с Шавкатом Миромоновичем, и с муфтием господином Алимовым, – и есть общее понимание того, что отсутствие религиозных знаний способствует формированию экстремистских взглядов в религиозной среде. Полагаю, что повышению культуры, в том числе в сфере межрелигиозного общения в Узбекистане, может способствовать и перевод книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета на узбекский язык. Это откроет широкому кругу людей возможности для более глубокого знакомства с христианской культурой. В Священном Писании мусульмане опознают ту же самую этику, которая присутствует в Коране, а это очень важно. Открывается возможность увидеть, что те же самые фундаментальные нравственные принципы, может быть, не во всех деталях, присутствуют и в Священном Писании христиан. Думаю, это будет и развивать наш диалог, и содействовать добрым, братским отношениям, необходимым для построения мирной жизни солидарного общества.

1 октября в Узбекистане отмечается важный праздник – День учителя и наставника. Я никогда раньше не встречался с такой формулировкой названия праздника, которая предполагала бы почитание не просто учителей, но и наставников. А ведь действительно, без наставничества получение знаний бессмысленно. Образование – это не только совокупность теоретических и эмпирических знаний, но это еще и передача определенных норм, в том числе норм мыслей и поведения. Человек, который лишь обучен профессиональным навыкам, не становится образованным; специалиста нельзя превращать в своего рода товар на рынке услуг, который покупают те, кому определенного рода услуги нужны. Наставник – это тот, кто должен воспитывать ученика как личность, учить его ответственности за использование передаваемых знаний. Знание – сила, а именно наставник призван помочь обучающемуся направить эту силу на созидание мира и любви. Это особенно важно в сфере культуры и творчества, где профессионализм и свобода художника не должны становиться средством разрушения религиозных, семейных и общественных ценностей. Наставничество неотделимо от уважения к старшим,

к семье, к своему народу, к Отечеству и его истории, т.е. ко всему тому, что лежит в основе как христианской, так и мусульманской этики.

Завершая свое выступление, я хотел бы пожелать народу Узбекистана мудрых наставников, искренними трудами которых создавалось бы будущее вашей страны. Пусть мир и благополучие пребудут в доме каждого из вас. Благодарю за внимание».

2 октября 2017 года

Посещение Боткинского кладбища в Ташкенте

2 октября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Первое городское кладбище Ташкента, более известное как кладбище по улице Боткина, или Боткинское.

Предстоятеля Русской Православной Церкви сопровождали: глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий; председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион; руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда, руководитель Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси священник Александр Волков.

Святейший Патриарх Кирилл побывал в храме святого благоверного великого князя Александра Невского, построенном в 1902–1905 гг. Это один из трех храмов, действовавших в Ташкенте в советский период.

У храма Святейшего Владыку встречали настоятель Александро-Невской церкви протоиерей Сергей Стаценко и духовенство Ташкента.

Предстоятель Русской Церкви обратился со словом к присутствующим:

«Ваши Высокопреосвященства! Дорогие отцы, братья и сестры!

Очень рад посетить исторический храм Александра Невского в Ташкенте на Боткинском кладбище, где лежит не одно поколение православных русских людей и которое само по себе является памятником присутствия нашего народа на этой земле. Среди тех, кто похоронен здесь, есть выдающиеся люди, трудившиеся в разных отраслях знания и общественной деятельности, и просто яркие личности, с которыми связана история русского присутствия в Ташкенте.

Когда мы прикасаемся к прошлому даже через созерцание надгробий, то всегда в сознании происходит нечто важное. Во-первых, каждый понимает, что и он будет также погребен. «Несть человек, иже жив будет и не согрешит», и нет ни одного человека, который бы избежал кончины. Вот почему созерцание надгробий и молитва на кладбище всегда имеет значение для тех, кто молится, ибо ничто не приводит нас так в соприкосновение с вечностью, как смерть.

Иногда люди боятся смерти, оберегают детей от того, чтобы они видели покойников, не любят говорить на эту тему. Это происходит от неверия, от чрезмерной привязанности человека к этой жизни и от нежелания думать о будущем. А верующий человек обязан думать о будущем, потому что будущая жизнь является целью нашей земной жизни и для того, чтобы достигнуть Царствия Божия, нужно жить так, чтобы после кончины открылись перед нами благие врата вечности.

Церковь хранит память о почивших, совершает заупокойные богослужения, особенно торжественно это происходит в дни поминовения усопших. Нужно помнить о предыдущих поколениях, нужно молиться о своих родителях, о всех тех, кого мы помним в череде предшествовавших нам родных и близких людей, и, конечно, всегда помышлять о своей собственной жизни.

Пусть Господь всех вас хранит, укрепляет веру в сердцах ваших и память о почивших предшествовавших поколениях».

В дар храму Александра Невского на Боткинском кладбище Святейший Владыка передал список Смоленской иконы Божией Матери.

После посещения храма Святейший Патриарх Кирилл возложил цветы к могиле родственников святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В 1919 году будущий святитель В.Ф. Войно-Ясенецкий неподалеку от храма Александра Невского похоронил жену – Анну Васильевну Ланскую. В 1931 году рядом с ее могилой похоронили маленькую девочку Наташеньку – внучку святителя Луки, а в 1972 году – Елену Валентиновну Жукову-Войно, единственную дочь Валентина Феликсовича и Анны Васильевны. В настоящее время здесь установлены скромные надгробия. Святейший Владыка также побывал на могиле архимандрита Бориса (Холчева, 1895–1971 гг.).

Предстоятель Русской Церкви возложил к могилам цветы, была возглашена «Вечная память».

Затем Святейший Патриарх Кирилл посетил часовню во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», построенную в начале 70-х гг. XIX века, вскоре после возникновения на этой территории кладбища. В начале 20-х годов XX века, после того, как Александро-Невский храм захватили обновленцы, православные прихожане вынуждены были проводить богослужения в этой часовне. Вблизи часовни находятся могилы видных служителей Ташкентской и Узбекистанской епархии – митрополитов Арсения (Стадницкого, †10 февраля 1936 г.), Никандра (Феноменова, †18 февраля 1933 г.) и архиепископа Гавриила (Огородникова, †28 февраля 1971 г.).

Предстоятель Русской Церкви, приветствуя собравшихся, заявил, что с особым чувством посещает это место, где «сохранялось каноническое Православие, собирався народ, отказавшийся принять раскольников-обновленцев, несмотря на то, что обновленцев поддерживала власть и силой вытесняла верующих людей».

«На этом месте, под навесом, совершались богослужения до тех пор, пока не пала обновленческая ересь и обновленческий раскол. Мы должны хранить память о мужестве наших предшественников, которые в тяжелейших условиях сохраняли верность каноническому Православию, молились за Патриарха Тихона, никогда не

изменяли Церкви Русской... И сегодня, в это непростое время, единство Церкви – это непереносимый залог сохранения единства нашего народа. Без единства Церкви трудно говорить о подлинном единстве народа. А если народ разделяется, то и государство теряет силу. Пусть Господь хранит всех нас в единомыслии, в единстве и крепкой вере православной».

Святейший Патриарх Кирилл совершил заупокойную литию по почившим архипастырям и священнослужителям Ташкентской епархии. После возложения цветов на могилы ташкентских святителей была пропета «Вечная память».

Затем Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Синодальный административный центр Среднеазиатского митрополичьего округа.

Синодальный центр построен на базе старого епархиального управления – резиденции правящих архиереев Ташкентской епархии. Это место в центре города было выкуплено у государства в середине 1940-х годов. Здание епархиального управления долгое время оставалось без ремонта и со временем обветшало. В 2012 году было принято решение о сносе имеющихся одноэтажных строений. В январе 2013 года был заложен первый камень в основание нового двухэтажного строения, в котором впоследствии было решено разместить Синодальный административный центр, где проходят заседания Синода Среднеазиатского митрополичьего округа. Данное строение служит также гостиничным комплексом для архиереев, прибывающих в Ташкент для участия в заседаниях Синода Округа, и сопровождающих их лиц.

После осмотра Синодального центра Святейший Патриарх Кирилл направился из Ташкента в Бухару.

Посещение храма Архистратига Божия Михаила в Бухаре

2 октября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл прибыл в Бухару. Предстоятеля Русской Православной Церкви сопровождали глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий; председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион; митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл; руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергей; председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда, руководитель Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси священник Александр Волков.

В аэропорту Бухары Святейшего Патриарха Кирилла встречали государственный советник Президента Республики Узбекистан Р.Т. Камилов, председатель Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан А.А. Юсупов, заместитель министра иностранных дел Республики Узбекистан С.П. Ниязходжаев, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, председатель Духовного управления мусульман Узбекистана муфтий Усмонхон Алимов, хоким Бухарской области У.И. Барноев.

Из аэропорта Предстоятель Русской Церкви направился в храм Архистратига Божия Михаила, где Святейшего Владыку встречали настоятель священник Леонид Петров, духовенство и многочисленные верующие. Отец Леонид приветствовал Святейшего Патриарха в храме и преподнес Его Святейшеству сувенир, выполненный бухарскими мастерами.

Затем Предстоятель, архиереи и духовенство вышли на паперть храма. Глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий приветствовал Святейшего Владыку.

Святейший Патриарх Кирилл со ступеней храма обратился к верующим с Первосвятытельским словом.

«Ваше Высокопреосвященство, владыка Викентий! Дорогие владыки, отцы, братья и сестры!

Сердечно всех вас приветствую и испытываю великую радость от встречи с вами, которая имеет для меня очень большое значение. Конечно, я читал о Бухаре, знаю историю этого города, его культурное значение, как и особое значение Бухары для людей, исповедующих ислам, но трудно было представить, что в какой-то момент я смогу посетить этот город и увидеть вас, православную паству. Радуюсь, видя ваши светлые лица, в которых отображаются ваша вера, ваша надежда и любовь.

Все мы призваны Господом и Спасителем нашим к тому, чтобы жить по Его воле, по Его замыслу, по Его законам. Когда человек старается жить в соответствии с Божественным законом, он обретает самое главное – он становится счастливым человеком. Я очень часто говорю, что ни образование, ни деньги, ни социальное положение, ни власть не открывают перед человеком счастье, потому что счастье – в душе, в сердце; это же каждый знает. Рост материального благосостояния, несомненно, полезен для обеспечения достойных жизненных условий, но далеко не всегда он сопутствует тому, что мы называем счастьем.

Так устроен человек, и горе тем, кто этого не понимает, кто опирается исключительно на внешние факторы и стремится обустроить свою жизнь, полагая, что этого достаточно. Совсем нет! А когда мы живем с Богом, даже стесненные внешние обстоятельства преодолеваются с легкостью, потому что Господь дарует нам великую внутреннюю силу. И эта сила опознается нами, когда мы собираемся в храме, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, когда мы читаем Евангелие, когда мы проникаемся Божественными словами.

Очень важно, чтобы религиозность нашего народа, в том числе живущего вне России, не была религиозностью только по обычаю – мол, если ты русский, то должен быть православным. Как много тех, кто называют себя православными, но и в храм ходят очень редко, и вера у них где-то на периферии! Для того чтобы полностью опираться на потенциал нашей веры, мы должны быть активными в своем исповедовании веры. Активность должна проявляться в посещении храма, в каждодневной молитве, в обращении к Богу тогда, когда душа особенно тоскует. И Господь в ответ на нашу веру, на наше обращение к Нему дает Свою милость. Религиозность должна быть живой. Верующим нельзя быть от воскресенья до вос-

кресенья, а ведь иногда лишь несколько раз в году человек вспоминает о Боге и идет в храм. А верующий человек живет своей верой, полагает ее в основу своего отношения к окружающим. Вот главная задача пастырей – пробуждать в пастве именно такую веру, стремление быть с Богом и строить жизнь на основании Божественного закона.

У каждого из вас есть мечты, желания, надежды. Дай Бог, чтобы силой Божией все ваши лучшие ожидания, надежды и мечты сбывались. Я желаю каждому здоровья, физических и духовных сил. Я желаю каждому мира в семьях, достойно воспитанных детей и внуков. Наиболее важные идеи, которые распространялись на протяжении всей человеческой истории, передавались каждому последующему поколению в первую очередь через родителей, потому что родители учат ребенка с самого начала его жизни, они формируют его характер, они формируют его мировоззрение. И как важно, чтобы дети приобщались к вере с первых лет жизни! Очень важно также, чтобы по мере взросления ребенок получал знания о своей вере. Поэтому так необходимо развивать воскресную школу, и дай Бог, чтобы как можно больше детей ее посещали. Но бывает и так, что ребенок учится в воскресной школе, посещает храм с родителями, с бабушкой и дедушкой, а потом вступает в юношеский возраст и потихонечку перестает ходить, потому что стихии мира сего захватывают и то, в чем ребенка воспитывали родители, нередко уходит на задний план. Поэтому очень важно, чтобы и юноши наши, и девушки, вступающие во взрослую жизнь, сохраняли навыки религиозной жизни, которые закладываются в храме, и в семье.

Вы живете среди мусульманского большинства. Бухара – это особый город. Здесь находится известное во всем мире медресе, в котором воспитывались выдающиеся деятели исламского мира, богословы, занимающие сейчас высокие посты в исламской умме. Очень важно, чтобы наши отношения с представителями исламской религии всегда были мирными и добрыми. А как устроится мир между людьми? Если мы зла не делаем, то можем рассчитывать и на доброе отношение к себе. Добрые отношения между представителями разных религий, христианства и ислама, являются необходимым залогом общественного процветания. Дай Бог, чтобы и всегда люди жили бок о бок, никогда не враждуя друг с другом на почве религии. Дай Бог, чтобы мир пребывал в ваших семьях и вокруг вас.

Желаю благословения Божия каждому из вас, а городу Бухаре – процветания. Пусть Господь хранит вас!»

В дар храму Святейший Патриарх передал икону Божией Матери «Спорительница хлебов». Верующим были вручены иконки Спаса Нерукотворного.

Интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Узбекистан»

В тот же день Предстоятель Русской Православной Церкви дал интервью телеканалу «Узбекистан» по итогам визита в Ташкентскую и Узбекистанскую епархию.

– Ваше Святейшество, как Вы оцениваете практическую значимость Вашего

визита в Узбекистан в деле укрепления межнационального согласия и религиозной толерантности в наших странах?

– Это мой первый визит в Узбекистан в сане Патриарха. Узбекистан является страной с очень сильной исламской традицией. Здесь ислам представлен архитектурными шедеврами, которые имеют огромное историческое и эстетическое значение. Кроме того, очень важно, что здесь сохраняется традиция исламской учености. Другими словами, ислам представлен здесь с очень важной стороны для восприятия людьми, которые к исламской традиции не принадлежат. Нельзя не поражаться архитектурным красотам, созданным вашими далекими предками. Когда сравниваешь их с соответствующими архитектурными шедеврами Православия, понимаешь, что и те, и другие были вдохновлены религиозной идеей.

В наше время, когда религия перестает занимать важное место в жизни, когда формируется достаточно секуляризированное, далекое от традиции сознание, для меня было очень важно убедиться в том, что традиция здесь живет. Были времена, когда всякая религиозная традиция запрещалась – и православная, и исламская. Но сейчас совершенно очевидно, что здесь расцвет исламской традиции, и это влияет на нравственное состояние общества. А поскольку нравственные принципы у православных и у мусульман очень близки (я не говорю о деталях), то это означает, что у нас есть некий нравственный консенсус, на основании которого может строиться все остальное. Я всегда отрицал тезис, что экономика является базисом для общества. Так учили наши марксистские философы. Но экономика может видоизменяться, иметь большее или меньшее значение, а базисными являются нравственная природа человека и, конечно, нравственная традиция, на основании которой формулируются законы и вообще строится человеческое общежитие.

Поэтому мне кажется, что укрепление религиозности содействует укреплению нравственности, а через укрепление нравственности формируется нравственный консенсус людей, которые опознают друг в друге много общего. Вот почему я с большим удовлетворением познакомился здесь с жизнью мусульман. Конечно, я был очень рад помолиться вместе со своими единоверцами. Вижу, как за последние годы укрепились межрелигиозные отношения. И по своему прошлому, по своей истории, по своей культуре, и по своему настоящему Узбекистан является замечательным местом, где взаимодействуют, сотрудничают и бок о бок живут люди, принадлежащие к разным религиям.

– Какие наиболее актуальные и важные вопросы были обсуждены в ходе Вашей встречи с Президентом Узбекистана Шавкатом Миромоновичем Мирзиёевым?

– Во-первых, я очень благодарен господину Президенту за продолжительную неформальную встречу. Мы говорили от сердца к сердцу. Я увидел в Президенте Узбекистана человека, очень серьезно воспринимающего факт религиозности своего народа и с уважением относящегося к православным. Мы говорили, конечно, о многом. Мы касались темы векторов цивилизационного развития современного человечества. Совершенно очевидно, что если из жизни людей будет изгоняться религиозное начало, если жизнь людей утратит нравственное измерение, то ничего доброго не будет ни в международных, ни в межличностных отноше-

ях. Подробно обсуждалась связь традиции, нравственного начала и политических процессов.

Еще я обратил внимание на то, с каким вниманием относится господин Президент к тому, чтобы слышать свой народ. Не всегда можно встретиться с государственным деятелем, который в качестве приоритета в своей деятельности рассматривает необходимость слышать людей. Мне рассказали об открытии президентских приемных в различных регионах. Конечно, это очень непростое дело. Но то, что через прямой контакт с людьми Президент получает важные сигналы, несомненно, будет благотворно влиять на осуществление внутренней политики в Узбекистане.

– В Узбекистане проживают в мире и согласии более 130 наций и народностей. Вопросам укрепления межнационального согласия и религиозной толерантности у нас уделяется очень большое внимание. Это предусмотрено Стратегией действий по дальнейшему развитию республики. Как бы Вы прокомментировали такое внимание со стороны государства к этим важнейшим вопросам?

– Это очень важно, потому что религиозный фактор – очень сильный, и религиозные чувства – одни из самых сильных. Это хорошо знали многие правители, которые пытались «накачать» политические конфликты «кислородом» религиозных эмоций. Если вы объясните человеку, что, вступая в конфликт, он не просто защищает свои земные интересы, но тем самым Богу служит, защищая основы своей веры, то такой человек готов на любой подвиг, на любую жертву. Именно этот аргумент сейчас используют террористы. Обращаясь к людям, они говорят: «Ты должен бороться с неверными. Ты же борешься за Аллаха, – не бойся умереть, ты тут же в раю окажешься». Использование религиозной аргументации, с тем чтобы стимулировать радикальную и экстремистскую деятельность, – это нечто страшное, что сегодня присутствует в жизни рода человеческого.

Думаю, и господин Президент, и все нынешнее руководство Узбекистана прекрасно понимают, что нужно всячески оградить народ от такого рода пропаганды и подобного эмоционального воздействия. То, что здесь выстраиваются отношения взаимного уважения между религиями, а экстремизму противопоставляется тот ислам, который вдохновлял его последователей на протяжении столетий, – заслуживает очень высокой оценки. Дай Бог, чтобы так было.

– Ваше Святейшество, на сегодняшний день в Узбекистане проводятся активные социальные, общественно-политические реформы. Могли бы Вы поделиться общими впечатлениями относительно этих преобразований?

– Могу – на основании того, что видел в прошлом, и того, что вижу сейчас. Ташкент изменился до неузнаваемости. Я несколько раз бывал в Ташкенте еще в то время, когда мы все жили в одной стране. Столица Узбекистана вызывала у меня интерес – своей историей, архитектурой, бытом людей, но, конечно, то, что я сейчас увидел, – что называется, день и ночь. Я не узнавал улиц, по которым меня возили, не узнавал зданий. Это современный, очень красивый и очень разумно построенный город. Уже по одному этому можно судить, что Узбекистан – энергично развивающееся государство, у которого есть потенциал для развития. Этот

потенциал, в первую очередь, – трудолюбие народа, способность людей трудиться во благо Родины. Дай Бог, чтобы Узбекистан процветал. Очень важно показывать пример тем исламским странам, которые идут по несколько иному пути, потому что модель взаимодействия исламской традиции с государственной властью, модель включения исламской традиции в общественные отношения, которая присутствует в Узбекистане, несомненно, обеспечивает мир, стабильность, межрелигиозное взаимодействие и, еще раз хотел бы сказать, ограждает людей от соблазна экстремизма.

– Как Вы оцениваете деятельность местной епархии в Ташкенте и те условия, которые созданы для ее полноценного функционирования?

– Условия замечательные, я об этом уже несколько раз говорил. Я радуюсь тому, что в исламской стране Православная Церковь имеет такие условия. У наших священнослужителей есть возможность полноценно развивать церковную жизнь. Нет никаких ограничений. Я увидел новые постройки, которые меня просто поразили, я ознакомился с планами владыки Викентия по строительству духовно-культурного центра и музея. Меня все это очень радует. Ну, и самое главное – я видел лица людей во время богослужения. У несчастных людей таких лиц быть не может. Поэтому в памяти моей останутся эти светлые вдохновенные лица молящихся православных людей, которые живут в исламском окружении и, по милости Божией, живут в мире и согласии.

– Вы посетили Ташкент, а также два древних города – Самарканд и Бухару. Могли бы Вы поделиться своими впечатлениями по поводу этого?

– И Самарканд, и Бухара поражают наличием замечательных памятников. Только в одном месте я видел нечто подобное – в Исфахане, в Иране. Близкие культуры, близкая архитектура. Это отражает, конечно, духовную и эстетическую силу исламской традиции, но, кроме того, свидетельствует о том, что за народ здесь живет.

Меня даже посетила такая мысль: почему же в советское время игнорировался религиозный фактор, игнорировалось все то, что нас окружает, и почему из этого не делались соответствующие выводы? Если у народа есть такие памятники, то он обладает огромной духовной и культурной традицией, с которой нужно считаться. Может быть, неудачи нашей общей страны во многом и были обусловлены тем, что власть игнорировала религиозную, духовную традицию своего народа. А сейчас все это здесь представлено очень ярко и, еще раз хочу сказать, укладывается в рамки добрых взаимоотношений между мусульманами, православными и представителями других религий.

– Ваше Святейшество, спасибо за очень интересное интервью. Мы очень рады Вашему визиту.

– Спасибо. Я тоже очень рад посетить Узбекистан.

Всеволод СТРАТОНОВ

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»*

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Дело Сморгунера

К окружному суду – одноэтажному дому на тихой улице, потонувшему в зелени, быстро подъезжает коляска. Пара вороных совсем взмылена, точно в снегу.

Выскакивает пожилой офицер, в синем казачьем мундире, с полковничьими погонами:

- Сторож!
- Здесь, ваше высокоблагородие!
- Присяжный поверенный Сморгунер¹ здесь?
- Так точно!
- Вызови его ко мне!

Пока сторож ищет Сморгунера, казачий полковник нервно шагает по приемной. <...>

Входит высокий рыжеволосый мужчина. Останавливается в недоумении.

- Это вы меня вызывали?
- Да, я!
- Что же вам угодно?
- А вот что!

Бац! Бац! Бац!

Сморгунер сваливается, убитый наповал. На выстрелы сбегаются служащие, публика... Кто-то кричит:

- Городовой!

Вбегает дежуривший у суда полицейский.

* Продолжение. Начало в №№ 4, 2016 – 1, 2017 (XLII); 2 (XLIII), 3 (XLIV), 2017. Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни» как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)».

– Городовой, я убил присяжного поверенного Сморгунера!
– Ваше высокоблагородие, дозволейте вас арестовать...
– Не имеешь права! Я – командир полка. Арестовать меня можно только по высочайшему повелению!

Полковник садится в коляску, едет домой. Оттуда посылает рапорт начальству о происшедшем и садится под домашний арест.

Сморгунер, крещеный еврей, считался в Ташкенте самым выдающимся адвокатом. Имел громадную практику и жил широко. Он позволял себе даже такую роскошь, как издание и редактирование единственной тогда в крае частной газеты «Русский Туркестан», приносившей ему несомненный убыток. Сморгунер увлекался также и спортом и был в Ташкенте секретарем местного скакового общества.

На этой последней почве у него вышло столкновение с командиром 5-го Оренбургского казачьего полка Сташевским², возглавлявшим, в качестве председателя, скаковое общество.

Дошло до серьезного конфликта. Во время резкого объяснения Сташевский поднял руку, чтобы ударить Сморгунера. Но Сморгунер заслонился вовремя поднятым стулом. Сташевский вышел из комнаты.

Слух об этом столкновении быстро, конечно, распространился по Ташкенту. Как всегда бывает, молва сильно преувеличила происшедшее. Болтали даже кое-где, будто Сморгунер ударил стулом Сташевского.

Слух этот кто-то передал Сташевскому. Он потерял голову, поскакал разыскивать по городу Сморгунера и, узнав, что он в суде, прискакал сюда.

Преступление сильно взволновало ташкентское общество. Повсюду выражалось негодование против Сташевского. Возмущалась и военная среда³.

Вдруг разнесся лозунг, исходящий от военного начальства:

– Понимать поступок полковника Сташевского как защиту им чести военного мундира...

Для военных стало небезопасным осуждать Сташевского. Среди карьеристов началось поддакивание:

– Да, да! Честь мундира! Ну, конечно, иначе Сташевский и не мог поступить.

На панихидах, в доме Сморгунера, толпилось много народа. В первый день здесь были и военные сюртуки. Потом их точно метлой вымело. Ни одного! Перестали бывать и более осторожные из гражданских чиновников:

– Все-таки край военного управления...

На третий день – похороны. Собралась громадная процессия. Участвовал в ней и я – и вследствие возмущения происшедшей расправой, и в качестве сотрудника газеты «Русский Туркестан», в которой время от времени я печатал научно-популярные фельетоны.

Сотрудники газеты по очереди несли гроб.

Процессия двигалась на кладбище по Кауфманскому проспекту. Должны были как раз проходить мимо квартиры Сташевского, где он сидел под домашним арестом.

Кто-то предложил устроить маленькую демонстрацию: остановить процессию перед окнами убийцы. Мысль была принята несущими.

При прохождении мимо дома Сташевского в передовой паре несли гроб старик В.И. Касьянов и я, – оба молодые душой. Поравнялись с окнами и... остановились.

Смятение и недоумение. Но через несколько секунд процессия уже двигалась дальше.

Как реагировал на эту демонстрацию Сташевский? Слухи были разноречивые. Одни утверждали, что он расхохотался, другие – будто он вскочил и хотел стрелять в процессию. Вероятно, и одно и другое – вздор. Но не веревочные же у него были нервы, и безразлично к такой демонстрации отнестись он не мог.

Через два-три дня мне пришлось объясняться с начальником окружного штаба:

– Ведь вопрос об убийстве Сморгунера понимается как защита им чести военного мундира, значит – чести всего военного ведомства. Как же вы, состоя в этом самом ведомстве, демонстрировали своим участием в похоронах против него?

– Я, ваше превосходительство, участвовал в похоронах не как военнослужащий, желающий демонстрировать против ведомства, а как сотрудник газеты, редактора которой хоронили.

Генерал Белявский⁴ испытующе посмотрел на меня:

– Вы, значит, были сотрудником газеты?

– Так точно!

– Ну, тогда это совсем другое дело!

Скоро состоялся суд. Ему предшествовали разговоры о тех мерах, какие принимает военное начальство если не для полного оправдания, то хотя бы для облегчения судьбы Сташевского. Председествовавший на суде генерал Любавский⁵, председатель военно-окружного суда, сомнений не вызывал. У него была прочная репутация человека, смотрящего на все глазами начальства. Но сомнения возбуждал прокурор военного суда полковник А.И. Беляев⁶. Он считался прямым и порядочным человеком. В военной среде беспокоились, как бы Беляев своей прямоотой не испортил дела.

Наплыв публики был громадный, но мне удалось получить билет для входа.

На суде, впрочем, ничего нового и не выяснилось, главный интерес был сосредоточен на предстоящей речи военного прокурора.

Беляев начал... Аргументируя фактами, он доказал, что убийство было преднамеренное. Сташевский не действовал в состоянии раздражения и запальчивости. Он с утра ездил по городу, разыскивая Сморгунера, пока не нашел его в суде.

Он был настолько спокоен, что даже не забыл, после совершения убийства, о законе, защищающем его от ареста. Поэтому Сташевский подлежит наказанию, как за убийство с заранее обдуманном намерением. Прокурор говорит о лишении всех прав состояния и о ссылке в каторжные работы на 20 лет.

Впечатление – громадное. Военные карьеристы, занимающие первые ряды, нахмурились. Штатская публика переглядывается с удовлетворением.

Но почему так спокоен Сташевский, как будто все происходящее его мало касается? И почему прокурор продолжает стоять?

Беляев сделал только продолжительную паузу...

– Надо, однако, посмотреть на это дело еще и с другой стороны. Мог ли полковник Сташевский поступить иначе, чем он поступил? По городу пустили слух, будто Сморгунер побил полковника Сташевского стулом. Так и говорили: «Полковник, битый стулом»! Молва разрастается... Как ласточка, она вьется повсюду... Растет и крепнет мнение, будто полковник русской службы побит стулом! Что же мог полковник Сташевский сделать другого, кроме того, что он сделал? И спрашивается, как бы поступил каждый иной из нас, если бы оказался на его месте? Это обстоятельство совершенно меняет вопрос об его ответственности за содеянное преступление.

Беляев кончил. На лицах военных карьеристов – веселая усмешка. В публике разговоры:

– Это защитительная, а не обвинительная речь!

Этой речью Беляев похоронил свою былую репутацию, впрочем, в глазах тех, мнение которых для его службы вреда принести не могло.

После короткого судебного совещания председатель суда Любавский читает приговор:

– Сташевский признается виновным в убийстве с заранее обдуманном намерением... Каторжные работы на восемь лет... Но, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, суд постановляет ходатайствовать о замене этого наказания заключением в крепости на два года. Гражданский иск вдовы удовлетворен... Сташевский обязывается уплачивать вдове убитого по 50 рублей в месяц...

Окончательно Сташевский заплатил лишь восемью месяцами заключения в крепости.

Восстание [Мадали-ишана]⁷

Редко где звякнет топор о кетмень... Ползут тихо. Темная ночь, густо заволокло, ни звездочки. Ветерок относит в сторону шорох и шепот полуторатысячной, слившейся с землей толпы. Больше киргизы, сартов мало. <...>

Передние ползуны остановились среди кустов. Уже совсем близко. Чернеют темные силуэты барака. Лениво переваливаясь, маячит сонная фигура часового. В бараке тускло мигает свет, притушенная лампа. Две роты стрелков спокойно разметались во сне, слышен разнотонный храп полутораста утомившихся лагерными занятиями, в душный день в Фергане, молодых людей.

<...>

– Урр! Урр!!

С диким ревом набросились на спящих людей. Крошат головы топорами, разбивают черепа кетменями. Ножи застревают в груди...

– Урр!! Урр!!

Недоумевающие солдаты вскакивают, борются безоружные. Ружья стоят в пирамидах, в глубине барака. Уже восемь десятков солдат хрипят или лежат бездыханные.

Не растерялся молодой дежурный офицер, подпоручик Карселидзе⁸. Храбрый грузин сумел собрать около себя, при внезапном ночном нападении, кучку солдат, быстро раздал оружие.

– Пли!

Нападавшие остановились, услышав сухой треск ружей. Передние повалились.

– Пли! Пли!

Залп за залпом кучки солдат. Валятся трупы... Нападавшие дрогнули. Один, другой – к выходу. <...> Карселидзе со своими солдатами – за ними. Залпы несутся в ночную тьму. Но нападавшие рассеялись между кустами во всех направлениях, оставляя повсюду свалившихся. Преследование невозможно.

Произошло это нападение летом 1898 года, при полном, как казалось, спокойствии населения. <...>

На другой день все пошло обычным ходом. Посланные для преследования шайки отряды стали захватывать нападавших. Насколько вспоминаю, через некоторое время поймали и самого ишана.

Туркестанский генерал-губернатор барон Вревский был в момент восстания в отпуске, в России. Восстание решило и его судьбу. В Петербурге признали, что оно явилось результатом слабости власти.

Вместо него был назначен в Туркестан приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской. Он считался очень энергичным администратором. Духовской обратил на себя внимание еще по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Молодым еще тогда генералом он был комендантом Эрзерума, временно взятого у турок.

Духовскому была дана директива – подтянуть распустившийся Туркестан. Ему был придан и помощник – старый туркестанский артиллерийский генерал Николай Александрович Иванов.

Еще в Петербурге у Духовского закипела работа. Разрабатывалось переформирование края.

Духовской переманил с собой в Туркестан несколько энергичных, по его мнению, людей из Приамурья; между ними был подполковник Ладыженский, который был назначен начальником города Ташкента, вместо занимавшего этот пост вялого полковника Тверитинова.

Духовского ожидали в Туркестане, как Божью грозу. Туземное население, в массе никакого отношения к Андижанскому восстанию не имевшее, испытывало страх и трепет. Все они были виноваты уже одним тем, что они – туземцы.

Весь путь от Ташкентского вокзала до города – около двух верст – разукрашен белыми чалмами. Мужское население Ташкента согнано для встречи нового «полуцаря», и оно шпалерами стоит по сторонам дороги. Дальше, собственно в городе, шпалеры войск.

От вокзала показались казаки со значком. За ними – коляска генерал-губернатора, сопровождаемая казачьим конвоем.

Все «туземцы» должны были низко склонить свои «виновные» головы в чалмах к земле... А седоусый «полуцарь» с грозной угрюмостью взирал на них из своей коляски...

<...>

Обед у генерал-губернатора. Все разговоры о восстании. Толстяк генерал Любавский, председатель военно-окружного суда, старается попасть в тон новому начальству:

– С ними, ваше высокопревосходительство, мы церемониться не станем! В двадцать четыре часа и приговорим, и повесим!

Замкнуто молчаливый, серьезный Н.А. Иванов, новый помощник генерал-губернатора, поднял глаза в больших очках.

– Зачем же так торопиться, ваше превосходительство? Если вы не будете так спешить, то из показаний подсудимых, быть может, узнаете и о других виновных.

Любавский, сконфузившись, поспешил поддакнуть:

– Действительно, лучше не спешить.

<...> Новый начальник города Ладыженский также поднимал престиж русского имени в Ташкенте, не имевшем, собственно, никакого отношения к восстанию. Он отдал приказ по городу: все «туземное» население при проезде его, начальника города, обязано вставать и кланяться; едущие верхом обязывались также немедленно соскакивать с лошадей и отвешивать ему поклон.

Выезжал Ладыженский в пролетке, позади скакали четыре вооруженных казака.

Население было настолько терроризовано усмирительными мерами, что и не подумало бы не исполнить приказа. Но меры оповещения о нем были совершенно недостаточны. Многие о приказе просто не знали. Это особенно относилось к приезжим из соседних кишлаков, ничего не подозревавшим о «престижной» мере Ладыженского.

Но в выяснение мотивов, почему не отвешен Ладыженскому поклон, никто не входил. Не поклонился кто-то – казаки подсакивали и избивали его нагайками, – к искреннему непониманию пострадавшего, за что, собственно, его так отхлестали. Конечно, престижу русского имени это отнюдь не содействовало.

Здесь, однако, оказалась на высоте скромная местная печать – маленькая газета «Русский Туркестан». Она вступила в борьбу с этим безобразием. Особенно старался И.И. Гейер, кажется, имевший личные счеты с Ладыженским. Прямо говорить о бесчинстве администрации было, конечно, невозможно, но придумали выход, печатая заметки в таком стиле:

«Бесчинство хулиганов. Вчера на такой-то улице, в таком-то часу дня, мирно проходившие сарты подверглись избиению нагайками со стороны каких-то хулиганов. Бесчинство это тем возмутительнее, что оно, по случайности, произошло немедленно по проезде в этом месте начальника города, который, конечно, не мог видеть, что у него происходит за спиной, а потому и не мог принять мер к устранению этого хулиганства».

Ладыженский выходил из себя при появлении подобных замечок, но жаловаться ему было не на что: собственно о нем ничего плохого не высказывалось.

Вся эта история и возбуждала общественное мнение против мер Ладыженского, и делала его смешным. Под конец Духовской счел нужным запретить Ладыженскому эти расправы, и казаков у него отобрали.

Печать победила.

С.М. Духовской

Чиновники, в мундирах и при всех орденах, выстроились в зале канцелярии генерал-губернатора представляться новому начальству. Все трепещут в ожидании, пока их не представит Духовскому начальник его канцелярии. В линии выстроившихся – заведующий местной публичной библиотекой и музеем С.А. Лидский. Дошла очередь и до него. Духовской остановился:

- А как идут у вас в библиотеке дела?
- Плохо, ваше высокопревосходительство!
- Плохо-оо? Почему же?
- Средств отпускают на библиотеку мало, число посетителей библиотеки все

уменьшается.

- Уменьшается? Значит, раньше посетителей бывало больше?
- Так точно, ваше высокопревосходительство, больше!
- А теперь меньше?
- И все уменьшается, ваше высокопревосходительство!
- Гмм... Ну, а сколько лет вы заведуете библиотекой?
- Три года, ваше высокопревосходительство!

Пауза.

- А жалованье вы получаете?
- Так точно!

– Вот что-с! Я привык к тому, что в библиотеках – вообще в просветительных учреждениях – люди работают бесплатно, идейно. А дела у них все улучшаются... Вы же – на жаловании, а дела у вас все ухудшаются... Потрудитесь немедленно же подать прошение об отставке!

- Ва-ва-ваше высоко...

Пришлось все-таки Лидскому уйти*.

Потом я спрашивал:

– Для чего вы, Семен Александрович, так сгустили краски? Ведь посетители у вас вовсе не уменьшаются?

– Да я хотел его разжалобить. Думал, если сошлюсь на недостаток средств, он прикажет их увеличить...

Ташкентская публичная библиотека⁹ было недурна. В ней, между прочим, был

* О Туркестанской публичной библиотеке в период генерал-губернаторства С.М. Духовского см.: Бетгер Е. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...». Страницы истории Ташкентской государственной публичной библиотеки имени Алишера Навои // ВС. 2015. № 1 (XXXVI). С. 48–61. (Прим. ВС.)

богатый библиографический отдел о Туркестане, в виде сборника Межова¹⁰, еще тогда заключавшего в себе свыше ста томов. Впоследствии эта библиотека перешла, уже во время большевизма, в собственность Туркестанского университета. При библиотеке был музей, скромный, но тогда единственный в Туркестане. Впрочем, в нем недурен был этнографический отдел. Оба учреждения состояли при канцелярии генерал-губернатора.

С этой библиотекой произошел как-то курьезный случай. В туркестанских горах водится весьма ядовитый черный паук – каракурт. Его укусы для человека смертельны.

Кто-то из натуралистов наловил банку каракуртов и привез ее в дар музею. Но в библиотеке эту банку уронили на пол; она разбилась, а освободившиеся из неволи каракурты мгновенно расползлись по библиотечным полкам и книгам.

Началась паника и среди публики, и среди служащих. Выловить же каракуртов из сотни тысяч томов, с риском умереть от укуса при поисках, не было возможности.

Стали бояться брать книги...

Произошло чудо: книжная ли пыль оказалась губительной для каракуртов или что-либо иное, но их никто более не видел.

Как бывает всегда, нового начальника раздражает существование протеже его предшественника.

Одним из них был подполковник Фок¹¹, брат известного по защите Порт-Артура от японцев генерала Фока¹², в то же время двоюродный брат барона Вревского. По этой последней протекции Фок получил место помощника начальника города. Для Фока это было синекурой: барин и эпикуреец, он в то же время, как и сам признавался, был непроходимо ленив.

– Судите сами, – говорил он мне, – могу ли я заниматься такими глупостями, какими должен по службе? Приходит ко мне какой-нибудь владелец домишка, просит разрешить пробить в стене дверь. Если он пробьет ее без моего разрешения, попадет под суд. Если я не разрешу ему пробить эту дверь, я попаду под суд. Бог с ним, с таким делом!

Фок был остроумен и находчив. Его остроты постоянно цитировались в ташкентском обществе.

Налетев грозой на Туркестан, Духовской на общем приеме представляющихся строго обратился к Фоку:

– Эээ, как вам приходился барон Вревский?

– Генерал-губернатором, ваше высокопревосходительство!

Духовской опешил.

Впоследствии такие анекдоты прекратились, Духовской стал сдавать. Убедился, что такой распущенности, как он ожидал, в Туркестане не оказалось, да и чиновничья мельница стала и его молот. Брал свое также и возраст, память часто стала ему изменять.

Его любимец, Ладыженский, ежедневно бывавший у Духовского с докладами, мне говорил:

– Совсем у генерала ослабела память! На этом я могу спекулировать. Если он чего-либо не разрешит сегодня, выжидаю некоторое время, а потом докладываю опять, как совсем новое дело. Таким способом всегда можно добиться своего!

Семейная жизнь Духовского была тяжела. Старик, в сущности, жил одиноким. Жена его, Варвара Федоровна¹³, была значительно моложе, чем он. Она еще и раньше обратила на себя внимание, напечатав после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. книгу «Из дневника русской женщины в Эрзеруме».

Она занималась литературной деятельностью и позже; между прочим, напечатала интересные воспоминания о Туркестане.

Но в Ташкенте она жила как-то особняком от мужа, своими личными делами и интересами. Появлялась только в неизбежных официальных случаях, иногда выступала у себя дома в любительских концертах. Видно было, что официальным своим положением она и тяготится, и не интересуется.

Вышло как-то так, что С.М. Духовской возымел симпатию к нашей семье. Бывало не раз, что он, сопровождаемый своим казачьим конвоем, заезжал к нам на обсерваторию. Во время одной из таких поездок Духовской надумал, что было бы хорошо обратить наш парк обсерватории в подобие Булонского леса, для катания в нем фешенебельной публики.

Мысль не была удачной, но я, тем не менее, постарался укрепить Духовского в этом намерении.

План наш был таков: конечно, никакого Булонского леса из обсерваторского парка быть бы не могло; такую попытку можно было бы под конец и пресечь указанием на вред, приносимый катающимися, для научных наблюдений. Но эта затея побудила бы генерал-губернатора, сказавши «а», сказать и «б». Что за толк вышел бы из катания в обсерваторском парке, если во время распутицы до парка, не поломав в густой глинистой грязи коляски, нельзя было бы и добраться. Я уже упоминал об этой злополучной дороге. Густая глина растворялась так глубоко, что колеса экипажа уходили в гущу по ось. Лошадям приходилось так туго, что худший участок дороги, версту с четвертью, они преодолевали, постоянно останавливаясь, не менее как в час. Один раз я на задних колесах пролетки остался в грязи, а лошади с передней осью ушли вперед... Потом кучер киргиз пробрался сквозь грязь, подставил мне свою спину и на ней перенес на сухое место. Извозчики отказывались ездить на обсерваторию в такое время. Толстяк Гедеонов, не державший своих лошадей, гарантировал извозчикам, что примет на свой счет ремонт экипажа, в случае его поломки; только при таких условиях его возили.

Вообще, сев на извозчика, было рискованно сказать: «На обсерваторию!». Приходилось хитрить и, говоря извозчику: «Направо. Налево», – ставить его перед фактом поездки на обсерваторию. Не всегда это и удавалась. Начал я как-то такую дипломатию, а извозчик, повернув сердитое лицо, говорит:

– Чего уж там хитрить: направо, налево... Говорите прямо: на обсерваторию!

Нам и казалось, что, после устройства дороги, для катания в парке, естествен-

но возникнет мысль и о шоссировании доступа на обсерваторию. Духовской дал бы соответственные указания Ладыженскому, а от последнего по городским делам зависело все.

Духовской увлекся этой мыслью и приказал начальнику штаба осуществить ее при помощи саперов. Но здесь всполошились мои сослуживцы, которые не понимали моего плана, а открыть им его я не мог. Они испугались, что их мирное и безмятежное житье будет нарушено. Поэтому, по их инициативе, против дороги в парке запротестовал начальник военно-топографического отдела, заменявший настоящего начальника военный топограф.

Недоумевающий начальник штаба приказал затребовать письменные заключения от всех чинов обсерватории. Залесский и Гульяев написали каждый по длинной записке, доказывая, какой от всего этого произойдет вред для их научной работы. Я же написал лаконически, что не вижу препятствий к осуществлению этого проекта.

Последовала резолюция: «если астрофизик Стратонов не видит препятствий, так дорогу провести».

Явилась на обсерваторию рота саперов и стала проводить дорогу и строить мосты. Три дня длились работы, наконец, кончили.

Доложили Духовскому. Он приехал в коляске, прокатился по новой дороге...

При его возвращении с ним произошла катастрофа. От какой-то причины на Московской улице, напротив тюрьмы, лошади испугались, понесли, коляска опрокинулась; Духовской вывалился на мостовую и сильно разбился.

Врачи уложили его в постель. Болезнь, однако, осложнилась. Немного поправившись, он поехал с семьей долечиваться в Россию. Он уже выглядел согбенным, видимо, силы его слабели. Во время поездки здоровье его ухудшилось, и он умер.

Теперь на обсерватории поспешили уничтожить проведенную дорогу, хотя она была полезна нам самим. Залесский приказал дорогу перепахать и посадить на ней капусту.

Н.А. Иванов

Власть в Туркестане перешла к Н.А. Иванову. Он сразу же упразднил всю созданную Духовским помпу и фейерверочность. Казачий конвой стал не нужен. Деловитость, серьезность и простота были характерными свойствами нового правителя. Простота бывала у него и на приемах: гости как-то мало чувствовали себя подчиненными хозяина.

С супружеским вопросом у Н[иколая] А[лександровича] что-то вышло не совсем гладко; впрочем, мало кто был в это посвящен. Побывав, после своего назначения, в Петербурге, он, как говорили, испросил у государя разрешение на вступление в брак со вдовой своего родного брата, Лидией Ивановной.

Ивановы были образцовой семьей, патриархальной и исключительно религиозной. К делу Н[иколай] А[лександрович] всегда относился серьезно и вдумчиво. Он много работал сам, и его резолюции свидетельствовали об основательном

ознакомлении с каждым делом. Окружение свое старался держать в твердых руках, но это ему не вполне удавалось: более ловкие и пронырливые все же умели и его обойти. Л[идия] И[вановна] на мужа несомненно влияла, но это как-то мало вызывало осуждения. Она смягчала некоторую излишнюю сухость мужа.

Два или три года управления Иванова протекали для края спокойно и деловито, хотя особой инициативы, в частности в деле культуры, им не проявлялось. Затем Иванов стал болеть, здоровье его все ухудшалось, и в начале 1904 года он умер.

Торжественно похоронили старого туркестанского артиллериста. И рельефно сказалось, что умерший был человеком, всем обязанным лично себе, но без связей и протекции.

Вдова вдруг почувствовала себя одинокой и ни для кого более не интересной. Еще недавно двери их дома ломились от ташкентцев, желавших быть поближе к источнику власти, а теперь – пустыня! Сотни заискивающе улыбавшихся исчезли, а навещали Лидию Ивановну в ее горе лишь несколько человек. Она переживала свое разочарование в людях болезненно, а о некоторых из ближайших служебных «друзей» мужа говорила:

– Только теперь я вижу, каких змей мы отогревали на груди...

Она к этому имела основания; а «змей» уже старались предугадать, в какую сторону им теперь направить улыбки и поклоны.

Глава 5

ЕЩЕ – ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Военный мирок

Центральное место в русском обществе Ташкента занимал, конечно, военный мирок. Тесное соприкосновение военно-топографического отдела – а, следовательно, и обсерватории – со штабом округа давало повод и мне иметь общение с этим миром, в частности и с его панкáми – с офицерами Генерального штаба. Перед моими глазами прошла целая галерея этих офицеров, тем более многочисленная, что на службу в Туркестане в Генеральном штабе смотрели как на кратковременный, но выгодный для карьеры этап.

Общее впечатление от мирка Генерального штаба – едва ли положительное. Бывали между этими избранниками военной касты более или менее умные, более или менее симпатичные и тактичные. Но надо всем, в общей массе, господствовал прежде всего карьеризм.

Вспоминаю по этому поводу факт, бывший уже не в Туркестане, а на Кавказе, однако тоже с офицерами Генерального штаба. Как известно, оканчивавшие Академию Генерального штаба по первому разряду зачислялись в Генеральный штаб, а их товарищи, которым на экзаменах менее повезло, оканчивавшие поэтому по

второму разряду, получали только право на ношение академического значка, но в Генеральный штаб не зачислялись.

В летней резиденции Кавказского окружного штаба, в Коджорах, произошел в мое время такой случай. Для чинов штаба была устроена летняя ротонда-клуб, где офицеры также и столовались. Так вот офицеры, кончившие по первому разряду, то есть зачисленные в Генеральный штаб, потребовали как-то для себя отдельную комнату для обедов, потому что они не соглашались обедать в том же помещении, где столуются и окончившие Академию по второму разряду.

Карьеристические свойства офицеров Генерального штаба особенно дали себя знать в эпоху возникновения большевизма. Мне привелось наблюдать развитие большевицкой революции из самого центра – из Москвы. По моему впечатлению, ни один род оружия, ни одно из отдельных военных управлений – не дало такого большого процента перебежчиков в стан коммунистов, как это было с офицерами нашего Генерального штаба.

Эта черная роль значительного числа офицеров Генерального штаба не должна быть забыта в истории. Офицеры Генерального штаба всегда были исключительными баловнями по службе. Простая очередь несла их вперед, и офицерам достаточно было лишь заботиться о том, чтобы самим себе не слишком вредить. Преданные делу, а не карьере офицеры Генерального штаба были редким исключением; по счастью, они все-таки были...

Из туркестанских офицеров Генерального штаба вспомню только о тех, которые чем-либо обратили на себя внимание в дальнейшем, во время Великой¹⁴, а затем и Гражданской войны.

Когда в штабе округа впервые появился только что вышедший из Академии молодой капитан генерального штаба Л.Г. Корнилов¹⁵, он мало обратил на себя внимания. Небольшого роста, худощавый, с суженными монгольскими глазами, он только производил впечатление молчаливого человека.

Обедаю я как-то в гостях. Прислуга говорит:

– Приехал казак от начальника штаба. Привез пакет, но соглашается передать только вам в руки!

В пакете – письмо начальника штаба: ввиду особой секретности дела, он просит меня сделать у себя в астрофизической лаборатории увеличения с нескольких вложенных в пакет фотографий. Это – снимки, сделанные «кодаком»; снимки азиатской крепости, с высокими глинобитными стенами.

Дело оказалось в следующем: молодой офицер Корнилов был послан в военную рекогносцировку на афганскую границу. Здесь он самовольно превысил служебное поручение. Подкупив двух туркмен и сам переодевшись туркменом, Л[авр] Г[еоргиевич] темной ночью переплыл с ними пограничную реку¹⁶, пробрался в окрестности мало известной нам крепости – кажется, это был Патта-Гиссар¹⁷ – и наснимал ее «кодаком» с разных сторон.

Возвратившись с этой добычей, Л[авр] Г[еоргиевич] не знал, похвалят ли его

за проявленную инициативу или взыщут за самоволие. Вышло первое. Этим шагом Корнилов сразу привлек на себя внимание и выдвинулся среди остальных молодых коллег.

Познакомившись с Корниловым, я получил впечатление, как будто он постоянно занят своими мыслями, а потому так мало разговорчив. В нем, однако, я не замечал карьеристического заискивания перед начальством. Он пробыл в Ташкенте около года, а затем был переведен, кажется, на Дальний Восток.

Николай Николаевич Юденич¹⁸ был тогда сравнительно молодым, лишь в чине подполковника. Красивый, видный офицер, со свисающими запорожскими усами. Немного полный, но это шло к его высокому росту.

Среди других офицеров генерального штаба Н[иколай] Н[иколаевич] выделялся серьезностью. Не бывало слышно об его участии в их попойках и т.п. В то же время он проявлял, что было среди них вовсе редкостью, интерес к науке. Он был, например, деятельным членом правления Туркестанского географического общества.

В Ташкенте же он женился на вдове Александре Николаевне Сычовой, рожденной Жемчужниковой¹⁹. В семье ее брата Н.Н. Жемчужникова часто устраивались для близкого кружка, в который входили оба Юденичи и мы с женой, обеды. В таких случаях Н[иколай] Н[иколаевич] бывал приятным и веселым собеседником, но в то же время сдержанным. Как будто он всегда следил за собой и боялся, что скажет слишком много или вообще в чем-либо себя проявит.

Затем Юденичи переехали в Польшу, где Н[иколай] Н[иколаевич] командовал полком.

Через некоторое число лет мы снова встретились с Юденичами в Тифлисе. Он был назначен старшим помощником начальника штаба, следовательно, занял в военном мире видное положение. Перед ним военные заискивали.

Мы бывали у Юденичей на их журфиксах. Собиралось много молодежи, преимущественно Генерального штаба. Эти гости сильно лебезили перед хозяевами. Сам Н[иколай] Н[иколаевич] старался быть простым и любезным хозяином, не считающимся ни с чинами, ни с положением своих гостей. Все же казалось, что эти вечера хозяев, особенно А[лександру] Н[иколаевну], тяготят. Под конец нам стало противным наблюдать эту картину подлипальничества военной молодежи перед хозяевами, и мы перестали посещать журфиксы Юденичей.

В эту же пору у самих Юденичей возникли шероховатости с начальством. Жена наместника, графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова²⁰ бывала всегда подчеркнуто любезна и с грузинской аристократией, и с армянскими купчихами; но проявляла некоторое пренебрежение к русскому служилому люду и их дамам. По-видимому, на этой почве что-то и вышло с Юденичами.

Оба они, особенно А[лександра] Н[иколаевна], с тоскливыми лицами появлялись на короткий срок на приемах у графини В[оронцовой-]Д[ашковой]; но мы видели их веселые лица, когда они выходили из дворца. У нас, русских, обязанных по

службе посещать приемы жены наместника, такое настроение бывало, впрочем, явлением нормальным.

Неприязнь графини Воронцовой-Дашковой к Юденичам, по-видимому, отразилась впоследствии даже на ходе военных действий во время Великой войны. Сначала фронтом против турок командовал генерал Берхман²¹, начальник штаба на Кавказе. Но он неудачно захотел затмить славу Суворова, погнав войска со стремительной скоростью, но и с большими и напрасными потерями вперед. Кончилось катастрофой. После этого командование фронтом фактически перешло к Юденичу, юридически же главнокомандующим являлся престарелый граф Воронцов-Дашков. Ходившая по России молва гласила, что графиня Воронцова-Дашкова вмешивалась, благодаря своему влиянию на слабовольного графа, в военные операции, нарушая этим стратегические планы Юденича. Она будто бы заставляла жертвовать планом кампании, чтобы защищать пользовавшееся ее симпатиями армянское население от турок в местах, где происходили военные действия. Так ли это было на самом деле, покажет история войны.

От Н.Н. Юденича я несколько отдалился ввиду его чрезмерной осторожности при моем конфликте с неким Филипишиным²².

Это был весьма сомнительный тип, появившийся на рубеже века в Ташкенте. Он был офицером австрийской армии, военным инженером; по происхождению же это был галичанин. Филипишин бежал в Россию, захватив с собой, как говорили, секретные планы крепости Перемышля. Молва гласила, будто с его стороны это было бескорыстным предательством, сделанным ради прекрасных глазок России. Вероятно, он сам пустил о себе такую легенду.

Беглеца откомандировали в Ташкент. Здесь его прикомандировали к военнотопографическому отделу, где мы с ним таким способом как бы стали сослуживцами. Впечатление Филипишин на всех производил довольно отрицательное, и мало верилось в его идеалистические побуждения.

Позже Филипишин устроился лучше: был назначен помощником областного инженера в Ферганскую область. Сначала на новом месте дела его шли благополучно, но затем в техническом отделении областного правления были обнаружены злоупотребления. Несколько человек, в их числе и Филипишин, были преданы суду судебной палаты, и Филипишин был приговорен к четырем годам тюрьмы.

Он был подавлен этим приговором. Поехал в Петербург хлопотать. Говорил, что выждет проезда государя, прорвет полицейский кордон, бросится на колена перед царем и будет просить о помиловании. Однако этого не сделал.

Через несколько лет внезапно я его встретил в Тифлисе²³. Он теперь оказался членом редакции органа «Союза русского народа» – «Голоса Кавказа»²⁴, ультрапатриотической бутербродной газетки, питавшейся, между прочим, ежемесячными подачками из канцелярии наместника, в которой я занимал должность вице-директора.

В эту пору произошло убийство несколькими лицами из грузинского духовенства экзарха Грузии архиепископа Никона²⁵. Акт был явно антирусский, и вдруг встал остро вопрос об «истинных русских чувствах». Измену стали искать повсюду,

в том числе и среди чисто русских. Появились добровольцы-сыщики, и во главе их стал «Союз русского народа»²⁶ со своим печатным органом. Редакция «Голоса Кавказа», помещавшаяся на Головинском проспекте, вывесила, между прочим, над своим помещением черный флаг.

Прошло две-три недели. Как-то случайно встретились на Головинском проспекте, против «Голоса Кавказа», три старых туркестанца: Юденич, Филипишин и я. Обменялись несколькими незначительными фразами, говорить всем троим вместе было не о чем, и я, как-то машинально, повернувшись в сторону редакции, произнес:

– Флаг у вас еще висит...

Через несколько дней стали вдруг с разных сторон поступать ко мне сведения, что из редакции газеты исходят по городу такие разговоры:

– Вот, мол, какова наша русская администрация на Кавказе: вице-директор канцелярии наместника его величества на Кавказе позволил себе открыто глумиться на улице над тем, что редакция «Голоса Кавказа» вывесила черный флаг по поводу убийства экзарха Никона.

По создавшейся тогда политической обстановке, подобные слухи были опасны. Мой шеф, директор канцелярии Н.Л. Петерсон²⁷ посоветовал, чтобы я ему написал по этому поводу официальное письмо с изложением, как происходило дело в действительности, а он передаст это письмо наместнику. При этом Петерсон настаивал, чтобы я сослался на Юденича, как на присутствовавшего при разговоре.

К моему удивлению, Н[иколай] Н[иколаевич], хотя и признал клеветнический характер выпада Филипишина, но хотел отклонить ссылку на него. Больше всего он боялся, как бы не попасть свидетелем в суд. Под конец он согласился на ссылку на него только наместнику.

Так все и было сделано. Эпизод был ликвидирован, но этот случай охладил меня, конечно, к самому Н.Н. Юденичу.

Среди ужасных расправ на фронте, в 1917 году, распропагандированных «сознательных» солдат со своим начальством особенно выдается расправа с начальником дивизии генералом Гиршфельдом²⁸. Он был буквально исколот штыками своих солдат. Приведенный для усмирения «революционной» пехоты кавалерийский полк поддался пропаганде и перешел на сторону взбунтовавшихся солдат. Вместе с Гиршфельдом был убит и комиссар Временного правительства. Заместитель этого комиссара, ставший впоследствии профессором В.А. Костицын²⁹, водворивший порядок на месте убийства, рассказывал мне, что ему стоило немало труда и хитрости, чтобы отобрать у «сознательных» солдат и увезти для погребения трупы Гиршфельда и комиссара.

Константин Григорьевич Гиршфельд был в Ташкенте еще молодым капитаном Генерального штаба. Среди остальных кутил-офицеров он был едва ли не самым выдающимся. Кажется, был готов пить каждый день и целый день, и его лицо было вечно одутловатым и серым.

Жена Гиршфельда, худенькая, небольшого роста женщина, никогда не отпускала «Котика» без себя. Она участвовала поэтому во всех его ночных попойках, хотя было видно, что она губит этим свое здоровье: всегда выглядела переутомленной и бледной. Ее участие в кутежах мужа объясняли ее боязнью, что без жены К[онстантин] Г[ригорьевич] разойдется уже вовсе без удержу.

Но в общем Гиршфельд считался не злым и безобидным человеком, вредящим больше всего себе же самому.

В военной среде говорили, будто трагический конец Гиршфельда был вызван его же виной: будто, когда пришел кавалерийский полк, Гиршфельд прежде всего пригласил все офицерство на завтрак, а в отсутствие офицеров полк и был распропагандирован. В.А. Костицын, производивший расследование убийства, отрицал это.

Капитан Снессарев³⁰, появившийся прямо из Академии на ташкентском военном горизонте, сразу очаровал дам. Высокий стройный красавец <...>. К тому же обладал недурным, хотя и мало обработанным баритоном; он иногда выступал в любительских концертах в военном собрании. Избалованный атмосферой женского поклонения, он держал себя провинциальным львом и не был чужд самомнения. Был определенным карьеристом.

Много прошло лет, когда мы снова встретились со Снессаревым в Москве при большевицкой власти. Он был одним из тех офицеров Генерального штаба, которые перешли на службу коммунистам. Во время гражданской войны Снессарев командовал одной из красных армий, действовавших против Деникина. Что-то, однако, с его командованием не вышло; должно быть, ему, царскому генералу, мало верили. Он был перемещен на пост начальника Красной академии Генерального штаба.

Снессарев пользовался теперь репутацией ученого-востоковеда и, вместе с тем, обладал ораторским дарованием. В созданном нами, одновременно с организацией Туркестанского университета, Туркестанском научном обществе³¹ он часто выступал, и его доклады всегда имели, благодаря красоте изложения, успех.

В создаваемом нами Туркестанском университете он стал деканом военного факультета, – этот опыт по моей инициативе был произведен в России впервые. Об этом факультете, как и вообще об университете в Туркестане, будет рассказано в другом месте.

Ознакомившись, по своей роли председателя Туркестанского научного общества и одного из создателей университета, ближе со Снессаревым, я без труда убедился в том, что он нисколько не сочувствует ни большевизму, ни социализму вообще. Он просто перешел к новой власти ради служебных выгод, но его симпатии как будто были на стороне белых. Посещая его на месте службы, в самой Академии, я видел грустную его роль здесь. Видно было, что ему не доверяют и что над ним есть неусыпное наблюдение.

Действительно, вскоре его и совсем сместили с этого поста, он был заменен красным героем Тухачевским³².

Снессарев оказался не у дел; он только получил какое-то полунаучное место, – был сдан большевиками в архив. Мне он рассказывал, что постоянно видит около себя чекистских филеров, которые явно следят за каждым его шагом. Жизнь стала невеселая.

Барон Таубе³³ ни в чем, кажется, не стал известен, но он занят тем, что довел карьеризм до карикатурных форм. Белобрысый немец, в чине подполковника Генерального штаба, весь ушел в искание пользы для себя, выискивая ее со всех сторон. Метался от человека к человеку, быстро отворачиваясь, если обманывался в ожидаемой пользе.

Особенно комично было наблюдать Таубе на больших балах в военном собрании. В гостиной, на сцене, рассаживаются старушки-генеральши. Между этим старым поколением появляются две молодые фигуры: Таубе и его жена. Баронесса была даже симпатичной женщиной, но она всецело была во власти мужа. Барон становится у края рамп и отсюда глазами дирижирует женой. Оглядываясь время от времени на мужа, баронесса, по указанию его глаз, подсаживается то к одной, то к другой из старушек. Трудно было удерживаться от улыбки, наблюдая эту высшую дрессировку.

Когда Таубе встречал жену или меня едущими, в сухое время года, в коляске, он узнавал нас и любезно раскланивался. Если же, в грязное время года, когда дорога становилась для коляски непроезжей, он видел нас в «корзинке»³⁴, Таубе, верно, боясь себя скомпрометировать, делал вид, будто нас не узнает.

Кадетский корпус³⁵

Вопрос с обучением на казенный счет детей военнослужащих стоял в Ташкенте в прежнее время остро. Дети обучались в кадетском корпусе и в институте, находящихся в Оренбурге. Железной дороги из Оренбурга до Ташкента тогда еще не было, и дети должны были ездить через Кавказ. Путешествие длилось целую неделю. Положение было нелепое, все равно что посылать детей на учебную часть года из Мадрида в Москву.

Перенос обучения таких детей в Ташкент был осуществлен, хотя сначала лишь частично, при Н.А. Иванове. Сначала создана была подготовительная военная школа, которая затем, по мере прибавления классов, была преобразована в кадетский корпус*.

Эта школа стала любимым детищем командующего войсками округа, тем более, что Ивановы детей сами не имели. Они часто навещали корпус и постоянно приглашали малышей-кадет в свой генерал-губернаторский дом, где закармливали их лакомствами.

* О Ташкентском кадетском корпусе см. также: Германов В. «Уютное гнездо для среднеазиатских птенцов...» Ташкентский Наследник престола Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Кадетский корпус // ВС. 2013. № 1 (XXIX). С. 30–42; Его же. Ташкентские кадеты. Сцены из жизни и последующие судьбы // ВС. 2017. № 3 (XLIV). С. 66–75.

Во главе подготовительной школы был поставлен подполковник Генерального штаба Бонч-Богдановский³⁶. Юркий был это человек, с запасом светской ловкости. Он старался завязывать хорошие отношения со всеми, авось ему пригодится. Но как только разочаровывался в полезности кого-либо, – сахарность тона исчезала, а часто Бонч просто становился грубым.

Бонч-Богдановский тщательно обхаживал супругов Ивановых, когда они были в силе. Помогал, в качестве добровольца, развлекать на приемах гостей, содействовал при устройстве балов, сам дирижировал на балах... Ивановым он угодил, и, когда возник проект подготовительной школы, Бонч учел, что она вскоре неизбежно обратится в корпус. Для подполковника стать директором корпуса было крупной карьер[н]ой [удачей]. Он выпросил себе у Ивановых место начальника школы.

Переход был удивительным, и на одном из ужинов, на которых я часто, по кавказскому обычаю, говорил тосты стихами, я ему высказал:

Бонч – изящный офицер,
И танцор, и кавалер...
А теперь – кто б думать мог? –
Из него стал педагог!
Для него путь жизни прост,
И в честь Бонча – ныне тост!

Однако в этой новой и незнакомой роли Бонч сохранил за собою лишь высшее управление, представительство. Вся же тяжесть руководства школой, а потом и корпусом, легла на инспектора классов – молодого еще офицера Дунин-Барковского³⁷.

Я был в последних классах гимназии в Екатеринодаре, когда на улицах появилась реклама о новом танцклассе Дунин-Барковской. Затем мы стали видеть маленького реалиста, с непропорционально большой головой на тщедушном теле, – его называли Дунин-Барковским. Гимназисты, обучавшиеся в новом танцклассе, рассказывали о трогательной картине, как пожилая уже учительница демонстрирует танцы в паре с миленьким сыном-головастиком.

Позже этот юноша попал в Тифлисский учительский институт, готовясь к педагогической деятельности. Однажды он здесь перепугал начальство. Во время приезда в Тифлис Александр III посетил институт. Внезапно из рядов учеников выступил самовольно Дунин-Барковский и прочитал царю сочиненное им же стихотворение. Самовольство не принесло ему ожидаемой выгоды, но не повлекло и серьезного взыскания.

Педагогическая карьера Дунин-Барковского в значительной мере зависела от попечителя учебного округа К.П. Яновского³⁸, большого друга моего отца. Приехав в Тифлис, я вдруг застал в доме родителей Дунин-Барковского, втершегося к нам под видом моего лучшего друга детства, а я с ним и знаком даже не был. Он был так настойчив в демонстрации дружбы со мной, что пришлось дать прислуге особые относительно него инструкции.

В дальнейшем он переменял планы, стал офицером, попал в Академию Генерального штаба, однако окончил ее только по второму разряду. Каким-то образом, попав в Туркестан, втерся к Иванову и стал инспектором классов.

Теперь на карточках его матери стояло: «вдова действительного статского советника», а в гостиной висел увеличенный портрет самого советника в вицмундире со звездой. Шутники уверяли, что звезда явно пририсована на фотографии в позднейшее время... Во всяком случае вспоминать о захудалом екатеринодарском танцклассе теперь не полагалось.

И Дунин-Барковский процветал в корпусе, и корпус процветал при Дунин-Барковском. Правда, родители кадет не раз отмечали его двуличность: при них он ласково мазал детей рукой по головам; без них, по словам детей, такой ласки они отнюдь не встречали.

Но факты говорили сами за себя: успешность ташкентских кадет в науках была поразительная, – кажется, рекордная в России. Это было заслугой Дунина. Приехал в 1905 году посетить корпус начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович. Он высоко оценил блестящую постановку дела – новый триумф для головастика.

А через несколько лет приехала настоящая ревизия. И вдруг обнаружилась сплошная бутафория с успехами обучения. Знания кадет ни в какой мере не отвечали высокой их оценке Дунин-Барковским и его сотрудниками.

Вышел скандал. Дунин-Барковского удалили из корпуса. Но он все же выплыл: обошел видное ташкентское купечество, уговорил устроить коммерческое училище и стал его директором.

Судебная реформа

Одним из крупнейших событий того времени была судебная реформа.

Мы застали в Ташкенте еще старый «областной» суд, с упрощенным дореформенным производством. Председателем суда был Сем[ен] Вас[ильевич] Сухачев³⁹. Когда-то он был надзирателем Ришельевской гимназии в Одессе, где в ту пору мой отец был директором. Потом Сухачев восполнил образование, служил по судебному ведомству и сделал относительную карьеру. В общем это был бесцветный человек.

Более колоритной фигурой являлся приехавший почти одновременно с нами в Ташкент областной прокурор Сергей Григорьевич Коваленский⁴⁰. Он пробыл здесь недолго, промелькнул метеором. Высокий, худой, с сильно испорченными зубами, Коваленский был умен и умел красно говорить. Производил он, однако, впечатление большого карьериста и салонного говоруна.

Сомнительно, чтобы он был здесь серьезным прокурором. Дел в областной прокуратуре было, по-видимому, совсем мало, и Коваленский – не то вдовец, не то разошедшийся с женой – усердно занимался ухаживанием за молоденькими дамами. Удивительно, что, несмотря на возраст и не вполне благоприятную внешность, он умел как-то действовать на женскую психологию, а может быть просто умел заговаривать женщин. Факт его успеха у молодых дам был налицо.

Для такого карьериста Ташкентский областной суд был мелкой водой. Здесь он задержаться не мог и вскоре исчез с горизонта, оставив по себе осязательную память только своими романами.

В последующем времени он стал прокурором Тифлисской судебной палаты. Посетив около этого времени Тифлис, я слышал в судебных кругах о таком случае.

Коваленский ехал к месту новой службы через Баку. В купе разговорился с соседом – оказалось, бакинский нотариус.

Собеседник поделился с ним судебной новостью: к ним на Кавказ едет новый прокурор палаты, очень дурной человек.

– А вы-то его знаете?

– Лично я не знаю... Но все так говорят. Это – подлец, бабник и карьерист... Жалеют прокуратуру, что к ним назначен такой начальник.

– Но, может быть, он хоть человек неглупый?

– Какое! Круглый дурак!

На другой день – нотариус в числе приглашенных на обед у прокурора окружного суда. Обед – в честь прибывшего прокурора палаты.

Нотариуса представляют почетному гостю, и – о, ужас!

– Ваше превосходительство! Ради Бога, простите! Ведь я не знал...

– Пустяки! Но знаете что? Все то, что вы обо мне говорили, именно, – что я подлец, бабник и прочее – для меня не ново. Все это не один раз слышал я о себе и раньше. Но вот то, что я «круглый дурак», об этом я узнал впервые только от вас!

Также и в Тифлисе он пробыл недолго и ни в ком не оставил по себе добрых воспоминаний.

Еще некоторое время – и о Коваленском повсюду заговорили: он был назначен на влиятельный в России пост директора департамента полиции. И в этой, однако, должности он пробыл недолго. На чем-то сломал себе шею. Пришлось уйти и оказаться не у дел.

Вскоре печать сообщила, что С.Г. Коваленский застрелился.

В самом конце столетия русские в Туркестане были обрадованы введением в крае реформы суда по законам Александра II. Радовались не столько потому, чтобы старый суд в Ташкенте был уж так плох, сколько из сознания об уравнивании с судебными порядками всей России. До сознания туземного населения смысл реформы тогда еще не проникал.

Министерство юстиции очевидно хотело произвести впечатление реформой, а потому среди прибывшего судебного персонала были и выдающиеся судебные деятели. Впрочем, для большинства пребывание в Ташкенте было лишь промежуточной станцией, кратковременной остановкой на пути карьеры.

Старшим председателем судебной палаты был назначен Сияльский⁴¹, прибывший из Киева, где он был председателем департамента палаты. Сияльский произвел чарующее впечатление. Высокий, с седой бородой, как казалось, особенно

чистый духом, он был одним из тех судей начальной эпохи нового суда, которые снискали такое уважение этому ведомству во второй половине века. Блестящим оратором он не был, хотя говорил неплохо.

Сияльский не прослужил в Ташкенте, кажется, и года, – вернулся по своей воле в Киев с понижением, то есть на прежнее место. А еще через некоторое время газеты сообщили об его смерти; кажется, это было самоубийство.

Прокурором судебной палаты прибыл Николай Александрович Дедюлин⁴². По виду – суховатый, даже суровый. Он имел хорошие связи; его брат, генерал Дедюлин⁴³, был в окружении Николая II и некоторое время состоял дворцовым комендантом. Вероятно, эти связи делали Дедюлина – а также и его семью – преисполненными важности. Правда, судебный персонал в Дедюлине сильно заискивал.

По уходе Сияльского Дедюлин занял его место.

Товарищем прокурора палаты прибыл Владимир Павлович Носович⁴⁴. Тогда он был еще сравнительно молодым человеком; жена его также была молоденькая и хорошенькая, привлекавшая к себе в ташкентском обществе внимание.

По служебному положению Носович в Ташкенте большой роли не играл. Оратором был хорошим. Лицо его производило странное впечатление: как будто он один раз чему-то удивился, да так выражение удивления на его лице и застыло.

Позже, уже по выезде Носовича из Ташкента, был момент, когда его имя привлекло на себя внимание всей интеллигентной России. Он был командирован на расследование по делу о знаменитом расстреле рабочих на Ленских золотых промыслах, по приказанию жандармского ротмистра Терещенко. Добросовестное расследование Носовича, давшее результат не в пользу власти, было признано слишком либеральным, и его служебная звезда потускнела.

Незадолго до Великой войны Носович был председателем окружного суда в Твери. Здесь он оставил по себе хорошую память, как об этом рассказывали сослуживцы.

Таковы были главные деятели судебной палаты.

В окружном же суде на должность председателя прибыл Алексей Алексеевич Чебышев⁴⁵.

Это был блестящий оратор, приводивший слушателей в восторженное состояние. Однако так бывало лишь в случаях, когда он специально подготовлял свою речь. В этих случаях каждое слово им так вычеканивалось, что речь выходила изящно-филигранной.

Когда же Чебышев говорил по обыкновенным случаям, например, на суде, при председательском резюме, – его речь не производила вовсе впечатления.

Восхищались ораторским талантом Чебышева, но симпатий к себе он не завоевал. Как председатель суда, он проявлял барскую бесцеремонность, иногда даже третирование, в отношении подсудимых, свидетелей, защитников, особенно же частных поверенных.

Прокурором суда был назначен Сергей Николаевич Трегубов⁴⁶, человек небольшого роста, но, по-видимому, с большими связями. Позже он стал сенатором и сейчас играет довольно видную роль в правой эмиграции в Югославии.

После торжеств, сопровождавших введение реформы, настали рабочие будни. Мне лично пришлось соприкасаться с новыми деятелями, так как я был назначен одним из почетных мировых судей, а это в Туркестане не являлось только почетным званием. Состав суда был слишком мал, насколько вспоминаю – только два члена. Поэтому их сразу же стали заменять почетные мировые судьи. Между нами была для этой цели распределена очередь. Лично я избегал участия по гражданским делам, другие же почетные судьи и в этом охотно участвовали.

Обыкновенно заседания назначались на 10 часов утра, и к этому времени вызывались подсудимые и свидетели. В первый раз и я явился в суд с астрономической точностью, но был наказан потерей зря двух часов. А.А. Чебышев являлся только к полудню. Потом и мы приспособились и являлись в суд только к двенадцати. Мы это могли делать, но иное положение было подсудимых и свидетелей.

Заседания Чебышев вел ровно, спокойно, изредка совещаясь с членами направо и налево, но гораздо чаще объявляя лично от себя: «Суд постановил...» и т.д.

В совещательной комнате засиживались за чаепитием без нужды слишком долго, отвлекаясь посторонними разговорами и не считаясь с тем, что в соседней комнате люди ждут решения своей судьбы. Разумеется, в этом виноваты были не мы, случайные судьи. Нередко в совещательную комнату приходил для беседы и чаепития и товарищ прокурора. На такие отступления от порядка смотрелось как на сущие мелочи.

В самом судопроизводстве, при ведении следствия при помощи переводчика, явно выступала ненормальность. Иной раз подсудимый, сарт или киргиз, говорит целых полчаса, доказывая нам свою невиновность. Переводчик тупо и равнодушно на него смотрит, позевывает, а потом изрекает суду:

– Он говорит, что невиновен.

Впрочем, в совещательной комнате дела все же обсуждались основательно и не торопясь. Ни одного решения на моей памяти не было вынесено наспех.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сморгунер Александр (Аарон)* – юрист и предприниматель. В 1898–1907 гг. издавал в Ташкенте либеральную газету «Русский Туркестан».

² *Сташевский Арсений Дмитриевич* (1851–1916) – генерал-лейтенант. В 1873 г. в чине сотника участвовал в Хивинском походе. Участник Кокандской экспедиции 1875–1880 гг. Затем командовал батальоном и 5-м Оренбургским казачьим полком. После убийства А.А. Сморгунера в 1898 г. был отправлен в запас. В 1899–1901 гг. находился в запасе. В 1901 г. вернулся на действительную службу. С 21 января 1914 по 1916 гг. – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. По воспоминаниям современников, отличался грубым и вспыльчивым нравом.

³ Вот как это происшествие описывает в своих воспоминаниях еще один очевидец событий генерал

М.В. Грулёв: «В зале суда, во время судебного разбирательства, командир казачьего суда полковник Сташевский выстрелом из револьвера на глазах судей и публики убил наповал адвоката Сморгунера, отца многочисленного семейства, редактора местной газеты «Русский Туркестан». За что? Просто за то, что Сташевскому показалось, что Сморгунер в своей защитительной речи сказал, будто бы, что-то оскорбительное для чести казаков. Было дознано и доказано, что Сташевскому только показалось и что он приписал Сморгунеру чужие слова. И этого было достаточно, чтобы убить почтенного местного деятеля, отца многочисленного семейства – потому что Сморгунер еврей. А в таком случае разве стоит долго раздумывать? В местной военной среде, не претендующей на широту взглядов, это гнусное убийство встретило даже одобрение, потому что с одной стороны – еврей, а с другой стороны – командир полка, «защищающий честь полка»

// (Грулёв М.В. Записки генерала-еврея. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. С. 205).

⁴ *Белявский Николай Николаевич* (1846 – не ранее 1917) – генерал от инфантерии, начальник штаба Туркестанского военного округа в 1897–1899 гг. Последний руководитель черносотенной организации «Русское собрание».

⁵ *Любавский Модест Дмитриевич* (1848–?) – генерал-лейтенант. Председатель Туркестанского военного окружного суда с 9 февраля 1898 г. до 14 января 1906 г. К подпадавшим под юрисдикцию этого суда относились некоторые политические дела, дела о беспорядках и др.

⁶ Биографические сведения уточнить не удалось.

⁷ *Восстание Мадали-ишана* – восстание коренного населения Средней Азии, с целью восстановить независимость Кокандского ханства. Произошло в мае 1898 г. вблизи города Андижана. Восставшие совершили нападение на военный гарнизон и захватили склад с оружием. Выступление было подавлено меньше чем за неделю, руководители мятежа во главе с Мадали-ишаном были казнены, признанные зачинщиками были сосланы в Сибирь.

⁸ *Карселидзе* (по др. источникам *Карселадзе*) был награжден Владимирским крестом. Участник русско-японской войны и обороны Порт-Артура.

⁹ *Ташкентская публичная библиотека* основана в 1870 г. Библиотека создавалась путем безвозмездной передачи книг из фондов Министерства народного просвещения Российской империи, Российской Академии наук, Публичной библиотеки Санкт-Петербурга, Русского Географического общества, Главного штаба Русской армии. Большей частью это были издания-дубликаты.

¹⁰ С 1867 г. для работы по формированию фонда книг и других материалов был привлечен известный российский библиограф В.И. Межов. По поручению генерал-губернатора он приступил к сбору материалов о Туркестанском крае. Позднее собранные и систематизированные В.И. Межовым материалы легли в основу многотомного издания «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности». Эта уникальная подборка материалов по Туркестану состоит из 594 томов и в настоящее время находится в собрании Государственной библиотеки Узбекистана им. А. Навои.

¹¹ *Фок Алексей Викторович* (1846–1909) – полковник. Осенью 1890 г. назначен помощником уездного начальника Самаркандской области. С 19 января 1896 г. исполнял должность помощника начальника г. Ташкента. Летом 1898 г. исполнял обязанности начальника города. Служба в Туркестанском крае длилась до 1905 г.

¹² *Фок Александр Викторович* (1843–1926) – генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время русско-японской войны – начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, находившейся в Порт-Артуре.

¹³ *Духовская Варвара Федоровна* (урожденная княжна *Голицына*, 1854–1931). Была участницей двух кругосветных путешествий. Во время русско-турецкой войны (1877–1878) находилась в Закавказье и была непосредственной свидетельницей происходящих событий. Впоследствии впечатления об этих событиях, а также о своей жизни в Туркестане описала в мемуарах: «Из дневника русской женщины в Эрзеруме» (1878), «Из моих воспоминаний» (1900), «Туркестанские воспоминания» (1913).

¹⁴ Речь идет о Первой мировой войне.

¹⁵ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал от инфантерии, дипломат и путешественник-исследователь. В 1892 г. получил назначение в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады. В Туркестане занимался самообразованием, просвещением солдат, изучал восточные языки. Окончив в 1897 г. Академию Генерального штаба, вновь выбрал службу в Туркестане. С 1898 по 1904 гг. служил в Туркестане помощником старшего адъютанта штаба округа, а затем штаб-офицером для поручений при штабе. С риском для жизни провел рекогносцировку британской крепости Дейдади в Афганистане. Совершил ряд длительных исследовательских и разведывательных экспедиций в Восточном Туркестане (Кашгарии), Афганистане и Персии. Итогом этой командировки стала книга «Кашгария, или Восточный Туркестан».

¹⁶ Речь идет об Амударье.

¹⁷ *Патта-Гиссар* – кишлак в окрестностях города Термез. В январе 1893 г. земли у кишлака Патта-Гиссар были переданы Бухарским эмиратом российскому правительству для строительства на этом месте пограничного военного укрепления.

¹⁸ *Юденич Николай Николаевич* (1862–1933) – генерал от инфантерии. С 27 января 1892 г. – старший адъютант штаба Туркестанского военного округа. В 1894 г. участвовал в Памирской экспедиции в должности начальника штаба Памирского отряда. С 20 сентября 1900 г. штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады.

¹⁹ *Юденич* (урожденная *Жемчужникова*) *Александра Николаевна* (1871–1962) – супруга генерала Н.Н. Юденича. Во время Первой мировой войны работала в госпитале. В эмиграции с 1920 г. Жила в Ницце. В 1962 г. в журнале «Часовой» (№ 437) опубликовала воспоминания о муже.

²⁰ *Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна* (урожденная графиня *Шувалова*) (1845–1924) – графиня, фрейлина, статс-дама, жена кавказского наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова.

²¹ *Берхман Георгий Эдуардович* (1854–1929) – генерал от инфантерии, участник Белого движения.

²² Биографические сведения уточнить не удалось.

²³ В.В. Стратонов в 1904 г. из-за болезни глаз был вынужден оставить работу астронома-наблюдателя. Он переехал на Кавказ, где служил чиновником для особых поручений при наместнике, а в 1911 г. открыл собственный банк.

²⁴ «Голос Кавказа» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета националистического толка. Издавалась в Тифлисе в 1906–1917 гг.

²⁵ *Архиепископ Никон (Софийский)* (1861–1908) – с 9 июня 1906 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Синода.

²⁶ «Союз русского народа» – черносотенная организация, действовавшая в Российской империи с 1905 по 1917 гг.

²⁷ *Петерсон Николай Леонидович* (1866–1920) – сенатор, гофмейстер. В 1905 г. приглашен наместником на Кавказе графом И.И. Воронцовым-Дашковым на должность директора канцелярии наместника. В.В. Стратонов был его заместителем. В 1913–1915 гг. – помощник по гражданской части кавказского наместника.

²⁸ *Гиршфельд Константин Григорьевич* (1870–1917) – генерал-майор. С 1898 г. служил в Туркестанском военном округе. В 1899 г. командирован в г. Петро-Александровск для исполнения должности старшего адъютанта, состоящего при начальнике Аму-Дарьинского отдела канцелярии. В 1899–1904 гг. – обер-офицер для поручений при штабе 1-го Туркестанского армейского корпуса. Участник Первой мировой войны. Когда в 444-м пехотном Дмитровском полку солдаты отказались выполнять приказ об укреплении позиций, Гиршфельд и комиссар Временного правительства Ф.Ф. Линде с помощью кавказских частей арестовали 22-х солдат. На защиту арестованных выступили солдаты 443-го Соснинского и 444-го Дмитровского пехотных полков. Во время вооруженного столкновения Гиршфельд и Линде были убиты.

²⁹ *Костицын Владимир Александрович* (псевдонимы *Семенов, Семен Петрович*) (1883–1963) – боевик РСДРП, математик, астрофизик, эколог-теоретик, политический деятель периода Временного правительства.

³⁰ *Снесарев (Снесарев) Андрей Евгеньевич* (1865–1937) – генерал-лейтенант, русский и советский военачальник, военный теоретик, военный географ и востоковед, действительный член Русского географического общества, Герой Труда. С 1899 г. на военной службе в Туркестане, занимался изучением и военно-географическим описанием Среднего Востока. Совершил поездки по Индии, Афганистану, Тибету и Кашгарию. В 1902–1903 гг. командовал Памирским отрядом Отдельного корпуса пограничной стражи. В 1905 г. назначен начальником Средне-Азиатского отдела Главного управления Генерального штаба. В 1919–1921 гг. – начальник Академии Генерального штаба РККА, главный руководитель восточного отделения Военной академии РККА (переименованной из Академии Генштаба), ректор Центрального института живых восточных языков. Участвовал в создании Московского института востоковедения. В 1930 г. репрессирован.

³¹ С 29 июня по 1 июля 1918 г. в Москве проходило совещание представителей центральных вузов с делегатами Туркестана, посвященное организации

университета в Ташкенте. Было сформировано организационное бюро с Московскими и Петроградскими отделениями, на которое возлагалась обязанность широко распространить в научных кругах сведения о потребностях создаваемого университета. Московская группа Туркестанского университета вела как исследовательскую, так и научно-популяризаторскую работу. В 1919 г. ею было принято решение о создании Туркестанского научного общества в Москве для регулярного чтения научно-популярных лекций о Туркестане, организации выставок и т.п.

³² *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893–1937) – маршал, репрессирован в 1937 г. по «делу военных», реабилитирован в 1957 г.

³³ *Таубе фон Александр Александрович* (1864–1919) – барон, генерал-лейтенант, перешел на сторону советской власти и получил известность как «сибирский красный генерал».

³⁴ Крытая повозка с плетеным верхом (благодаря которому и получила свое название).

³⁵ *Ташкентский Его Императорского Высочества Наследника престола Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Кадетский корпус* был первоначально открыт в 1900 г. как приготовительная школа для 2-го Оренбургского Кадетского корпуса. С 1 августа 1904 г. школа превратилась в самостоятельный кадетский корпус, а с 5 октября 1904 г. ему было присвоено имя Наследника Цесаревича Алексея.

³⁶ *Бонч-Богдановский И.М.* – полковник. Более точные биографические данные установить не удалось.

³⁷ *Дунин-Барковский Валериан Николаевич* (1871–1943) – офицер, педагог, ученый. В 1900 г. по окончании Академии Генерального штаба был командирован в Ташкент, где в 1900–1905 гг. исполнял обязанности инспектора классов Ташкентской приготовительной школы 2-го Оренбургского Кадетского корпуса, преобразованной в Ташкентский Кадетский корпус. В 1907 г. вышел в отставку в чине подполковника и основал 8-классное коммерческое училище, которое возглавлял вплоть до 1915 г. В 1909 г. – председатель оргкомитета 25-й юбилейной Туркестанской сельскохозяйственной выставки. Был гласным Ташкентской городской думы. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. служил некоторое время «военспецом», потом был профессором университетов в Ташкенте, Иркутске, Москве.

³⁸ *Яновский Кирилл Петрович* (1822–1902) – ученый и педагог, почетный член российских Академии наук и Академии художеств, член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1878 г. стал попечителем Кавказского учебного округа.

³⁹ *Сукачев (в тексте – Сухачев) Семен Васильевич* – председатель Ташкентского областного суда с 7 марта 1890 г. до 15 февраля 1899 г.

⁴⁰ *Коваленский Сергей Григорьевич* (1862–1909) – сенатор, тайный советник, директор Департамента полиции в 1905 г. Служил в окружных судах и судебных палатах ряда губерний юга России, Сибири, Закавказья и Туркестана.

⁴¹ *Сияльский Валериан Иванович* – старший председатель Ташкентской судебной палаты с 30 декабря 1898 г. по 8 февраля 1900 г.

⁴² *Дедюлин Николай Александрович* (1848–1912) – сенатор, в 1898 г. был назначен прокурором открываемой Ташкентской судебной палаты. В 1901–1906 гг. – старший председатель этой палаты.

⁴³ *Дедюлин Владимир Александрович* (1858–1913) – генерал от кавалерии, петербургский градоначальник.

⁴⁴ *Носович Владимир Павлович* (1884–1936) – занимал должности: товарища прокурора Ярославского и Санкт-Петербургского окружных судов, товарища прокурора Ташкентской и Московской судебных па-

лат, обер-прокурора уголовно-кассационного департамента, сенатора.

⁴⁵ *Чебышев Алексей Алексеевич* (1859–1937) – был председателем Ташкентского окружного суда в 1907–1909 гг.

⁴⁶ *Трегубов Сергей Николаевич* (1866–1945) – судебный деятель, сенатор, участник Белого движения. Занимал должность товарища прокурора окружного суда последовательно в Новом Маргелане, Ташкенте, Витебске и Санкт-Петербурге. В 1899 г. был назначен прокурором Ташкентского окружного суда, откуда был переведен в Пензу, а в 1902 г. – в Петербург. В 1908 г. участвовал в сенатской ревизии Туркестана под руководством графа К.К. Палена.

Светлана ЖУКОВА, Александр ГАЛАК

«В наших руках... ключи от многих научных тайн»^{*}

Борис Кастальский – самаркандский историк и коллекционер

...Б.Н. Кастальский был не коллекционером-дилетантом, а серьезным исследователем прошлого Средней Азии... Его роль в изучении истории культуры и нумизматики древней Средней Азии еще не получила достойной оценки и заслуживает более пристального внимания историков науки.

В.Е. Зеймаль

В архивах и фондах Самаркандского государственного музея-заповедника хранятся уникальные коллекции документов и фотографий. Среди них и документы Бориса Николаевича Кастальского – известного инженера-ирригатора, краеведа, археолога, архитектора.

Предки Кастальского были православными, из дворян Виленской губернии. Родился он в Астраханской губернии и в свое время был определен родителями на учебу в Псковский кадетский корпус. Главное учебное заведение города Пскова служило делу воспитания высококультурных и образованных офицеров для русской армии.

По воспоминаниям самого Кастальского, первым настоящим наставником, повлиявшим на всю его дальнейшую жизнь, был воспитатель кадетского корпуса Федор Алексеевич Ушаков (1850–1914) – педагог, увлекавшийся историей и археологией. Кроме него еще несколько чинов преподавательского состава были членами археологического и географического обществ.

Дом Ушакова в те годы был местом просвещения и, можно сказать, очагом культуры. Там же собирались и коллекционеры. У Ушакова была интересная библиотека и коллекция рукописей.

Молодой кадет Борис Кастальский с интересом посещал дом своего воспита-

^{*} Авторы выражают благодарность за помощь в доступе к архивам Б.Н. Кастальского председателю Самаркандской областной организации Общества Красного Полумесяца Узбекистана Мунире Ширматовне Ариповой и Татьяне Александровне Марченко.

теля, и, возможно, именно там у него зародился интерес к истории и собирательству старины.

После окончания кадетского корпуса Кастальский едет в Петербург и поступает учиться в Николаевское военное училище и уже оттуда в звании подпоручика выпускается в Туркестанский саперный полубатальон. Через четыре года службы он становится поручиком. Числясь при саперном батальоне, он поступает учиться дальше – в Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге¹. В 1894 году он – уже штабс-капитан, окончивший с успехом Николаевскую военную академию по первому разряду.

По окончании Академии Кастальский произведен в военные инженеры и направляется обратно в Туркестан. 17 мая 1894 года, получив прогонные деньги, он едет в Самарканд.

Так волею судьбы он оказался в одном из самых древних и красивейших городов Средней Азии.

Кастальский начинает службу в самаркандской Инженерной дистанции². Это было военное ведомство, занимавшееся строительными, ирригационными и хозяйственными работами. В одном из помещений этого ведомства размещалось подобие маленького музея, где находились разные предметы старины.

В ту пору многие военные чиновники, начиная с генерал-губернатора уезда и заканчивая низшими чинами, увлекались собирательством древностей. Начальник Кастальского – полковник Илья Титович Пославский (1853–1914) был известным в городе собирателем предметов старины и даже имел собственную коллекцию. Борис Николаевич тоже практически сразу увлекся идеей собирательства и изучением края. Среда и условия для этого были довольно благоприятными.

Кастальский являлся членом Самаркандского областного статистического комитета, созданного в 1886 году. Он принимал активное участие в работе его исторического отделения, ставившего своей задачей выявление, изучение письменных источников и других материалов по истории края, изучение памятников архитектуры, их описание и реставрацию.

Областной Статистический комитет начинает публиковать в своих периодических изданиях статьи по истории Самарканда и его окрестностей. Особое место занимали среди них публикации Василия Вяткина (1869–1932).

По долгу службы Кастальскому доводилось бывать в разных местах края. Он интересовался предметами старины, скупая у местного населения старые монеты, геммы... В первую очередь его интересовали предметы домусульманского периода.

В 1896 году он вместе со своим начальником Ильей Титовичем Пославским направляется в командировку в Старый Термез. Российские войска заняли бухаро-афганскую границу на Амударье, на участке Керки-Йола. Штаб войск был устроен в маленьком кишлаке Патта-Кессар, а поблизости от него, по инициативе генерала А.Н. Куропаткина, решено было строить военный городок Термез. В 1897 году Кастальскому было поручено провести изыскания под орошение и снабжение водой будущего городка, а также построить казармы и прочие помещения для гарнизона.

Интересный эпизод из жизни Б.Н. Кастальского описал известный русский путешественник Д.Н. Логофет. В 1898 году для обеспечения Термеза водой из Сурхандарьи был прорыт канал. Однако, вопреки всем инженерным расчетам, вода не желала идти по каналу. Привлеченный к делу Кастальский за год успешно справился с этой задачей, и Термез наконец-то получил воду. Офицеры Термезского гарнизона оценили по достоинству огромную работу, выполненную инженером Кастальским, и вручили ему кавказскую шашку редкой работы с дарственной надписью.

Занимаясь этим поручением, Борис Николаевич обследовал и описал район Старого Термеза и его окрестностей. В течение нескольких лет он, живя в офицерской палатке, производил съемку и фотофиксацию на местности памятников культуры, обследовал древние русла ирригационных систем и мостов, составлял карты. Некоторые из архитектурных памятников, которые ему удалось описать и сфотографировать, не сохранились до наших дней.

Вместе с И.Т. Пославским Кастальский расспрашивал местных жителей о легендах и сказаниях, связанных со Старым Термезом. Предпринимал он и попытки установить местонахождение легендарных крепостей «Согдийская скала» и «Скала Хорига» – горных твердынь, осаждавшихся когда-то великим Александром Македонским.

Итогом этой командировки стало выступление И.Т. Пославского с докладом на проходившем в Ташкенте заседании Туркестанского кружка любителей археологии о наблюдениях, сделанных на Старом Термезе. Кастальский, в свою очередь, составил подробный отчет «Краткая записка о земле и водовладении в урочище Термез и его окрестностях», которая так и осталась неопубликованной. За свои труды в 1898 году Кастальский получил от эмира Сеид Абдул Ахада орден Бухарской золотой звезды 3-й степени. Этот указ сохранился до наших дней среди документов ученого, в его тексте сказано: «Ввиду уз дружбы и согласия, связывающих Бухару с Российским императорским правительством на благо и спокойствие народам, пожаловали мы военному инженеру-капитану Кастальскому орден Бухарской золотой звезды третьей степени, дабы он украсил им грудь свою, пребывая к нам доброжелательным». А от русского правительства за «отлично-усердную и ревностную службу» Кастальскому вручен орден святого Станислава 3-й степени³.

С 1889 года он становится действительным членом Туркестанского отдела Русского географического общества, а осенью того же года часть фотоснимков, сделанных им в Старом Термезе, демонстрировалась на первой Туркестанской фотографической выставке, проходившей в Ташкенте, а позже объехавшей почти все крупные города Туркестана. На одном из его снимков был запечатлен подлинный шедевр средневекового мусульманского зодчества – усыпальница и мечеть суфийских шейхов в Катта-Лангаре, располагавшиеся в отрогах Зарафшанского хребта.

По поручению генерал-губернатора края в конце XIX века самаркандская военно-инженерная дистанция занималась замерами и изготовлением черте-

жей для «Туркестанского фотоальбома». В 1898 году Кастальский по собственной инициативе успел произвести точные обмеры обеих Зарафшанских арок-водоразделителей в районе Чупан-Ата под Самаркандом, пока они еще были целы.

В феврале 1901 года Кастальского вновь отправляют в командировку, в приграничный город Кульджу. Он направляется вместе с чертежником до пограничного пикета Хоргос для разработки проекта зимних казарм военного гарнизона.

После возвращения из этой поездки его на несколько лет направляют служить в Закаспийскую область, где он исполнял обязанности помощника начальника Асхабадской дистанции⁴. Перед отъездом Кастальский, собравший довольно быстро к тому времени свою первую коллекцию археологических древностей, уступает ее своему начальнику И.Т. Пославскому.

Занимаясь делами службы, он заинтересовался одним объектом. Неподалеку от юго-восточного берега Каспийского моря, в безводной пустыне, находились развалины старинного города Мешхед-и-Мисриана. Даже остатки бывшего города, оплывшие силуэты стен и крепостных башен, зданий и минаретов давали основание предполагать, что в прошлом это был один из цветущих городов в Средней Азии. Побывав на месте, Кастальский произвел фотосъемку этого поселения, определяющую расположение древнего города и его цитадели, а также собрал образцы черепков глиняной и фаянсовой посуды.

В том же 1901 году его вновь награждают, но теперь уже орденом святой Анны 3-й степени.

На третьем заседании Закаспийского кружка любителей археологии, проходившем 7 января 1902 года, подполковник Кастальский был принят в его члены.

Он находился на службе в Закаспии до ноября 1902 года, после чего вновь был переведен в Самарканд на прежнее место службы. Пославский – его непосредственный начальник – уходит на повышение в Ташкент. Военно-инженерная дистанция переименовывается в Самаркандский отдел по квартирному довольствию войск, ее новым начальником 22 июня 1904 года назначен Кастальский. Вместе с повышением по службе его награждают орденом святого Станислава 2-й степени⁵.

Это была довольно высокая и ответственная должность. Кастальский поселяется с семьей в казенной квартире на улице Александровской, дом № 5, неподалеку от Абрамовского бульвара. Его соседом оказался Н.Л. Массон – дядя М.Е. Массона (1897–1986), в будущем известного ученого-археолога. На новой должности Кастальский с прежним энтузиазмом продолжил собирать свою новую коллекцию археологических древностей. По воспоминаниям Михаила Евгеньевича Массона, он находился в тесном общении со всеми торговцами местного антикварного рынка. У него были свои искатели и поставщики древностей. К тому же он слыл в городе самым щедрым покупателем археологических находок.

Сам Кастальский пишет об этом так:

Предметы, собранные не путем раскопок, а главным образом приобретенные от местных жителей, находились особенно весной; при рытье арыков, прудов, колодцев и т.п., в своих са-

дах и огородах. При таких условиях приобретения, было, конечно, трудно установить: где, когда, на какой глубине, при какой обстановке был найден тот или иной предмет...⁶

Кастальский сдружился с В.Л. Вяткиным. Несмотря на разность характеров, у них было немало общего. Они были почти одногодки, оба не имели специального исторического образования, и оба, по стечению обстоятельств, в один и тот же год оказались в Самарканде. Но, главное, что их сближало, – общий интерес и жажда изучения Туркестанского края.

Влиятельный чиновник и инженер, Кастальский оказывал содействие Вяткину и поддерживал его начинания, связанные как с раскопками, так и с открытием в Самарканде музея. Он также в течение ряда лет был постоянным жертвователем для музея, даря в его фонды то оссуарий, то монеты, то еще что-то из своей коллекции. Как более компетентный специалист, Вяткин не раз помогал Кастальскому разобраться с трудными вопросами.

В 1907 году Кастальский становится членом Туркестанского кружка любителей археологии, который был создан в Ташкенте в 1895 году. Вскоре отделение кружка создается в Самарканде. В архиве сохранились протоколы заседания этого кружка, написанные рукой Кастальского. Помимо этого Кастальский вместе с Вяткиным входят в состав самаркандского Облстаткомитета, в изданиях которого публикуют свои статьи.

Вскоре их обоих ожидало очень важное событие. Кастальский пишет об этом времени:

После присоединения Туркестана к Российской империи французская Академия просила разрешения на производство поиска пропавшей обсерватории Улугбека, но, получив на это разрешение, не смогла найти ее следов, и другие многочисленные попытки найти ее не привели к успеху. Только в 1908 году, совершенно случайно, В.Л. Вяткин, хорошо знавший местные языки, в одном из вакуфных документов нашел завещательное распоряжение, что данный участок земли граничит арыками с одной стороны с холмом обсерватории Улугбека. Холм был большой, весьма заваленный мусором. Были испрошены соответствующие кредиты, произведены расчистки, сняты целые горы песка и мусору, и под одной из них прекрасно сохранившаяся обсерватория Улугбека⁷.

Кастальский не просто присутствовал при этом, но являлся активным помощником Вяткина. До наших дней сохранился акт за подписью инженера Кастальского, сообщающий, что

С 7 мая по 17 июня 1914 года на раскопки обсерватории Улугбека были поставлены рабочие – 341 человек, они выполняли работы на 19 участках, было отрыто 237,17 куб. сажен на сумму 592 рубля девяносто две копейки⁸.

Он привозил из областной тюрьмы арестантов для производства раскопок, вывоза мусора и земли, руководя этими работами, производил всевозможные замеры и технические расчеты. Как опытный инженер, он помог разобраться с ориентировкой найденного секстанта. Неплохо разбиравшийся, в отличие от своего

друга, в астрономии, он делал соответствующие расчеты и сравнивал их со звездными картами⁹.

В том же году Вяткин и Кастальский побывали в кишлаке Бия-Найман под Каттакурганом, где были обнаружены необычные фрагменты, как позже выяснится, погребальных урн – оссуариев. Чтобы не терять драгоценного времени, исследователи отправляются туда на ночь глядя и, прибыв на место, вместе обследуют этот объект. Кастальский за ночь договаривается с хозяином участка земли и выкупает его. Вскоре, получив служебный отпуск, он вместе с Вяткиным выезжает на раскопки в Бия-Найман.

В ходе раскопок, из-под метровой глубины, ими было извлечено 700 фрагментов погребальных оссуариев. Кастальский сделал подробнейшее описание и чертежи своих находок, а затем издал книгу.

М.Е. Массон неоднократно в своих воспоминаниях упоминает Кастальского и живо описывает историю с открытием Бия-Найманских оссуариев, которая наглядно показывает характер Кастальского и его отношение к поиску археологических редкостей. Пишет он и о том, что подобным образом Кастальский выкупил по очень высокой цене мельницу на речке Сиаб, где обнаружили старинные плиты непонятного происхождения¹⁰.

Находка в Бия-Наймане таила в себе много непонятного. На найденных фрагментах были изображения фигур в своеобразных костюмах с малопонятными атрибутами в руках. Единственное, что было ясно, – это были оссуарии живших здесь некогда зороастрийцев, относящиеся к домусульманскому периоду.

Кастальский срочно сообщил в Ташкент о своей находке. Примерно через месяц Пославский, бывший тогда председателем ТКЛА, уже докладывал об этом на очередном заседании кружка в Ташкенте.

Сам Кастальский занялся активным изучением находок, подробно излагая свои соображения. Из разрозненных терракотовых фрагментов ему удалось собрать выполненное на высоком художественном уровне цельное изображение, на котором предстала сцена погребального обряда. В начале октября 1908 года в Самарканде вышла в свет брошюра «Бия-Найманские оссуарии», сопровождающаяся фотоснимком панели одного из оссуариев. Тираж был небольшой: брошюра была издана за счет самого автора.

В своей должности Кастальский прослужил десять лет, вплоть до начала Первой мировой войны. Во время русско-японской войны он являлся активным участником общества Красного Креста, за что был награжден медалью¹¹. В те же годы он избирается в состав присяжных поверенных городского суда.

Это время – самое плодотворное в его жизни. В разрастающемся Самарканде было построено немало новых зданий. Среди крупных строений в центральной части города есть сохранившиеся до наших дней, автором которых является Кастальский. По его проекту на углу улицы Черняевской и Каршинского проспекта в 1905 году возводится здание Государственного банка. Его отличает оригинальная шатровая крыша, остроконечные шпили. В постройке впервые в Самарканде были применены железобетонные конструкции. В 1908 году на улице Алексан-

дровской (ныне Мирзо Шохруха), вблизи Свято-Георгиевской церкви, по проекту и под непосредственным руководством Кастальского строился еще один банк, Волжско-Камский.

По особому поручению начальства в 1910 году Кастальский совершает поездку в район северного Афганистана. Целью поездки являлось изучение приграничной территории и ее укреплений. За удачное выполнение этого задания его награждают орденом святого Владимира 3-й степени. Очерки же его «О путях и маршрутах в Афганском Туркестане» так и останутся лежать в военных архивах.

Прежде любитель-археолог и коллекционер, интересующийся историей края, он, изучая научные труды и общаясь с учеными, становится настоящим профессионалом. Ему было интересно и самому писать о находках из своей коллекции: он серьезно и вдумчиво изучает их и описывает.

Дом, где проживало семейство Кастальских, состоял из пяти комнат. В одной из них Борис Николаевич хранил свою обширную коллекцию, называя ее музеем¹². Трудно перечислить объем этого собрания, он и сам не знал точной цифры, но оно насчитывало приблизительно 5 тысяч экземпляров.

О членах его семьи известно немного. Его супруга – Фаина Николаевна Кастальская (урожденная Небогина) окончила петербургскую Консерваторию по классу фортепиано. До революции она была членом благотворительного и театрального обществ Самарканда; еще в начале 1920-х годов выступала с фортепианными концертами, исполняя произведения Грига и Чайковского. На ее надгробной плите выгравирована надпись: «Пианистка и свободный художник Ф.Н. Кастальская». У супругов Кастальских было две дочери. Одна из них, Н.Б. Кастальская, переехала жить в Москву и стала инженером. Работала сначала в ЦАГИ, а перед Великой Отечественной войной перешла в ОКБ самолетостроения Яковлева, став там ведущим инженером. Вторая дочь, Т.Н. Кастальская, прожив всего 33 года, погибла в Самарканде в 1937 году.

В 1913 году в руки Кастальского попала книга известного русского журналиста-путешественника Д.Н. Логофета, в которой содержалось много упоминаний о монетах времени Александра Македонского и его греческих преемников в Азии. В этой книге Логофет детально описывал, как в Памирском селении Калаихумб он видел у местного муллы и еще одного старика эллинистические геммы и греко-бактрийские монеты Диодота, Евкратиды и Деметрия и еще несколько золотых экземпляров чекана Александра Македонского. Его описания были снабжены такими реалистическими подробностями, что Кастальский принял их на веру и стал собираться в далекое высокогорное селение в надежде приобрести там драгоценные реликты прошлого. Это путешествие было не только сложным, но и дорогостоящим. Однако, прибыв на место, Кастальский был сильно разочарован, так как ничего из описываемого Логофетом не обнаружил. Через представителей военной пограничной службы он выяснил, что Логофет никогда не появлялся в описываемом селении.

В 1914 году, буквально накануне мобилизации на фронт, Кастальский вместе с Вяткиным успевает продолжить раскопочные работы на обсерватории Улугбе-

ка. На эти изыскания были отпущены гораздо большие суммы, чем в первый раз, что дало возможность соответственно увеличить объем работ. В мае – июне они копают одновременно в девятнадцати местах, с целью выяснить картину комплекса в целом¹³. Кастальский руководит технической стороной дела и, поскольку выкопанный ранее секстант годами стоял под открытым небом, осуществляет постройку перекрытия-пенала над ним и входного портала.

На соседнем холме, поблизости от обсерватории, были найдены остатки загородного дворца Чиль-Сутун, и ученый успевает приобрести из него подставки под вазы резной работы.

Как позже запишет Кастальский:

Свою коллекцию мне удалось собрать многими трудами и немалыми средствами за временной период с 1894 по 1914 годы, бывший для этого наиболее благоприятным¹⁴.

С началом Первой мировой войны почти весь строевой контингент самаркандского гарнизона был мобилизован. Находясь на фронте, Кастальский занимает довольно высокий пост. Сначала он служит в должности корпусного инженера 1-го Туркестанского армейского корпуса. Высочайшим приказом от 20 мая 1915 года его награждают за заслуги мечами к ордену святого Владимира 3-й степени. Практически сразу после этого следует назначение его главным руководителем инженерных работ в тылу армии Западного фронта 1-го района, располагавшегося в Белоруссии, под Минском, и награждение генеральскими погонами.

По окончании Первой мировой войны Борис Николаевич Кастальский возвращается в Самарканд в чине генерал-майора¹⁵. Но это был уже не тот город, из которого он уезжал на фронт в 1914 году. Сменилась власть и органы управления, и теперь ему предстояло жить в новых условиях. Отныне он зовется и пишется не иначе как «товарищ инженер». Зато его друг и коллега Вяткин был весь в делах и пользовался доверием и уважением в городе. Через него к работе был привлечен и Кастальский.

В последние годы и городище Афрасиаб, и все архитектурные памятники Самарканда находились в заброшенном, безнадзорном состоянии и нуждались в срочном ремонте и реставрации. Возвратившись после войны, Борис Николаевич продолжил собирать свою коллекцию.

После установления в Туркестане советской власти органы, отвечающие за охрану и изучение памятников старины, привлекали к работе ученых и краеведов, трудившихся здесь еще до революции 1917 года.

Еще в 1896 году членами и сотрудниками Самаркандского областного статистического комитета Пославским, Барщевским, Вяткиным, Кастальским и Рейхелем был составлен «Проект программы работ Исторического отдела комитета по описаниям памятников г. Самарканда и его ближайших окрестностей», с объяснительной запиской к нему. Предполагалось собрать все сведения по истории города, составить подробный перечень существующих памятников и исторических мест и генеральный план Самарканда с нанесением на него этих памятников,

собрать воедино все ранее составленные планы, осуществить расспросы старожилов о памятниках прошлого. Также намечалось осуществить изучение памятников в строительно-архитектурном отношении, с составлением планов профилей, фасадов и наиболее интересных в архитектурном смысле деталей. Планировалось, кроме того, подготовить и создать строительно-архитектурный атлас с планом города, снабженный текстом, дать историческое описание каждого из памятников... Весь проект этой обширной программы был обсужден и одобрен, однако ее выполнение в полном объеме по тем временам оказалось делом крайне сложным, и работа была осуществлена лишь частично¹⁶.

Сначала руководство по проведению историко-архитектурной работы в 1918 году взяло на себя Центральное управление архивным делом Туркестана (ЦУ-АРДЕЛ). Через некоторое время была организована Самаркандская комиссия по охране, изучению и реставрации памятников старины и искусства (Самкомстарис), и В.Л. Вяткин с М.Ф. Мауэром и Кастальским становятся его ведущими сотрудниками. Самкомстарис состоял из трех секций, и одну из них – строительную – единогласно доверили возглавить Кастальскому.

Сделать предстояло много. Практически все исторические памятники города, осыпаясь и разрушаясь буквально на глазах, нуждались в скорейших реставрационно-восстановительных работах. Прежде всего Кастальский осмотрел медресе Улугбека, но потом, при составлении плана работ, первоочередным объектом для восстановления, как и ранее решением бывшей Императорской комиссии, был определен мавзолей Гур-Эмир.

Учитывая реальные условия, Кастальский предложил прежде всего осуществить укрепление крыш всех разрушающихся исторических зданий города. Это было всеми одобрено.

К осени 1918 года бывшие члены ТКЛА Вяткин и Кастальский вместе с областным архитектором М.Ф. Мауэром образовали, с согласия городских властей, Комиссию по спасению одного из минаретов медресе Улугбека. Поводом для этого послужил ставший угрожающим наклон минарета. Вяткин, еще в 1916 году обративший на это внимание, рассказал Кастальскому, что ситуация близка к критической, и тот, сразу же отреагировав, предложил создать Комиссию по спасению падающего минарета¹⁷.

По представлению Самкомстариса в 1920 году был предложен список, в который были внесены шестнадцать памятников Самарканда, подлежащих первоочередному ремонту и реставрации.

Уже в октябре 1920 года Кастальский в своем отчете докладывал, что из-за нехватки выделяемых средств и перебоев с их поступлением удалось закончить только поверхностный ремонт трех медресе на Регистане и, возможно, удастся приступить к ремонту мавзолея Гур-Эмир.

Приблизительно в то же время в Самарканд приезжает молодой историк Михаил Массон и на четыре года становится новым директором областного музея, располагавшегося в здании городской читальни. Через Вяткина он знакомится с Кастальским. Позже Массон очень ярко опишет в своих воспоминаниях это время,

вспомнит и то, что Кастальский способствовал приобщению его к нумизматике.

Для выяснения первоначального плана памятников Регистана и Гур-Эмира были начаты разведочные раскопки под их фундаментами. В одном из помещений медресе Улугбека был устроен временный музей, где находились найденные во время раскопочных работ предметы.

Кастальский вместе с приехавшим членом Всероссийской коллегии архитектором-художником Дмитрием Иофаном (1885–1861) осматривает комплекс Биби-Ханым с целью составления сметы на предстоящие работы по реставрации. В октябре в Самарканд приезжает выдающийся историк Василий Бартольд (1869–1930), чтобы ознакомиться с ситуацией на месте и определить планы дальнейших работ и исследований.

Вопросу спасения минарета придавалось не только научно-техническое и историческое значение, но и политическое: было необходимо поднять в глазах местного населения престиж новой власти.

Как председатель строительной секции Кастальский предложил самое простое и рациональное решение: поскольку минарет Улугбека был подробнейшим образом зарисован и вычерчен во всех деталях, – разобрать и собрать его заново. Но, после долгих и упорных споров среди членов комиссии, большинством голосов было решено сохранить целостность минарета и попытаться его выпрямить.

Падающий минарет был только одной из многих наболевших проблем, связанных с памятниками города. Требовали своего решения еще множество вопросов, с которыми строительная секция справлялась довольно успешно, несмотря на недостаток средств и всякого рода трудности и препятствия. К работам были привлечены, в том числе, и местные потомственные мастера, помогавшие понять технологию строительства древних зодчих и секреты их мастерства.

Благодаря энергии и большому опыту Кастальского проводились срочные обследования, составлялись акты осмотров и реставрационные сметы, одновременно в разных местах осуществлялись неотложные ремонтные работы. По сути, это были первые последовательные реставрационные работы по сохранению памятников города, положившие начало дальнейшему профессиональному направлению в деле реставрации.

М.Е. Массон характеризует Кастальского как человека, способного на быстрые решения и реалистичного в оценке конкретной обстановки. Эти его качества как нельзя лучше соответствовали требованиям данной деятельности и условиям того времени.

Кастальский много работает на различных объектах: то он проводит частичную реставрацию наружного пилона медресе Улугбека, то трудится на комплексе Шахи-Зинда, где над порталом усыпальницы Кусама ибн Аббаса строит деревянный козырек с глиняной обмазкой. Там же он проводит работы по удалению обветшавшей старой штукатурки, тщательно укрепив все остатки высокоценной изначальной облицовки новым прочным составом.

Наряду со строительной в Самкомстарисе действовала художественная секция, в которой работали художники И.С. Казаков, ученик И.Е. Репина – М.А. Вербов,

А.В. Исупов. Михаил Александрович Вербов, прекрасный рисовальщик и портретист, запечатлел облик Кастальского, а А.В. Исупов нарисовал портрет Вяткина.

В 1921 году в свет выходит очередной труд Кастальского – «Исторический обзор Зерафшанской долины в пределах Самаркандской области», над которым он работал не один год.

В январе 1923 года на заседании президиума Самаркандского облисполкома решался вопрос о налаживании пришедших в упадок ирригационных систем города и области. На этом собрании присутствовали члены руководства Плановой комиссии Областного экономического совета (Облэконосо) – Кастальский, Вяткин и Закусило. Кастальский выступил с докладом. Как инженер и специалист, прекрасно разбирающийся в вопросах ирригации, он предложил целый ряд ценных идей, а позже и сам участвовал в восстановлении ирригационных систем.

К 1925 году Кастальский уже не работает в Самкомстарисе. Ему поручают новое дело. Необходимо было собрать подробные сведения о состоянии всех дорог местного значения Самаркандской области, а также дорог Каттакурганского и Джизакского уездов. И он берется за этот большой труд, объезжая и изучая все дороги области. В Самаркандском областном архиве до сих пор хранятся 18 рабочих тетрадей с подробнейшим описанием дорог и мостов, снабженным замерами, чертежами и рекомендациями самого Кастальского¹⁸.

В 1927 году в Самарканд приезжает уполномоченный Интуриста по устройству иностранных туристов, которые должны были прибыть в сентябре. Интурист устраивал тогда две экскурсии: одну – на Землю Франца-Иосифа, другую – на Турксиб и в Среднюю Азию. У них был свой поезд, состоящий из нескольких спальных вагонов. Иностранных гостей должно было быть человек сорок, причем поездка каждого из них была оплачена золотом в эквиваленте 1000 рублей. Они предполагали пробыть в Самарканде один день, остановившись на Регистане, в Тилля-Кари, и осмотреть памятники города. Уполномоченный распорядился выщипать всю траву во дворе медресе и покрыть двор коврами. В худжах он велел повесить портьеры и вообще уютно их обустроить; пригнать верблюдов, чтобы устроить катание на них; организовать продажу изделий восточных кустарных промыслов – ковров, шелков, сюзане...

Кастальский, занимавшийся подготовкой встречи этой группы, оставил интересные воспоминания о том, как ему довелось быть свидетелем радений дервишей на Шахи-Зинде:

В четверг 21 июля 1927 года нам удалось присутствовать на радении дервишей. Шахи-Зинда в 1927 году была занята дервишами и мечеть здесь действовала. В полосатых своих халатах, <...> старики, с длинными клиновидными бородами, в тюрбанах, дервиши сначала молились с утра в мечети, где, стоя на коленях, они клали поклоны, готовясь к радению молитвою. Около 1 часу пополудни муллы дали знать, что моление окончилось и началось радение. Мы взойшли на стену коридора № 3 и оттуда наблюдали шествие. Взявшись за руки до локтя, тесно сплетаясь, двигалась группа дервишей – стариков, человек 10 по коридору. Плавно, в такт, они производили <...> движения, словно приседания, и произносили в такт слова, похожие на «хамэ-эф», «хамэ-эф» или «хамфанз». Эти выкрики продолжались около 15 минут,

затем группа медленно стала двигаться дальше, все сильнее входя в азарт – транс, биясь как бы в <...> гипнотическом трансе. Лица у них стали какие-то бронзовые, глаза у них закатывались или же были закрыты, изо рта выступала слюна или пена. Каждые 15 минут делались остановки и какое-то священное лицо, более молодое, в черной рясе, что-то фальцетом произносило, чуть ли не по книге. Затем вновь хором, с приседанием, шли выкрики, и процессия продолжала медленно двигаться дальше по коридору к месту выхода. <...> Происходила какая-то мистическая сцена, нам непонятная, на неизвестном нам языке. Люди – старые, доводили себя до иступления. За ними двигалась вся масса молящихся богомольцев в халатах, турбанах, примерно человек 100. Они вошли в мечеть. Мы сошли со стены и за ними также вошли в мечеть, продолжая свои наблюдения. Войдя внутрь, группа радеющих дервишей увеличилась, в их круг вошло еще человек 10, и их стало человек 25. Сидя кругом, они продолжили раскачиваться и возносить: «а-рэм, а-рэм, а-рэм» или «а-рэф». Это раскачивание стало длительней и быстрее, с большим жаром, лица стали еще в большем трансе, гипнотическом. Регент подталкивал останавливавшихся, и они начинали раскачиваться вновь. Чрезмерно раскачивающихся он приостанавливал. Радение становилось все сильнее. Дервиши входят в раж, начинают бить друг друга по спине, правда, не все сразу. <...> И все перекрывается бесконечным возгласом: «арэм, арэм, арэм», без конца. Халаты давно сняты, чалмы тоже. Жарко – пот катится с них градом. Присутствующие молящиеся, или вернее наблюдающие, сначала следят за происходящим с огромным вниманием и напряжением, затем, через часа 2-3, устают и начинают расходиться¹⁹.

В январе 1928 года Кастальский приобретает у одного служащего из Пенджикента очень редкую серебряную монету – медаль Антимаха I, которую тот нашел при вскопке своего огорода. Кастальский сначала сообщил об этой монете Массону, для его статьи о монетных находках в Средней Азии 1917–1927 годов, а позже он сам посвящает этой редкой монете отдельную работу. Уже после смерти Кастальского в «Вестнике древней истории» за 1940 год, в разделе хроники, эта работа была опубликована под названием «Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема»²⁰.

В 1928 году Борис Николаевич овдовел. Его супруга Фаина Николаевна скончалась 21 января в возрасте 50 лет.

В июле 1928 года Проектно-изыскательное управление Узводхоза заказывает Кастальскому составить историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин. К ноябрю того же года он заканчивает эту работу, осветив в ней историю орошения речных систем и ирригационных мероприятий, начиная с древнейших времен и заканчивая дореволюционным периодом. В следующем, 1930 году она была опубликована²¹.

В общей сложности Кастальский изучал этот район в течение тридцати лет. Он дает описание древних развалин ирригационных сооружений в районе Термеза и впервые сообщает множество новых фактов, основанных на его личных наблюдениях. История ирригации Северного Тохаристана, в западной части которого существовало сразу несколько древних ирригационных систем, была в то время абсолютно не изучена.

Сразу же после падения Бухарского эмирата в Бухару были отправлены в срочном порядке специалисты, способные на месте разобраться с тем, что было

оставлено прежними хозяевами. Был вызван туда в качестве эксперта и Василий Вяткин. На собрании Межведомственной комиссии, состоявшемся 30 октября, он упомянул в своем докладе о необходимости произвести осмотр частных коллекций музейного характера, на предмет их приобретения для создания музея в Бухаре. На этом собрании был затронут и вопрос о судьбе частных коллекций Туркестана.

В 1930 году в Ташкент, получивший статус столицы, перемещается весь Узком-старис. Летом 1932 года уходит из жизни товарищ, единомышленник и соратник Кастальского – Василий Вяткин. Через год после этого Кастальского пригласили в Самаркандский музей, чтобы помочь составить описание коллекции Вяткина, которую тот завещал городу.

В 1933 году исполнялось почти сорок лет собирательской деятельности самого Кастальского. Вся его огромная коллекция многие годы хранилась в его доме по улице Советской, 88. По сути, у Кастальского был, ни много ни мало, свой личный музей. Все свободное время он посвящал своему детищу, являясь в одном лице директором, реставратором, художником, фотографом, хранителем и гидом. Обширная и разнообразная коллекция включала в себя не только уникальное собрание монет и сасанидских гемм, но и всевозможные изделия из терракоты, из стекла, рукописи, оружие и украшения, оссуарии и изразцы. Непонятно даже, как все это умещалось в его доме.

Хотя этот «музей» не был общедоступным, его посетителями были многие историки и художники, востоковеды и коллекционеры, арабисты, нумизматы и археологи, сотрудники российских и зарубежных музеев. И практически всем Кастальский любезно предоставлял возможность осмотреть, а некоторым – и изучить свои находки.

Ему уже шел седьмой десяток, и Кастальский задумывался о будущем своей коллекции. К тому времени к ней проявило интерес руководство московского Государственного музея восточных культур (ГМВК, ныне – Государственный музей Востока). Между музеем и Кастальским завязывается переписка. Специально с целью ознакомления с его коллекцией в Самарканд в 1933 году приезжает из Москвы директор ГМВК А. Садуллаев. Он гостит в доме Кастальского и, ознакомившись со всеми находками, договаривается с ним о том, что московский музей приобретет коллекцию прекраснейшей афросиабской керамики. Директору музея удается уговорить Кастальского расстаться с частью коллекции, и он приглашает Бориса Николаевича в Москву для заключения договора. В ходе переговоров Кастальского убедили уступить коллекцию по предельно низкой цене, прельстив его должностью внештатного консультанта при музее и пообещав помочь с обустройством жилья в одном из зданий, примыкающих к музею со стороны Воронцова поля.

В итоге, подготовив все необходимые документы, Кастальский едет в октябре 1933 года в Москву. Для начала он привозит с собой небольшую часть коллекции – 222 изделия из керамики. Через месяц он передает в музей еще 450 образцов древней керамики, а в декабре сам привозит в Москву еще одну коллекцию

керамических украшений – 223 изделия, и заключает окончательный договор с музеем. У него были планы со временем переехать в Москву, где жила одна из его дочерей, и перевезти туда оставшуюся часть своей коллекции.

15 марта 1934 года в Самарканде был составлен акт о том, что коллекция древней среднеазиатской керамики, принадлежащая Кастальскому и заключающая в себе, согласно описи, 340 номеров неполивной керамики, 509 номеров поливной керамики, 19 ваз из Чиль-Сутуна (самаркандского загородного дворца Улугбека), 34 номера керамики XIX-XX веков и 34 керамических украшения, а всего 937 образцов, упакованная в 20 ящиков, обитых по углам полосовым железом, сдана для отправки²².

Несколько месяцев спустя, когда в Ташкенте стало известно о договоре между Кастальским и ГМВК, в Самарканд пришел циркуляр, сообщающий, что в мае 1934 года Туркомстарис принял срочное решение о взятии на учет всех частных коллекций. Письма с уведомлением об этом решении получили Кастальский и бывший тогда заместителем председателя Самкомстариса М.Ф. Мауэр.

В ответ Кастальский пишет большое и обстоятельное письмо, содержащее довольно много интересных фактов.

1) По-видимому, Узкомстарис, начиная с выхода первых постановлений и до сего времени, сознавая деликатность этого вопроса, уклонялся от составления этих документов с проведением их через законодательные учреждения, так и о взятии на учет частных коллекций (например – Вяткина, Столярова и моей).

2) В настоящее время, судя по последней телеграмме, требуется почти в недельный срок представление описей учета моего собрания в Узкомстарис. Из этого видно, что они не отдают себе отчета во всей сложности и продолжительности, требующейся для подобной операции, да еще при таких условиях, в которые мы поставлены.

3) Начнем с состава одного, того, что подлежит взятию на учет из моих коллекций. Таковые заключаются в доисламской терракоте, в стекле и в монетах:

а) Доисламская терракота состоит главным образом из оссуариев и отдельных головок и фигурок (мелкая пластика древнего Востока). Оссуарии разделяются на Бия-Найманские и Самаркандские. Как те, так и другие находятся в данное время во фрагментарном виде. (Часть их была собрана, склеена и выставлена, но в 1919 году при реквизиции мебели была выброшена!!!). Общее число фрагментов оссуариев я затрудняюсь точно назвать, но не очень ошибусь, если назову цифру не меньше 1500 штук, а может и более.

б) Головок (терракотовых) и туловищ людей и животных наберется не менее 500 штук.

в) Глиняных бомб (сфероконических сосудов) целых и фрагментов около 200 штук.

г) Очажков, вероятно, около сотни (фрагментов).

д) Стекло – затрудняюсь сказать, но тоже около ста штук.

е) Предметов терракотовой резьбы наберется также, может быть, около сотни.

ж) Мраморов надобно считать тоже с сотню.

3) Нумизматика мусульманская и домусульманская выльется в цифру, вероятно, близкую к 1800 штук.

Итого, общий список всех вещей коллекций превзойдет 4000 штук <...>, и при этом состоит из предметов в основном домусульманской эпохи, т.е. – наиболее темной и наукой еще недостаточно освещенной. Надобно при этом еще отметить, что все эти коллекции находятся большей частью в необработанном виде, некоторые из них [т.е. предметов – С.Ж., А.Г.] мелко

разбиты, а часть монет [находится в] плохой сохранности и [они] не очищены еще от грязи и окислов. А это сильно затруднит их опись и учет.

4) Относительно самого метода производства и причина учета на деле мне представляется так. Цель взятия на учет тех или иных памятников культуры – это фиксация их таким образом, чтобы владелец после таковой не смог ни передать, ни продать и мог бы быть всегда проверен. Для этого должна быть составлена опись по чисто внешним, формальным признакам (размеры, материал, назначение и т.д.). И второе – на каждый предмет или фрагмент должны быть проставлены штампы и номер одного. Это все, что требуется для учета.

Паспортизация же – дело более сложное, требующее научного подхода. К нему требуются не только внешние, формальные признаки, но и место и условия находки, определение назначения и эпохи выделки памятников и т.д., а в нумизматике – даты и разбор легенд и дешифровка изображений. Это требует соответствующей научной квалификации.

3) Из личных объяснений с М.Ф. Мауэром и И.А. Сухаревым 26\5 в Музее я понял, что вы желаете произвести учет, совместив его с паспортизацией, но вопрос о времени проведения и работы комиссии не определен, и мне неясно, зачем это усложнять. Состав комиссии по учету коллекций возлагается на людей не из числа археологов, не из нумизматов, коих <...> в составе Самаркандского республиканского музея, насколько мне известно, не имеется в настоящее время. Да и в Узкомстарисе, увы, [нет] ни одного лица надобной квалификации, кроме М.Е. Массона, которое могло бы вполне грамотно учесть и описать мои коллекции.

Ввиду этого назначенная комиссия при выполнении даже более простых функций, по моему, может оказаться в неловком и часто даже безвыходном положении. Особенно это относится к нумизматике. Я не специалист по мусульманской нумизматике и при всем уважении к комиссии помочь не смогу.

6) Далее – о сроках. Узкомстарис явно не представляет себе длительности этого процесса. Краткое описание коллекции В.Л. Вяткина осенью прошлого года заняло семь дней упорной работы по 6,5 часов в день, при ближайшем участии товарищей Саиджанова и Сухарева. Тогда было описано около 400 номеров. Следовательно, если исходить из этих цифр, то для описи 4000 предметов понадобятся 70 дней работы, а учитывая всю сложность моего собрания и выходные дни, то потребуется, вероятно, три месяца в лучшем случае. Оформление (перепечатка, корректура) этой грандиозной коллекции потребует также много времени.

7) Засим следует вопрос о степени моего участия в работе учетной комиссии. Заменить себя кем-либо другим из своих близких я, по условиям своего быта, не имею возможности. Мне придется присутствовать все время работы комиссии. Я в данный момент не служу нигде, но кое-какую работу беру. В данное время я веду переговоры о поступлении на постоянную службу, и этот вопрос вскоре решится²³, поэтому и участвовать в комиссии меня ни в коем случае не устраивает, и желательно провести ее в кратчайший срок.

Прошу вас ознакомиться с содержанием всех пунктов и поставить меня в известность. К тому же я ни продавать, ни укрывать своих коллекций не собираюсь.

Казалось бы, Узкомстарису, молчавшему в течение ряда лет, оснований для особой экстренности нет.

О последующем не откажите меня уведомить!

Кастальский 28 мая 1934 года. Самарканд²⁴.

В этом письме Кастальский явно занижает количество предметов его коллекции, а также не указывает количество сасанидских гемм и даже не упоминает о них, как и о некоторых других единичных экземплярах.

По всей видимости, он отказался принимать участие в работе комиссии, передав все необходимые сведения, касающиеся его коллекции, замдиректора Респу-

бликанского музея Ивану Александровичу Сухареву (1909–1942), который был назначен ее председателем по учету и описи. К 3 августа опись нумизматической и археологической коллекций Кастальского была закончена и отпечатана в нескольких экземплярах.

Из переписки Бориса Николаевича с московским музеем можно понять, что по целому ряду причин он опасался оставлять свою коллекцию в Самарканде, где все местные культурные учреждения годами не проявляли интереса к его коллекции. Он пишет:

Мне, например не было от них предложений купить у меня что-либо (принимали только подарки). За последнее время Респ[убликанский] Музей в Самарканде пополнен двумя большими коллекциями, главным образом керамики, Вяткина и Столярова; первая более 500 экземпляров, вторая около 1500. Обе они до сих пор не освоены и не выставлены для публики, хотя бы частично, и находятся в музейном архиве. Кроме того, ни та, ни другая коллекция не паспортизированы. Они дали умереть Столярову, не извлеки из него нужной информации (прозевали), несмотря на то, что его коллекция была приобретена задолго до его смерти. Помещение самого Музея отвратительное; темное, тесное и сырое (через крышу которого просачивалась вода), в здании, совершенно непригодном для музея. Сейчас я работаю в комиссии Самкомстариса по выяснению причин протекания асфальтового перекрытия медресе Улугбека, как раз над Музеем. Научных работников-археологов в Музее этом и в Самкомстарисе нет вовсе. Имеющиеся – это по меньшей мере дилетанты невысокой марки. Культурной публики, интересующейся археологией и историей, очень мало в Самарканде, и посещаемость Музея слабая. Таким образом, моя коллекция им не нужна по существу и они ее не могут ни научно освоить, ни прилично и надежно разместить, ни правильно экспонировать.

В Москве же моя коллекция может послужить делу науки²⁵.

Поводом для серьезных опасений Кастальского служил еще тот факт, что личная коллекция полковника И.Т. Пославского, попавшая в фонды ташкентского музея, большей частью «растворилась», так как вовремя не была взята на учет и паспортизирована.

Обстоятельства, увы, складывались не лучшим для Кастальского образом. Дирекция ГМВК не выполняла взятых на себя обязательств и оттягивала вопрос с платежом, да и обещанное Кастальскому жилье в Москве так и не было предоставлено. Борис Николаевич неоднократно обращался к руководству музея, взывая к их порядочности, но в итоге был вынужден прервать отношения и отказаться от дальнейших планов, касающихся Москвы.

В сентябре 1935 года в Ленинграде должен был проходить III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. В Эрмитаже к этому событию планировалось открытие экспозиции «Искусство Востока». Телеграммой секретаря оргкомитета конгресса Гусейнова Борис Николаевич был приглашен в Ленинград. Ему предлагали участвовать в качестве докладчика, а также консультанта – для составления экспозиции в Эрмитаже.

Помимо Кастальского на этот конгресс был приглашен М.Е. Массон, тоже как докладчик. Его доклад о Старом Термезе и недавних находках там вызвал значительный интерес к этому региону. Формируя в дальнейшем археологическую

группу ТАКЭ для экспедиции в Старый Термез, Массон включил в нее и работников Эрмитажа: археолога Б.Б. Пиотровского и искусствоведа В.И. Кесаева. В 1936 году члены этой археологической группы, будучи в Самарканде, посетили дом Кастальского и ознакомились с его коллекцией. Видимо, тогда же встал вопрос о размещении его коллекций в Эрмитаже, и они смогли договориться. В первых числах января 1936 года Борис Николаевич приезжает в Ленинград с ценным грузом. В Эрмитаже, в присутствии председателя закупочной комиссии, был составлен акт первичного осмотра, а 20 января было принято окончательное решение о приобретении его коллекции.

В двух залах Эрмитажа были разложены вскрытые ящики, где среди прочего были ставшие широко известными Бия-Найманские оссуарии, сасанидские геммы, печати и терракоты, собранные по большей части в окрестностях Самарканда и Старого Термеза. Кастальский прожил тогда в Ленинграде более месяца, занимаясь оформлением всех необходимых бумаг и передачей своей коллекции музею²⁶.

Возвратившись в Самарканд, он переселяется в дом на улице Советской, 112, близ Свято-Алексиевского собора, тогда не действовавшего. Там он будет жить до последних дней своей жизни.

После того как он определил свои коллекции в столичные музеи, у него еще оставалось немало предметов старины в Самарканде. К тому же он продолжал приобретать интересные находки, отдавая предпочтение домусульманскому периоду.

В последующие годы жизни Борис Николаевич продолжает трудиться над темой орошения земель республики, используя при этом свой многолетний опыт. В 1936 году выходит его очередной объемный труд «Дождевание в условиях Средней Азии, коренная реконструкция орошения».

Неизвестно, как Кастальский прожил последние свои годы. Он скончался в самый разгар Отечественной войны. В свидетельстве о его смерти от февраля 1943 года было записано, что смерть наступила вследствие перелома ребра. Похоронили Бориса Николаевича на центральном городском кладбище, с северной стороны от старой православной часовни, рядом с его дочерью и супругой. Поверх могилы была установлена скромная, без каких бы то ни было эпитафий серая плита, которая за прошедшие с тех пор годы сравнялась с землей.

Сразу же после смерти Кастальского его коллекция была изъята органами НКВД Самаркандской области и оказалась, вместе с личными документами, в его архивах. На полках архива НКВД она пролежала двенадцать лет и уже оттуда в 1955 году была передана в Самаркандский музей. Она насчитывала свыше тысячи предметов и явилась наиболее значительным пополнением собрания этого музея за всю историю его существования. Среди экспонатов были монеты, геммы, печати и медали, а также предметы этнографического характера и некоторые документы. Заведующая фондами Самаркандского музея Мария Федоровна Каплунова взяла на себя труд по инвентаризации коллекции Кастальского.

В Самаркандском областном архиве хранится только часть немалого рукописного наследия Кастальского. Среди личных документов и разрозненных записей есть объемная папка, в которой находится рукопись «О глиняных бомбах». Это

большой законченный труд о сфероконических сосудах, в котором Борис Николаевич поставил себе целью разрешить давние споры по поводу назначения и использования этих непонятных сосудов. Работа так и осталась неизданной.

Сам Кастальский на протяжении многих лет сожалел, что археология в Средней Азии развивалась в 1930-е годы медленно:

В наших руках, несомненно, имеются ключи от многих научных тайн. Западный Туркестан представляет из себя почти девственное поле для археологов и таит в себе массу неограниченных возможностей. К сожалению, мы, по нашей слабой культурности, знаем мало и почти ничего не сделали для науки. Имеются отдельные черепки, интересные и интригующие находки и отдельные исследования. Но по части систематических раскопок и изысканий по определенному, строго научному плану, ничего не сделано. Это наш великий грех перед наукой...

Большая и некогда цельная коллекция Кастальского была разделена на три части, две из которых находятся ныне в фондах и экспозициях крупнейших российских музеев, а третья осталась в Самарканде. Как при жизни, так и после смерти Бориса Николаевича, предметы из его коллекции служили и служат ценным материалом для написания целого ряда научных работ в области археологии и истории Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самаркандский областной государственный архив (СамОГА). Личный архив Кастальского. Ф. 787. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.

² Там же. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Там же. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Там же. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁰ См.: Массон М.Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент: Узбекистан, 1972. С. 4–12.

¹¹ СамОГА. Личный архив Кастальского. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ Там же. Л. 38.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ См.: История Самарканда. В 2 тт. Под ред. И.М. Му-

минова. – Ташкент: Фан, 1969–1970. – Т. 1. – 1969. – С. 385–386.

¹⁷ См.: Массон М. «Зуб времени», землетрясения и особенно сам человек... (По поводу выпрямления минарета медресе Улугбека в Самарканде) // ВС. 2004. Вып. VII. С. 89.

¹⁸ СамОГА. Личный архив Кастальского. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 7.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Кастальский Б.Н. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 339–347.

²¹ Кастальский Б.Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин // Вестник ирригации. 1930. № 2. С. 65–88.

²² СамОГА. Личный архив Кастальского. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–32.

²³ Кастальский намекает на место консультанта при московском Государственном музее восточных культур.

²⁴ СамОГА. Личный архив Кастальского. Ф. 787. О.Ц. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–44.

²⁵ Там же. Л. 47.

²⁶ Там же. Л. 51.

Рубен Назарьян: «Мой Самарканд – это, прежде всего, его люди...»

От редакции. 15 сентября 2017 года известному литературоведу, историку и журналисту, члену редакционного совета и постоянному автору «Востока Свыше» Рубену Назарьяну исполнилось 70 лет. Редакция ВС сердечно поздравляет ученого с юбилеем, желает здоровья и новых исследований и публикаций.

С Р.Г. Назарьяном беседует главный редактор ВС Евгений Абдуллаев.

– Рубен Гамлетович, давайте начнем с самого начала. Вы родились в Бухаре... В какой семье росли?

– В конце войны мой отец, направленный на излечение в один из тыловых госпиталей Ташкента, получил предложение местных властей остаться и поработать некоторое время в Узбекистане. Уроженец Тифлиса, окончивший некогда классическую гимназию, он с детства проявлял удивительную способность к изучению языков. Уже в юношеском возрасте помимо родного, армянского, свободно владел русским и грузинским, персидским и турецким. В гимназические годы к ним прибавились французский, итальянский и немецкий; мертвые языки – латынь и ассирийский. Влекли его также литература и история, поэзия Востока, особенно средневековая персидская классика.

В тифлисском доме его родителей на Ольгинской улице нередко собирался цвет интеллигенции. Здесь музицировали, читали стихи, исполняли отрывки из спектаклей на различных языках. Он и сам писал стихи, публиковавшиеся в местной периодике, увлекался музыкой и театром.

В 1924 году уже в советизированной Грузии он становится студентом историко-филологического факультета вновь созданного Закавказского университета народов Востока (ЗакУНВ). Однако незадолго до окончания учебы, в 1928 году, отлично успевавший студент, не интересовавшийся ранее политикой и идеологией госу-

дарства рабочих и крестьян, вдруг вступил в конфликт с руководством учебного заведения. Университет пришлось оставить.

Затем он создал и некоторое время руководил этнографическим ансамблем при Наркомпросе Грузии, продолжал заниматься журналистикой и поэзией, заведовал методическим отделом Закавказского общества пролетарского туризма и экскурсий (ЗОТиЭ), много ездил по городам и весям различных республик Страны Советов.

– А как он оказался в Узбекистане?

– В годы сталинских репрессий, потеряв фактически всю родню, отец был вынужден навсегда покинуть Закавказье. Несколько лет провел в России и на Украине. А затем была война. Подобно многим другим литераторам и людям искусства, он был призван сражаться идейно, будучи начальником политпросвета 26-го Управления оборонного строительства (УОС) и руководителем лекторской группы 6-й Саперной армии, в состав которой входили писатели и журналисты, актеры и музыканты. После серьезного ранения оказался в Узбекистане, с которым и будет связана вся его оставшаяся жизнь. Этот разносторонне одаренный человек, довольно быстро овладевший здесь узбекским и таджикским языками, стал (будучи единственным беспартийным) ведущим лектором Центрального лекционного бюро при ЦК Компартии республики. Ездил по всем республикам Средней Азии, создавал различные культурные центры в областях Узбекистана, преподавал в вузах и сотрудничал в местных газетах. Мне с самого детства довелось кочевать по городам Узбекистана, постигая его историю и культуру.

– А каков был ваш круг чтения в детстве и в школьные годы? Что определило будущий интерес к русской литературе?

– Семья наша жила довольно скромно: единственным богатством была прекрасно подобранная библиотека, состоявшая из уникальных изданий. Отец очень берег ее, при переездах из города в город любовно расставлял книги на полках в каждой новой квартире. Я с юных лет приобщился к чтению. Любил приключенческие романы, зачитывался Жюлем Верном, Стивенсоном, Майн Ридом, Фенимором Купером. Затем наступил период увлечения историей Средней Азии. Я стал мечтать об археологии, принимал участие в раскопках, коллекционировал древности. В школьные годы стал писать стихи, небольшие рассказы. Некоторые из них были опубликованы.

– В 1965 году вы поступили на филологический факультет СамГУ. Который, судя по воспоминаниям, не уступал тогда не только ташкентскому, но и многим другим... Знаменитого Зунделовича вы, судя по всему, уже не застали; но на факультете работали его ученики...

– Став студентом, я активно сотрудничал в областных и республиканских газетах, на радио и телевидении. Учеба давалась мне легко, ибо то, что преподавали моим сокурсникам, я знал еще в школе. Но нельзя не вспомнить прекрасных педагогов русского филфака СамГУ, учеников Якова Осиповича Зунделовича – Роберта Шагиняна, Леонида Ройзензона, Юлию Авалиани, братьев Ефима и Эммануила

Магазаников, Юрия Гольцекера, Глеба Меньшикова, Ефима Хорошухина, Вячеслава Благоднарова, общение с которыми дало мне очень многое. Именно их трудами Самарканд стал подлинным центром русистики всей Средней Азии.

– Как складывалась ваша научная и педагогическая деятельность после окончания университета? Откуда возник интерес к Кюхельбекеру?

– Окончив СамГУ, я стал преподавателем одной из его литературоведческих кафедр, начав заниматься научной работой под руководством талантливого ученого доцента (позднее профессора) Роберта Петровича Шагиняна. Сферой моих интересов была ранняя советская (правильнее сказать, «антисоветская») литература, в связи с чем позднее возникли сложности с защитой диссертации в Московском государственном университете...

Два года я стажировался в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде, тесно общаясь с наиболее известными учеными СССР и зарубежными русистами. Несколько позже в круг моих научных интересов попало и творчество Вильгельма Кюхельбекера. Увесистый том его литературного наследия стал последней книгой, подаренной мне отцом незадолго до его кончины. Перечитывая «Кюхлю», я видел в его судьбе сходство с судьбой моего отца и поставил себе задачу «воскресить» имя незаслуженно забытого литератора пушкинской эпохи. Полагаю, что в чем-то я преуспел, опубликовал почти пять десятков статей и две монографии о нем.

– Вы много писали о Самарканде. У каждого – свой образ города, в котором он живет, с любимыми и важными местами, домами, улицами. Какой он, «ваш» Самарканд?

– Самарканд стал как бы составной частью моей личности. Я не мыслю себя вне этого великого города. Мой Самарканд – это, прежде всего, его люди, великие и простые, известные и незаметные. Именно они создали его славу. Здесь веками жили и трудились представители различных конфессий, этносов и рас. Именно это смешение культур сделало Самарканд перекрестком цивилизаций, городом восточных традиций и западных достижений, обителью особого духа, который витает здесь уже не одно тысячелетие.

– На почве этого интереса и возникла ваша «Самаркандская старина»...

– Да, еще с юности привлекали многочисленные здания европейской архитектуры, расположенные в новой, или русской, части Самарканда. Я стал внимательно изучать христианские храмы города, кладбища, жилые дома и здания общественного назначения. Собирал литературу, знакомился с дореволюционной периодикой, часами просиживал в архивах и библиотеках. Накопив некоторые знания, стал общаться с историками-профессионалами... И довольно скоро убедился, что тема эта, за малым исключением, совершенно не разработана. Исследователей интересовала лишь история древнего и средневекового Самарканда, а не события сравнительно недавнего прошлого. Так называемый «буржуазный период» истории города, в соответствии с идеологическим курсом, было принято либо подвергать остракизму, либо просто игнорировать.

Лишь после развала Союза стало возможным по-иному отнестись к минувшей эпохе.

Я предложил Самаркандской телестудии снять сериал об архитектуре «русского» Самарканда. Фильм этот, показанный на местном телевидении в середине 1990-х годов, имел успех. Я понял, что недалекое прошлое интересует не только меня, но и многих самаркандцев. На несколько лет я снова углубился в архивы Узбекистана и России, переворочил сотни мемуаров и периодических изданий дореволюционного времени, беседовал со старожилами Самарканда и окрестных городов. Двухтомник «Самаркандская старина» был издан в 2010 году Санкт-Петербургским издательством «Нестор-История». Мной был написан первый том, а авторами второго стали мои коллеги-филологи Л. Абдуллаева и Т. Ниязова.

– Другая важная тема: армянская диаспора Самарканда. Она возникла в связи с вашей деятельностью в самаркандском армянском культурном центре «Луйс»?

– Армянский след в истории Самарканда – действительно важная тема. Но ею всерьез никто до меня не занимался. Мысль воплотить эту историю на бумаге возникла в конце минувшего века, когда я редактировал газету самаркандских армян «Луйс». Но рамки газеты оказались для этого тесными. И я взялся за книгу. Это был нелегкий труд: поиски в архивах, изучение периодики и исторической литературы, встречи и беседы с людьми... На это ушли годы. Но книга «Армяне Самарканда» вышла в свет: ее опубликовало одно из московских издательств.

– Раз уж речь зашла о вашей общественной деятельности... Вы организовали в Самарканде областное общество преподавателей русского языка и литературы. Для чего это было нужно? Чем занимается это общество?

– После развала Союза русскоязычное население стало покидать республики бывшей общей страны. Это происходило повсеместно, в том числе и в Узбекистане. Закрывались русскоязычные СМИ, упразднялись некоторые учреждения, школы, произошел переход на латинскую графику. Отток русскоязычного населения привел к ряду негативных последствий в экономике, науке и культуре нашей страны. Русский язык утрачивал свой статус, терял прежнюю престижность и привлекательность. В этих условиях необходимо было что-то предпринять, дабы «сохранить» оставшуюся часть русскоязычных граждан Узбекистана. И сделать это можно было лишь при помощи языка, на котором общаются эти люди.

– И возникла идея создания общества...

– Да, тогда в среде самаркандских филологов возникла мысль о создании объединения русистов, которое на общественных началах могло бы помочь сохранению языка, культуры и литературы России на постсоветском пространстве. Это было непростым делом... Рад, что это не были напрасные труды: двенадцать лет назад областным управлением юстиции было официально зарегистрировано Самаркандское общество преподавателей русского языка и литературы. За прошедшие годы силами этого общества было сделано немало. Проведены республиканские и международные научные конференции, методические семинары и круглые столы, изданы десятки статей. Ежегодно проводятся консультации для

абитуриентов и учителей средних школ, колледжей и лицеев, вечера русской поэзии, различные мероприятия, посвященные проблемам русистики и русской культуры.

– Немного о вашей преподавательской деятельности. Многие годы вы преподаете в СамГУ. Как оцениваете сегодняшних студентов?

– Нельзя однозначно говорить о так называемом «среднем» студенте: уровень довузовской подготовки в городе и в сельской местности попросту несопоставим. Конечно же, в сравнении с минувшими десятилетиями уровень компетентности явно понизился. Сказывается нехватка учебников, школьных и вузовских педагогов, их недостаточная квалификация, отсутствие русскоязычной среды... Однако усилия, предпринимаемые в последнее время государством, обнадеживают. Узбекистан неспроста лидирует среди стран СНГ по количеству студентов, обучающихся в России. Да и сотни тысяч наших гастарбайтеров, трудящихся в РФ, тоже вносят свою посильную лепту в изучение и сохранение в Узбекистане русского языка. Ощущается возрождение интереса к нему среди молодых граждан, и это вселяет надежду на будущее.

– И, наконец, последний, традиционный вопрос о ваших творческих и научных планах...

– Я продолжаю публиковать новые материалы о замечательных людях Самарканда, внесших весомый вклад в его историю и культуру, но, как ни странно, совершенно неизвестных нашим современникам. Среди них люди разных национальностей, в том числе и уроженцы России. К сожалению, российские организации, аккредитованные в Узбекистане, не проявляют большой заинтересованности в воскрешении имен своих соотечественников.

Для воссоздания исторических связей Узбекистана и России следовало бы создавать исследовательские центры, привлекать для этой работы видных специалистов и выделять необходимые финансовые средства. Пока же призывы к этому остаются гласом вопиющего в пустыне, а разработка названной темы – делом энтузиастов-одиночек.

В моих планах – участие в различных научных конференциях, издание новых книг и статей, открытие в Самаркандском университете Центра «Русского мира». Хочется надеяться, что все это осуществимо...

Яна ДАВЫДОВА

Гости

Иной человек так умрет, будто гостиничный номер освободил. Безликий дом – минимум мебели, стерильный порядок – уже через час после выноса тела готов принять следующего постояльца. Н. так живет. Она не хранит в пыльных безделушках воспоминания. Не развешивает на стенах фотографий. Не заполняет пространство книгами с надеждой их когда-нибудь прочесть, теплыми пледами с надеждой согреться без центрального отопления, велотренажером с надеждой похудеть или журнальным столиком – вдруг пригодится. Во всей квартире взгляду решительно не за что зацепиться, кроме разве что иконостаса в хозяйской спальне. Иконостас этот, цвета светлой охры, с лаконичными резными завитками, заполнен иконами ручной работы – писанными в едином стиле копиями старинных. На верхнем ярусе – венчальные, внизу – лики святых, имена которых носят члены семьи.

И вот день за днем Н. суетится на фоне белых, как в фотостудии, стен. Женщина она крепко сбитая и миловидная, – это если в целом. А если всматриваться в детали пазла, то дурнушка: нос картошкой, пухлые щеки, не закрашенная седина и глубокие морщины. Предвестники этих морщин прячутся еще на детских фотографиях: стоит такая годовалая профессорша с куклой в руках и хмурится. После института морщины проявились сильнее, а к сорока окончательно начертили на лбу и между бровями букву «Т». Если бы не очаровательная улыбка, можно было подумать, что перед тобой неприветливая бука с отсутствием личной жизни. Все оттого, что Н. слишком много думает о себе и своем месте в мире. Она размышляет так сосредоточенно, что не слышит вокруг ни звуков, ни запахов, и ей порой кажется, будто в квартире, кроме нее, и вовсе никого нет. Супруг Н. когда-то убедил ее, что он один способен разрядить обстановку в ее голове, и вот уже десять лет выполняет свои предсвадебные обещания на совесть. Чаще всего, правда, он бывает дома, когда все спят. А режим у них строгий: шутка ли – одной организовать троих малышей от года до пяти, да так, чтобы их можно было почти не замечать.

Сегодня Н. встречает гостей. По традиции, заведенной еще прабабушкой, готовится она, как на Страшный суд. Квартира отполирована. Своими руками сдела-

ны приветственные сувениры. На столе фирменный «цезарь» с креветками. Сама Н., тоже по наказам бабушки, «держит лицо»: измученная недосыпом, с защемлением нерва в руке, она накрасилась и нарядилась в обтягивающее платье из черного атласа.

Семью Праведниковых Н. ждет с особым волнением. Она познакомилась с Викой пару лет назад: дочери одного возраста, общий приход. Но в 35-40 непросто заводить дружбу семьями, а теперь еще и переезд: мужа Н. откомандировали за границу.

Приехали! Н. пристегнула улыбку от уха до уха, выстроила старших, схватила на руки годовалого сына, зацепила двумя пальцами мусорный мешок и открыла дверь. Миша, Вика и маленькая Маша, бледные и просто одетые, сгрудились у входа с двумя черными чемоданами.

– Добро пожаловать к нам в Европу! Как долетели? – Н. чмокнула воздух возле щек Вики и Миши и подмигнула Маше. – Я на секунду, – она протиснулась мимо них, выпрямила больную спину и, насколько могла грациозно, проследовала к мусоропроводу.

– Надо Мишу покормить. Он сам не свой, пока не поест, – объявила Вика, как только они вкатили свои баулы в коридор.

– Конечно, конечно! Ужин уже готов! – защебетала Н., жестом приглашая на кухню.

– Ммммм, салатик... – разочарованно протянул Миша, бросив взгляд на креветки, – нет, ну это еда для девочек. Викуля, может, мы сходим в ближайшее кафе?

– Он сытный, попробуйте. Мы обычно так ужинаем... – вмешалась Н.

– А есть крупа какая-нибудь и консервы? Сейчас все быстренько организуем, – предложила помочь Вика.

Остаток вечера Н. не запомнила. «Миша потерпеть, что ли, не мог? С порога сразу есть просить! И с салатом тоже... А еще православные, перед едой и после Богу молятся...» А ночью жаловалась мужу – не угодила, мол, людям.

Короткие отпускные дни полетели. Н. стряпала так, чтобы ни разу за неделю не повториться, натирала до блеска сантехнику, меняла наряды и энергично развлекала гостей. Праведниковы на ее напор реагировали вежливо, но сдержанно: своих привычек и планов не меняли. Н. злилась и мусолила потому всяческие злорадства: «Что она все время в одном и том же ходит – юбка уже вообще форму потеряла... как и фигура впрочем. Это ж надо, три года как родила, а так и не похудела. Лентяйка! Мишу не любит, поэтому и не старается. Я вот взялась за себя – и выгляжу ого-го! Особенно если живот втянуть, так вообще почти как на свадьбе. А Миша так и скачет вокруг Маши. Противно смотреть. Сюсю-мусю. Растят какую-то инфантильную неженку». Потом лицо ее вдруг становилось угрюмым и затравленным, как у ребенка, которого, громыхая, отчитывают родители. «Что же это я, а? Как сварливая баба, злыдня! Люди приехали, со всей душой, а я... даже если вслух не говорю, они ж все равно чувствуют, наверняка. Вот у Юльки всегда хорошо в гостях – она всех хвалит, любую мелочь подмечает, так искренне! Как у нее это так выходит?.. Надо подумать, что бы им приятное сказать? Может, вот то,

что Миша такие близкие отношения с Машей выстраивает? Нет, не смогу из себя выдавить...»

С каждым днем Н. мрачнела и мрачнела. Допек ее вот какой случай. Младший сын надрывался, ползая следом за матерью по кухне. Остальные продолжали свои дела как ни в чем не бывало: Н. готовила, старшие дети играли. Только маленькая Маша замерла на пороге, и у нее вдруг тоже покатились слезы. Миша бросился ее утешать, а потом заботливо спросил Н.:

– А у вас малыш все время так? Я его еще ни разу не видел в хорошем настроении.

«Ах, я еще и плохая мать! Ну, конечно! У самих один, а тут трое! Посмотрю на вас, когда хотя бы второго осилите!» – оцетинилась Н. про себя и совсем приуныла.

На пятый день Праведниковы отправились на экскурсию, а Н. с облегчением осталась одна дома. В тихий час она лежала в спальне на огромной белой кровати напротив икон и никак не могла задремать. «Опять сравниваю себя с другими и выискиваю в других недостатки. Так нельзя, это грех! Батюшка же говорил: “За что кого осудишь, так вскоре сам то же творишь”. Вот ведь не в бровь, а в глаз! “Мишу не любит, поэтому и не старается”, – передразнивала Н. сама себя. – Недавно маму осуждала, когда она слово в слово про Сашкину жену так говорила. Кого я вообще осуждаю? Других – за то, что грешат не так же, как я, а иначе? Смешно! Где-то я эту фразу вконтакте вычитала, хорошая фраза. А сама-то я что – идеал? Ну... у меня и впрямь не так много грехов ведь. Хотя муж же говорил, что нельзя взвесить один грех против другого. Бог разве на весах сравнивать будет? Один блудил, второй осудил. Богу все равно – обоих в рай не пустят. Кажется, так муж говорил. Как, как избавиться от осуждения?! Отравляет все. Тяжело... тошно!»

Н. и вправду начало немного мутить. Ей хотелось вывернуться наизнанку, вытащить, как ей представлялось, кусок смрадного гноя, промыть и никогда больше о нем не вспоминать. «Я не могу, хожу по кругу, не могу от этого избавиться. Господи, помоги! Тварь дрожащая... тля... не могу, не могу...».

Осознание придавило Н. В голове мигала красная аварийная лампочка. Лицо скривилось и имело вид натужно несчастный (который так задевал и расстраивал ее супруга). «Блин, я взрослая женщина, мне почти 40, это же надо не уметь до сих пор справляться с собой! Ничтожество! Надо взять себя в руки. Прекратить осуждать. Просто взять и прекратить. Отказываюсь осуждать. Я человек, который не осуждает. Всё. Точка».

Праведниковы ворвались вечером восторженные, с румянцем на лице, будто до дома бежали вприпрыжку и весело хохотали, обгоняя друг друга. Н. как раз метала на стол тарелки и приборы к ужину.

– Какая прелестная юбка! – почти пропела Вика. – Тебе очень идет!

– Да? Спасибо. Я ее редко ношу. Ткань неудачная, мнется, как кусок бумаги. Сел-встал – и уже на тебе не юбка, а тряпка, – пожаловалась Н. и одернула складки на серо-голубом сатиновом полотне. Только уголки губ на миг приподнялись в смущенной полуулыбке и снова опустились.

Комплименты не прекращались.

– Как вкусно! Поделись, пожалуйста, рецептом с Викой! – требовал Миша после десерта. – Вика, вы ведь правда испечете с Машей такие маффины?

– Твоя дочка нарисовала солнышко и подписала СОНЦЕ! Ничего себе! Как ты с ней занималась? Ей же только три будет через неделю?

Н. разомлела. Мысли перестали ерошить нервы. Вся ее домохозяйская жизнь стала на миг оправданной и ценной. Она вдруг увидела, что Миша на самом деле вовсе не сюсюкает с Машей, а просто сильно и нежно любит ее. И наверное, именно так нужно относиться и к своей дочке – как к ангелу. Поняла, что Вика искренняя, позитивная и не выпендривается, и что в этом есть какая-то большая правда, которую ей, Н., еще только предстоит в себе найти. Что питаться простой пищей, какую едят они, наверное, не так уж и плохо и даже правильно, чтобы не заикливаться на этой самой еде.

Н. будто окутали большим мохеровым пледом. Даже мерзлые ноги наливались теплом. А потом вдруг дочка Н. тихонько, оглядываясь на мать, будто спрашивая разрешения, затянула: «Ой, маёз, маёёёёёёёз, нееее маёзь миняяяя...». И все подхватили. И над столом слились и поплыли ладным хором шесть голосов: основательный Мишин тенор, бархатистый альт Н., лёгкое сопрано Вики и перезвон детских голосов, как маленькие колокольчики. Н. пела и слушала, слушала и пела. И тянула длиннее, чем нужно, чтобы песня подольше не заканчивалась.

На следующий день Праведниковы уехали. Н. то и дело вспоминала их. Еще ни разу она не чувствовала себя так свободно с чужими людьми. Вика с Машей позвонили по скайпу через неделю. Оказалось, они столько всего запланировали к Рождеству – и почитать, и стихи выучить, и вертеп смастерить, и открытки для близких подготовить, и кормить бездомных собак. Но главное – Маша готовилась пойти на ночную рождественскую службу! Н. было нечего сказать, и она поспешила свернуть разговор.

– Дети, маму не трогать, мне надо побыть одной пятнадцать минут! – она раздраженно сняла скакавшую на ее коленях дочку. – Поиграйте с малышом, чтобы не орал.

Н. заперлась в спальне, плюхнулась на кровать и уставилась на иконостас. Силится рассмотреть там что-то, но взгляд как будто проходил сквозь, и ей ничего не было видно.

О душе и теле. О веселье, радости и скорби

О душе и теле

Тело есть орудие души, а душа – орудие Бога.

Плутарх Херонейский (ок. 46 – ок. 127)

Безрассудны нападающие на творение [Божие] и бранящие тело... Ни душа не есть благо по самой природе своей, ни тело не есть зло по природе своей.

Пресвитер Климент Александрийский (ок. 125 – ок. 215)

То, что тело не является причиной порочности души, ясно из того, что порочность может появиться и без тела, как то случилось у демонов.

Псевдо-Дионисий Ареопагит (не позднее V в.)

Каким образом и способом связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? Не знаю. Прежде, нежели успею связать ее, она уже разрешается [от уз]; прежде, нежели стану судить ее, примиряюсь с нею; и прежде, нежели начну мучить, преклоняюсь к ней жалостью.

Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить?

Как освобожусь от той, с которою я связан навеки?

Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною?

Как сделать нетленную ту, которая получила тленное естество?

Какие благословные доказательства представлю той, которая может противоположить мне столько естественных возражений?

Если свяжу ее постом, то, осудив ближнего, снова предаюсь ей. Если, перестав осуждать других, побеждаю ее, то, вознесшись сердцем, опять бываю ею низлагаем. Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя,

моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее – изнемогает. Упокоиваю ли ее – бесчинствует. Обременяю ли – не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объемлю ее.

Какое это во мне таинство? Каким образом составилось во мне это соединение противоположностей? Как я сам себе – и враг, и друг?

Преп. Иоанн Лествичник (VI в.)

По плоти рождаются мертвые (т.е. мертворожденные – Е.А.); не рождаются ли и по духу мертвые? То есть, не бывает ли и духовных родов таких же несчастных, как и плотских?

Отчего не раскаян диавол? Оттого, что он не знает болезни и смерти. Почему не знает? Потому что у него нет тела. Боль дает знать скорее, вернее и сильнее всего, что значит грех.

Свт. Иннокентий Херсонский (Борисов) (1800–1857)

От земли было взято тело человеческое, но сотворено не для земли. Оно ниспало в тление, но сотворено было не для тления.

Свт. Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867)

Иногда у стариков душа будто постепенно умирает вместе с телом. Это впечатление оскудения души происходит оттого, что тело, дряхлея, перестает быть достаточным выразителем души.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Грешное тело и душу съело!

Русская поговорка

О веселье, радости и скорби

Достиг вершины тот, кто знает, чему следует радоваться.

Сенека (4 г. до Р.Х. – 65 г. от Р.Х.)

К признакам целомудрия принадлежит и некоторая веселость.

Шутит и седина; но ее шутки – степенные шутки. Она ко Христу примешивает детскую невинность. И, смеясь с какою-то важностью, услаждаю тем сердце.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–389)

...Всякая радость мира – печаль. Нет здесь радости, что не растворяется печалью, нет утехи, что не сопрягается со скорбью, нет веселья, за которым не следует сетование, нет смеха, после которого не грядет плач с вздыханием. <...> Ни о чем ином, только о Господе радуйся, ибо всякая радость, которая не о Господе, – это ложь....

Свт. Димитрий Ростовский (1651–1709)

Веселье – это манера поведения, тогда как радость – это привычка ума. Веселье краткосрочно, радость же постоянна и неизменна.

Джозеф>Addисон (1672–1719)

Великая радость, как и великое горе, безмолвна.

Генри Филдинг (1707–1754)

Веселье то лишь непорочно, раскаянья за коим нет.

Гавриил Державин (1743–1815)

Чем серьезнее лицо, тем прекраснее улыбка.

Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848)

Детский возраст самый невинный и самый смешливый. Значит, смех не всегда предполагает злость. Бойтесь не столько там, где над вами смеются, сколько там, где о вас, по-видимому, плачут. Самый злой человек в минуты смеха бывает добрее и не так опасен.

Свт. Иннокентий Херсонский (Борисов) (1800–1857)

Мы в радости Христовой, и если бы только мы понимали, что можем радоваться даже среди скорби житейской!.. С нами Бог в самой жгучей, в самой трагической нашей скорби, так же как Он с нами как Даятель радости, во всякой радости — и большой, и как будто маленькой: для Бога мелкого ничего нет, потому что любовь не различает между тем, что крупно и мелко. Разве мать, разве отец не ликуют всем сердцем о том, что их дитя радуется какому-то подарку: кукле, зверю, игрушке? Да, потому что в этой радости вся душа изливается, и этот подарок – не предмет, этот подарок – воплощение родительской любви; вся любовь родительская дается в этом скромном образе. Так же и Господь принимает нашу радость, какова бы она ни была: тихая или пламенная; так же Он воспринимает наши скорби: как бы они ни были перед вечностью незначительны, во времени они могут разрывать наше сердце до боли.

Митрополит Антоний Сурожский (Блум) (1914–2003)

По-моему, все простит Бог, кроме «безрадостности», которая состоит в забвении того, что Бог *сотворил* мир и *спас* его... Радость эта – не одна из «составных частей» христианства, это его «тональность», пронизывающая собой все – и веру,

О душе и теле. О веселье, радости и скорби

и «мироощущение». Там, где нет радости, христианство, как и религия, становится «страхом» и потому – мучением. Но ведь даже о *падшести* мира <...> мы знаем только из знания его *сотворенности* и его «спасенности» Христом. И плач о падшести не убивает радости, вымогающей в «мире сем» – всегда, все время – «светлую печаль».

«Мир сей» – веселится, но он как раз безрадостен, ибо радость (в отличие от того, что американцы называют fun) может быть только от Бога, только – свыше. Но потому и христианство вошло в мир как *радость*.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

*Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО*

Кого постыдится Сын Человеческий?

Проповедь в день патриаршего служения в ташкентском Свято-Успенском кафедральном соборе. Воскресенье, 1 октября 2017 года

...[Иисус] подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами.

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе (Мк. 8, 34–9,1).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие братья и сестры!

В сегодняшнем Евангельском чтении мы слышали слова, связанные с Крестной смертью Спасителя, с тем пониманием миссии Христа, что именно Ему предстоит пронести это подвиг – искупить грехи всего человечества.

Но хотелось бы обратить внимание на особую часть Его обращения к тем, кто слушал Его проповедь. Предсказывая будущее, Христос говорит, что когда придет Сын Человеческий в славе Своей среди святых и ангелов, то Он постыдится тех, кто когда-то постыдился Его. Иными словами, тот кто когда-то не исповедовал Христа, тот, кто не смог пронести истины Евангелия в своей жизни, – тех и Господь будет чуждаться.

Как же воспринимать слово «постыжусь», если мы знаем, что Господь непристрастен и милостив ко всем, что нет людей, которые стояли для Него ниже или выше. Но все же эти слова были сказаны.

Бог сотворил человека по образу Своему и по подобию. Образ Божий вклю-

чает в себя несколько составляющих: разум, волю, способность творить. Но при этом образ Божий включает в себя еще и абсолютную свободу, и, в первую очередь, свободу нравственного выбора. Если человек даже лишает себя жизни, если человек творит зло, то Господь, можно так сказать, смиряется перед его выбором. В противном случае образ Божий просто-напросто рассыпался бы в прах в самом человеке, – человек стал бы неким подобием биоробота, который сам не решает ничего, действует по установленной программе.

И вот здесь мы можем говорить и о причинах того, что сказал Господь.

Мы являемся носителями свободной воли. И если воля наша свободна, если мы вправе творить добро и вправе творить и зло, то Господь здесь является только Свидетелем наших деяний. Господь говорит: кто устыдится Меня *в роде сем прелюбодейном и грешном*, того и Я постыжусь перед Отцом Моим Небесным. Если мы в это самое время нашей жизни отошли от Господа, сделали выбор не в Его сторону, то и Господь смиряется перед нашей волей и отступает в сторону. Как мы Его постыдились, так и Он постыдился нас. Как мы от Него отошли, так и Господь смиренно отходит от нас, понимая, что мы не хотим принять Его в свои сердца.

Род прелюбодейный и грешный – это не только древние иудеи или язычники. Это можно применить и к современности, и, наверное, ко всем историческим временам.

Где есть человек, там есть грех. Где есть грех, там обязательно присутствует и благодать Божия (Рим. 5,20). Эти слова относятся к каждому из нас, к прошедшим поколениям, живущим ныне и будущим, поскольку человек один и тот же. Не бывает людей лучше и хуже в ту или иную эпоху – люди всегда одинаковы.

Мы очень часто грешим ропотом на Всевышнего: почему, мол, Господь попускает зло, почему же Господь попускает происходить разным неприятностям в моей жизни?

«Кто постыдится Меня, того постыжусь и Я; кто отошел от Меня, от того отойду и Я; кто не захотел приблизиться ко Мне, то и Я не смею приблизить Его», – как бы говорит Господь в своем Евангелии. Христос не пришел в силе и славе в виде грозного мстительного Владыки. Он пришел, родившись в бедной пещере, пришел как бродячий проповедник... Но эта проповедь перевернула весь мир!

Очень часто мы недооцениваем силу Христову, недооцениваем то, что дает нам Церковь в Божественной благодати, преподаваемой нам. Господь порой слабо представим для нас, Господь невидим, Господь невзрачно и негромко проявляется в нашей жизни. А мы ищем внешних эффектов, мы хотим, чтобы произошло какое-то грандиозное чудо, которое потрясло бы нас. Но Господь не на это пришел. Он действует исподволь – Он начинает постепенно переворачивать душу человека, но только при одном условии, когда человек сам проявляет волю к этому выбору. То есть тогда, когда сам человек хочет прийти к Богу, найти к Нему правильный путь. И только тогда Господь передает свою Силу, открывается во всей благодати, во всей полноте и мощи!

И в этом отношении, дорогие братья и сестры, он не делает среди нас каких-то исключений. Не бывает особо избранных людей, для которых благодать раскрывается очень сильно, а для кого-то совсем чуть-чуть, или вовсе не проявляется в этой жизни. Все зависит от нас.

Если мы не постыдились Христа – то, значит, мы Его исповедовали. Исповедовали – значит, провозгласили своим личным Спасителем. И тогда Господь начинает давать нам силы. Эта Сила направлена не на то, что создать внешний эффект, потрясающий воображение. Она направлена на то, чтобы преобразить самого человека. И именно об этом говорит нам сегодняшнее Евангельское чтение, которое является, одновременно, напоминаем, и формой увещания.

В этот праздничный день, дорогие братья и сестры, позвольте молитвенно пожелать каждому здесь стоящему, всем нам, того, чтобы мы нашли свой язык общения с Богом, чтобы нашли в себе смелость исповедовать Христа и не стыдиться Его. Господь не случайно сказал именно так: *...кто постыдится*. Речь не о том, что кто-то боится исповедовать христианство. Говорится именно о стыде: очень часто наше личное тщеславие не позволяет нам этого делать.

Мы вроде бы христиане, мы заявляем о себе как о христианах, но при этом мы, порой, скатываемся в то состояние, которое характерно для современного протестантского мира. Протестант чувствует себя христианином в пределах своего храма, а за его пределами он уже обычный человек. К сожалению, дорогие братья и сестры, часто можно видеть и в православии таких людей. Свое христианство они исповедуют в пределах храмовых стен, а ведь свидетельствовать о Христе нужно повсюду. Господь дал нам заповедь: *...Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мат. 28, 19); *...Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мар. 16, 15). При этом Он пообещал, что если даже верующие *будут брать змей и если кто смертоносное выпьет* (Мар. 16, 18), иными словами, попадут в ситуацию, которая грозит смертью или большими испытаниями – в это время Господь чудесным образом будет заступаться за человека. Но при этом главное условие – человек должен проповедовать, должен свидетельствовать о Христе! Своею жизнью, своими словами, всем своим внутренним миром и внешними действиями.

Сегодня, дорогие братья и сестры, великое событие в жизни нашей епархии. Сегодня у нас праздник – предстоятель нашей Церкви, святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил нас. Им будут сказаны еще слова назидания, будут даны благословения. Но при этом, дорогие братья и сестры, мы должны понимать, что Первосвятительское назидание не должно прозвучать и затихнуть в пределах этого храма. Не приятные воспоминания, а решимость к практическим действиям мы должны вынести отсюда. Прежде всего, это распространение слова Благостия среди тех людей, которые отошли *на страну далече* (Лк. 15, 13), которые, возможно, крещены, но не просвещены и нуждаются в этом просвещении. Эта задача возлагается не только на священнослужителей – по сравнению с вами, мирянами, нас слишком мало, дорогие братья и сестры! Эта задача возлагается на каждого из вас!

Поэтому, дорогие братья и сестры, желаем Вам еще раз, молитвенно, ревности Божией, в том, чтобы исповедовать Христа, в том, чтобы свидетельствовать об этом исповедании ближним!

С праздником, дорогие братья и сестры, с Воскресным днем!

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Чрезвычайно простые слова Паисия Святогорца: «Благий Бог терпит нас с любовью и никого не выставляет на позор, хотя и знает, как сердцеводец, наше греховное состояние».

А ведь верно.

Знаю по себе.

У меня, например, множество скверных грехов, а Бог их деликатно прикрывает от взглядов людей...

Господи, как бы прикусить язык и иметь сострадание к таким же грешникам, как я.

...Предоставьте биографам погребать своих мертвецов.

– И что ты слышал о монашестве?

– Ну как что... известно что. Нету больше монашества; в монастырь приедешь – там суета, стройка, золочение куполов, черные головешки – еще же Серафим Саровский говорил и Игнатий же Брянчанинов, толпы туристов и никакой тебе исихии... В прежние времена еще, может, было, а сейчас...

– Ну да, ну да... «Был один христианин, и того распяли»**... логика знакомая, да. А я вот знаю как думаю: есть монашество, никуда оно не девалось. Это не монашество изменилось, а цивилизация, внешние обстоятельства. А так, как было, так оно и есть: молитва – и работа, «корзины–верблюды, верблюды–корзины», ну в смысле, стройка–теплица, паломники–приюты. А молитва – во внутренней келье сердца. Так всегда и было. Снаружи – базар, вокзал, дискотека, палата с раненны-

* Продолжение. Начало в №№ 2 (XLIII), 3 (XLIV), 2017.

** Парафраз известного высказывания Ницше: «...В сущности, был один христианин, и тот умер на кресте» (Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. С. 56).

ми жизнью... А келья, где молитва, и тишина, и минное поле, на котором там и сям вспухают под ногами пузыри земли, – внутри.

– Ты думаешь? да ты погляди на этих монахов!.. на этих архиереев!..

– А ты там был у них в этой келье сердца? ходил по тому минному полю?

– Не был... Ну так у меня все это – и свое есть!..

– Ну вот.

– Так такое-то монашество!.. это просто такая жизнь в виду Христа... она у всех есть. Ну, у христиан... Такое-то монашество – оно не только у монахов!..

– Вот именно. Примерно одно и то же.

Уныние – помимо всего, видится мне разновидностью дезертирства.

День пророка Божия Илии.

Вот это место из 19 главы 3-й Книги Царств:

И сказал Господь Илии: «Выйди и стань на горе перед лицом Господа. Господь пройдет мимо тебя». Затем подул сильный ветер, разрушающий горы и сокрушающий скалы перед Господом. Но Господа не было в ветре! После ветра было землетрясение. Но Господа не было в землетрясении. После землетрясения был огонь. Но Господа не было в огне. После огня был тихий, нежный звук. Когда Илия услышал этот звук, он закрыл лицо своё плащом, вышел и встал у входа в пещеру. Затем голос сказал ему: «Илия, почему ты здесь?»

«Глаз бури» – так называется место в самом центре бури, в котором – тихо... Читаем о нем: «Центральная часть циклона, в которой воздух опускается вниз, имеет название глаза. Если циклон достаточно сильный, то глаз большой и характеризуется спокойной погодой и ясным небом, хотя волны на море могут быть исключительно большими. Глаз тропического циклона обычно правильной круглой формы, а его размер может быть от 3 до 370 км в диаметре, однако чаще всего диаметр составляет примерно 30–60 км. Глаз у крупных зрелых тропических циклонов иногда заметно расширяется вверх, это явление получило название «эффекта стадиона»: если наблюдать изнутри глаза, его стена напоминает по форме трибуны стадиона».

Видится так: вся эта буря – это примета приближения идущего Бога; но Его Самого в ней нет, Он – в тихом веянии прохлады, в нежном голосе тишины, в гласе холода тонка. В самом центре. Бог словно бы входит в мир, как решительный и властный Пловец – в воду стоялого пруда, создавая вокруг себя движение, волны, колебания ряски и всего, что плавает поверх и в толще, наводя ужас на головастиков, побелевшими от страха губами судорожно произносящих обрывки оставшихся в небольших их мозгах молитв, переворачивая вечносуетных водомеров лыжами вверх, обрывая корни кувшинок, вознося и низвергая щепки, палые листья, донный устоявшийся сор... Но Сам Пловец – милость, мир и смысл; Сам Он – глас холода тонка, тишина в центре возмущения и колебания таких, по видимости,

устоявшихся основ пруда. Пловец не просто так вошел в воду: Он ищет утопающего, Он спасает.

Нам ли плакать и молить Тебя, Господи, чтоб входил Ты в нашу стоялую воду как-нибудь поаккуратнее и не пугал нас!.. Эта буря, эти болезни, скорби, страхи, вознесение и низвержение всего, всего в нашей устоявшейся, но такой зыбкой жизни – просто знаки приближения Тебя, приближения Суда, приближения любви. Ей, гряди уже; гряди поскорее.

Сакральная православная тема «о платочках».

Тут в комментариях говорили о сем; одне говорят, что платочки подобны нелепым фиговым листам; другие возражают – нелепы, но прикрывают срам, творящийся в головах.

От себя замечу: я ни за, ни против платочков, как в каком храме или монастыре навывкли – так и пусть. Но поделюсь наблюдением – многие женщины, надев платочек, преображаются и становятся красивы как-то по-особенному...

Смотрю голливудский фильм «Стигматы»*.

Думаю: вот чудо – и доказательство чуда: совсем разные вещи.

Доказательство – оно понятно: утвердить в мире сем свою правду ради достижения чрез то неких мирских же целей. А чудо... оно прикровенно.

Никому им ничего не докажешь... да и просто не перескажешь, как сон: для меня оно – ахх, а для слушателя – непонятно что.

Чудо – просто, явно и ненасильственно, но «по факту», не спросясь, взламывает падшую реальность – и создает прорыв, проход, продох – в жизнь вечную, в Небо.

Причем взламывает – как-то не по-нашему... не как дверь пинком ОМОНа.

Скорее – как хлеб. Не взламывает, но – преламинает.

Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.

Вспоминаю ребенка двух-, что ли, летнего... Играл с дохлой осой, некогда опасной, но вот уж явно неопасной, ибо дохлой, говорил за себя и за нее. «– Я тебя затопчаю!.. – Ой ни хочю-ни хочю!.. – *Хочишь!..*»

У свободной воли вообще много проблем. Одна из них – ее так просто подменить неволей... Не хочет? допрашивай его всю ночь, бей по почкам, не выключай свет в камере, руки поверх одеяла, кормить селедкой, а пить не давать... и он *захочет*. Сам захочет. Это правда.

Такая же правдишная, как сто иных правд.

Идя ночью по довольно пустынной Петроградской стороне, услышал громкого сверчка и умилился: надо же, питерский сверчок, жив!.. Глас сверчка становил-

* «Стигматы» (Stigmata, 1999) – фильм Руперта Вейнрайта, в главных ролях Патрисия Аркетт и Гэбриел Бирн. Интригу фильма составляет появление стигматов у атеистки.

ся все громче; наконец стал виден и он сам: сверчал на стене дома старый хрипачий кондиционер.

День памяти Цоя – 25 лет со дня смерти.

Поминал его сегодня на панихиде; говорили о нем несколько дней назад с сыном, сидя в «Камчатке» на улице Блохина, в бывшей кочегарке, где подвизался Цой, Науменко и т.д., где сейчас маленький клуб с футболками и сценой для местных команд.

Помянул его и в слове к прихожанам после Литургии (нечто не позволяет сказать «в проповеди» – у проповеди все-таки свои особенности, обусловленные сложившимся каноническим гомилетиком...).

Только помянул – речь шла не о Цое, речь шла о блаженном Василии, московском юродивом и чудотворце, память которого сегодня празднует Церковь. И собственно о том, что такое юродство. И, как всегда, говорил, сам осмысливая вопрос, – когда вот так, в храме, сразу после причастия с единомысленными братьями и сестрами, оно как-то хорошо и верно всегда бывает...

Юродивый вырастает из массы, он плоть от плоти общества. Юродивый эпатировал эту массу, раздражал ее, противостоял духу времени, не давая забыть заросшему салом и хитином окружению – о небесной родине, как ветхозаветные пророки не давали забыть Израилю о Боге Едином. В условиях православной империи он – такой, как Василий Блаженный. В условиях империи атеистической – такой, как Цой (условно говоря), Башлачев, Вени Дркин, Янка Дягилева, ну, и так далее (вот и о. Дмитрий Климов сегодня написал на «Правмире» колонку памяти Цоя примерно про это). Про всё это сказано не раз, и это как раз понятно. А в наши дни, когда не православная империя и не атеистическая, – что?

«А в наше время юродивый – просто всякий христианин, любящий Церковь, на которую нападает мир сей...» – мог бы я сказать лет десять еще назад.

Мог бы.

Но сейчас – нет, не скажу.

Буду думать дальше... (Хотел написать «мучительно думать», но не стал, пафосно прозвучит как-то).

Во-первых, уж простите, но элементарно потому, что я не могу сказать стопудово уверенно про каждого христианина, который стоит передо мной у амвона (в том числе – и про себя, стоящего на амвоне), кем этот каждый окажется – точно ли юродивым или, наоборот, тем ревнителем благочестия, который вытолкает юродивого из храма в шею.

Во-вторых... Мне видится, что в наше время трудно кого-то чем-то понастоящему эпатировать, потому что для абсолютно всего созданы свои субкультуры, отсеки, заповедники. Всё это похоже на супермаркет (кто его хозяин и кто продавец – мы знаем): выбирай любой костюм, любую ролевую игру, любой заповедник, плати (чем?.. отдельный большой вопрос...) и живи в нем! Хочешь быть грязным панком? пожалуйста! вот панк-заповедник, свой шоу-бизнес, свои тату-салоны, свои сайты в интернете, свои журналы, тусовки и что угодно. Хочешь

быть геем? пожалуйста! вот гей-парады, вот гей-культура, вот гей-философия, плати – и вливайся! Хочешь быть борцом за свободу? пожалуйста! вот тебе, хочешь – политическая трибуна, а хочешь – группа поддержки, вот гвозди, вот молоток, плати, приколачивай себя за что хочешь в публичном месте – вливайся! Хочешь быть православным? пожалуйста! вот твой заповедник, вот тебе Библия, молитвослов, паломничества, крестные ходы, храмы и обители, свои телеканалы и свои журналы, свой язык и свои традиции, вот тебе: хочешь – возможность гро-мить нечестивые выставки, а хочешь – возможность уйти в тихий затвор с четками, плати – и вливайся!..

И так для всего, чего в этом мире ни коснись – политики, культуры, религии, торговли, строительства, чего угодно, – есть свой заповедник, выбор чрезвычайно широк, креативные умы рынка не дремлют, трудятся.

Нет больше эпатажа в прежнем виде, о котором мы говорили – есть только походы, скажем, геев против фундаменталистов, государственников против диссидентов, болельщиков «Спартака» против болельщиков «Зенита», поклонников Баха против поклонников Бритни Спирс, атеистов против православных, православных против протестантов, и так далее, и тому подобное... Идет война заповедников. Главное, что суть войны проста и за тысячи лет не изменилась: завоевание тех или иных ресурсов и жизненных пространств, а для этого – вытеснение из этих пространств себе не подобных, сопровождаемое, естественно, обличением оных, ненавистью к оным, расчеловечиванием оных, ну и всем таким.

«И где бы ты ни был, чтоб ты ни делал – между землей и небом война», – когда я сегодня слушаю эти строки Цоя, я думаю уже не о войне добра и зла, как в оные дни; я думаю вот об этой войне заповедников в современном мире, в которую так трудно быть не втянутым (есть, есть своя полка в супермаркете, есть свой заповедник и для пацифистов, мнящих себя «невтянутыми»...), и о тех, кто ее разжигает, неустанно и с неизбывной ненавистью к человеку, находясь «между землей и небом», о духах злобы поднебесных...

Кто в этих условиях – юродивый, настоящий?

Как он выглядит, как его опознать?

И как его – услышать, как не забыть Христа, не забыть о небесной родине?..

Рыба плавала-плавала да и проглотила жемчужину, даже и не почувствовала; через некоторое время уловлена была рыба в сети; улов был продан в ресторан; повар недоглядел – и рыбу утащил бродячий кот, знаете его? без уха и весь в лишае, наглый и извивый, как сам чорт, он обитает в переулке, в самых его нетях, глаза его горят вековым чаянием жратвы; кот не успел сожрать и полхвоста, как был пойман и крепко бит, а рыба... рыба за негодностью была брошена в помойку, с сожалением: эх, а ведь была хороша!.. – и так в помойке и гниет. И жемчужина скрыта внутри.

Искусство – нетленно, оно – дар Божий художнику и дар художника – его любви.

Помести жемчужину в музей ли, в помойку, обрамляй её деньгами, скандальной славой, гнилыми рыбьими кишками, она – всё жемчужина.

Всё вокруг неё – пройдет и истлеет, как и не было; а жемчужина остаётся.

Оценить её красоту сможет тот, кто не убоится помоечной вони, пустится на поиски и – найдёт.

О погроме некоего «православного активиста» Энтео, учиненном им на днях в «Манеже» на выставке скульптур Сидура.

Тут мне задали вопрос:

«Отче, а ведь Вы не решаетесь даже в блоге написать, что Энтео с коллегами не от Вашего лица выступают, да?».

Я об этом не писал только потому, что шуму и так много, и много всего, в том числе, верного, высказано.

Я думал, что ответ на вопрос, христианские ли действия тех, кто устроил бучу на выставке Сидура, и так всем ясен.

Оказывается, не всем.

Раз вопрос задан – отвечаю.

Не от моего лица – это точно.

Далее.

Можно ли назвать действия гражданина Цорионова христианскими? – Никак нельзя.

То, что он использует в своих эскападах церковную христианскую лексику, означает ли, что он выражает собой Церковь Христову? – Ни в коем случае.

Таковыми вещами пользуется и диавол, чтобы искусить и смутить верных; см. слова ап. Павла о том, что и сатана успешно подражает ангелам света.

Что я думаю об инциденте в музее? – думаю: хулиганствующий гражданин Цорионов известен многими деяниями, но более всего тем, что после всех их он оставался безнаказанным. Надеюсь на то, что сколь веревочке ни виться, а конец будет, и оный гражданин понесет за свои деяния надлежащее, обусловленное законом, возмездие.

Христианское ли действие – погром? – Нет, не христианское.

Кто-то может сказать: «А как же Христос! Он ведь сделал бич из веревок и гнал торгующих из храма!» – Из храма, заметьте. Он пошел с бичом вразумлять не внешних, а своих единоверцев, иудеев, почитающих Бога Единого. Если кто-то хочет сегодня воспроизвести сей погром Христов, тому следует идти не в светский музей, а в свой же православный храм (с какими обличениями – пусть сам думает).

...Кстати.

По поводу всего сего мне близок комментарий моего друга: «Если бы эти скульптуры выставили не сегодня, а тогда, когда они были созданы, в 60-е годы, их бы тоже разгромили – но только комсомольцы, за религиозную пропаганду».

И еще. Кто-то назвал деяния онго Цорионова «попыткой православного панка». Некорректное сравнение, по-моему. Панк, эпатирующий систему, всегда идет

на риск, он понимает, что он отщепенец, отброс, что его за его выходку побьют, оштрафуют, посадят в кутузку... Цорионов не рискует ничем.

В истории христианства были случаи, когда святые сокрушали языческих идолов (как поступил князь Владимир при крещении киевлян, и многие иные случаи – см. жития святых).

Святые сокрушали идолов перед лицом тех, кто им приносил жертвы и поклонялся, прежде всего, чтобы показать язычникам: эти сооружения рук человеческих – не боги, они не могут править миром и жизнью человека, они бессильны, их не надо бояться, перед ними не надо трепетать.

Почему сравнение этих случаев с погромом, устроенным на выставке в «Манеже», видится мне некорректным?

Прежде всего, по простой причине: скульптуры на светской выставке не являются идолами, «богами», то есть предметами религиозного культа.

А вот на то, что проделали печально прославившиеся активисты ИГИЛ с предметами искусства на Ближнем Востоке, это, увы, похоже – никто ведь не считал книги и музейные экспонаты Мосула или посещаемые туристами руины и статуи Хатра и Нимруда – идолами, не поклонялся им, и обезглавленный недавно на пороге музея директор археологической зоны Пальмира доктор Халед аль-Асаад не был языческим жрецом...

Тем, кто говорит, что мы, православные, во имя своей веры и сегодня должны, по примеру древних, громить нехристианские культовые сооружения, замечу: есть еще такое соображение, вполне простое и житейское. Если мы пойдем православно громить святыни нехристианских религий (заметьте, я говорю о бросающих, казалось бы, вызов православным «религиозным чувствам» самим своим существованием – мечетях, дацанах, капищах родноверов или, например, о мавзолее Ленина, вот уж какому идолу были принесены миллионы жертв во имя религии «светлого будущего», – впрочем, туда Энтео калачом не заманишь, я не ошибаюсь?.. – и прочем таком, а не о светском искусстве), – то не будут ли вправе тогда представители этих религий прийти и громить *наши* храмы?.. И будут правы, ведь мы первые начали?..

И в заключение приведу слова святителя Луки (Войно-Ясенецкого), святого, чье христианское устройство не вызывает сомнения, выстрадавшего свою веру в таких испытаниях, претерпевшего такие оскорбления своих религиозных чувств от безбожной власти, которые нам, современным, и не снились. Это из его слова на Евангелие от Луки, сказанного 30 октября 1947 года:

«Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим. И послал вестников пред лицем Своим; и они пошли, вошли в селение самарянское, чтобы приготовить для Него. Но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим (Лк. 9, 51-53). Самаряне не имели общения с иудеями и, увидев, что это иудей, идущий в Иерусалим, не приняли Христа.

Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: *Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* Но Он, обратившись к

ним, запретил им и сказал: *Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать* (Лк. 9, 54-56).

Это относится и к нам, – мы нередко готовы просить, чтобы огонь небесный сошел на тех, кто не принимает нас и враждебен нам. Но этим мы, христиане, и показываем, что не понимаем, какого мы духа. Это не дух Христов. К этим несчастным людям мы должны относиться с состраданием и жалостью, должны плакать об их вечной гибели, должны просить Бога, чтобы вразумил и наставил их. Если так будем поступать, если сочувственно будем относиться к погибающим в неверии братьям нашим, если будем далеки от того, чтобы просить жестокой кары для них, Господь благословит и нас, что поняли, какого духа надлежит нам быть: духа любви, кротости и милосердия.

Если мы проникнемся подлинно христианским духом, то никогда не посмеем просить у Бога наказания для тех, кто даже издевается над именем Его, предоставив суд единому праведному Судии. Будем помнить, что мы не имеем никакого права осуждать, потому что сами заслуживаем суда Божия. Зная это, будем просить у Бога прощения наших собственных грехов. Аминь».

Актуальное, про всякие вызовы времени и злобы дня – от Гоголя:

«“Не гляди!” – шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул».

Умер Лев Дуров.

В том месте, где – любимое кино и любимые актеры, пустеет и пустеет, почти совсем пусто... Впрочем, так и должно быть; поколения за поколениями, волны приходят, волны уходят.

Однажды, давно, одна девочка спросила священника: «А в рай будут показывать кино?»

Освящение яблок... почему бы и нет.

Слава Богу за Его дары.

Когда Христос приходит в природу, она превращается в свадебную Кану.

И вино становится Вином.

Ездили в Петербурге на экскурсию по каналам на маленьком катерочке (въехали на Мойку – ливануло страшно, с холодным ветром; выключили ливень только на канале Грибоедова; экскурсоводу, пожилой даме университетского вида в ажурной шляпке, и мотористу в легкой рубашечке – хоть бы хны; привычные).

Проезжаем под Кокушкиным мостом; дама-гид говорит: «А вот знаменитый Кокушкин мост, именно о нем написал Пушкин: «Вот, перейдя чрез мост Кокушкин, опершись локтем о гранит...». Тут Андрюша захихикал, ибо ровно накануне я ему рассказывал, чем именно Пушкин оперся о гранит; дама-гид поглядела на Андрюшу понимающе и с некоторым заговорщицким уважением.

«Платон мне друг, но истина дороже»...

Думаю, совершенно нехристианское высказывание.

Кто положит душу свою за други своя... – сказал как раз Тот, Кто был Истина.

(По поводу всяких партий и течений церковных, как правых, так и левых).

...Плоды этого дерева хороши, кажутся вкусными, радуют взор и вожделенны они, потому что мудростью и знанием наделяют отведавшего их... (Быт. 3, 6)

Думаю, здесь – в начале грехопадения – начало наркотической зависимости человека от вещества.

«В веществе есть то, чего нет во мне и что восполняет меня и дает мне жизнь»...

Забвение того, что в человеке есть ВСЁ (но только тогда, когда он сам – с Богом).

И трагическая неудача достичь искомой полноты себя – без Бога, самостно.

(Флоренский писал про то, что все изобретения человека – попытки восполнить неполноту его органов: зрения, осязания и проч.)

Подумалось...

Когда идет речь, более ли любить Бога или кого-то ближнего (цитаты из Нового Завета можно не приводить, я их знаю, не про то речь...) – вспоминаю вопрос, задаваемый ребенку: «А ты кого больше любишь, маму или папу?»

Вопрос совершенно бесовский.

– Где же был Бог, когда творилось непредставимое, когда евреев жгли в печи Холокоста?

– С ними в печи и был...

– В печи?! Люди – сожгли Бога в печи?! Разве это может быть?

– Почему же нет... Люди в этом отношении изобретательны и неутомимы... Могут Бога унижить, предать, высмеять, могут гвоздями на кресте приколотить... могут и в печи сжечь.

– Так как же после этого – верить, как жить?

– Наверное, задаться другим вопросом, более, на мой взгляд, важным: сожгли-то сожгли – а вот сгорел Он там или нет?

Как Бог даст...

Вообще, всё в мире – настоящее – тайна, как ни крути.

И нашим прокрустовым ломам умозаключений не поддается... и это хорошо.

Виктор Петрович Астафьев, вспоминая о своей дружбе с Рубцовым, о неприкаянной жизни и трагической смерти поэта, рассказывал, как они с женой пытались Рубцова пригреть, остепенить, помочь... Астафьев говорит с горечью, что, чтобы выжить, нужна бы была Рубцову такая жена, как астафьевская Марья... И слова дальше: «Да не у каждого жена Марья, а кому Бог даст».

Как важна – семья.

Радость и полнота бытия в семье.

Как никогда, понимаешь это, слушая Баха.

Не удержусь – поделюсь рассказанным в комментарии:

«У моей девятилетней Ани Бах – любимый композитор. Когда я спросила, не тяжело ли для девяти-то лет, ребенок невозмутимо ответил: “Мама, у Баха было 17 детей, он сочинял музыку, понятную детям!”. И я замолкла».

– Где наша не пропадала?!

– Да везде пропадала...

(Однако, смотри ж ты, опять выползла... не пропала, знать. Ай да наша!..)

По поводу «пропадала» – вспомнил, опять же, свою бабушку...

«Пропасть» значило у нее еще – «испортиться». «Не ешь простоквашу, она пропала». Производным от сего было «пропастина». Пытаюсь погладить бродячую какую-то собаку: «Тьфу, гладит его!.. У его страм! Он бегают жрёт всякую пропастину, а ты его гладишь...».

Иногда «пропастина» означала – «смерть, умирание»: «Ох, поясницу ломит как... видно, перед пропастиной...»

Вчера на вокзале ко мне подошел бомж, попросил мелочи. Я дал. Он возрадовался и поблагодарил так: «От души, мужик... Ты хоть и бородатый, но вижу, что не хипстер...»

Вот ведь какое слово знает человек без определенного места жительства.

И какие наблюдения за современностью имеет.

...Служа в 1985–1987 годах на БАМе, в ж/д войсках, второй год службы я был художник в клубе, в Тынде.

А что такое в желдорбате (да и во всех прочих регулярных частях Советской Армии) – художник в клубе?

Думаете, это только богомаз, худо-бедно малюющий плакаты, нетвойне, показателности и прочую наглядную агитацию?

Как бы не так.

Вышеозначенное – это днем, это для политотдела... Художник в клубе – это не баран чихнул. Он еще и выразитель всех затаённых чаяний кирзового человечества; это мало что «э, чоткий девочка рисовай, да?», это высшая инстанция в области законодательства как мод, так и нравов и еще более высоких нюансов бытия солдатского; это демиург – но демиург, имеющий конечно же и мозги, и если и нарушающий в чем-то вековый канон армейского искусства, то имеющий и харизму доказать, что созданное им «хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно»...

Что исполнял художник для дембелей?

Дембельские блокноты. Туда переписывались адреса реальных и мифических сослуживцев, вклеивались фотокарточки девушек (в том числе – отнятые или вы-

краденные у молодых бойцов – «духанов»...), там рисовались картинки пастиками (стержнями черно-красно-зелено-синими) и вписывались стишки. От классических до всех тех, до коих могли додуматься хозяин блокнота и его творец.

...В такие альбомы мало было вклеить фотографии. Надо было:

раз) изукрасить сами страницы. Самое применяемое было при сем – аналог аэрографа: два пластмассовых корпуса от ручки прикручивались на коробок спичек, узкими отверстиями в непростой стык; потом один конец опускался в тушь (жидкую гуашь; иных красок не имели...), а в другой конец художник художественно дул, и из сопряжённой трубки вылетали капли, более или менее эстетично покрывая страницу.

Два) украсить обложку. У нас, например, самое распространенное, желаемое и обусловленное каноном было изображение «краба», сиречь – армейская эмблема железнодорожных войск, изготовленная из самых разных подручных материалов (самый распространенный – раскатанная и вывернутая кишками наружу туба от пасты «Поморин», имевшая вид как бы меди; чеканка на ней совершалась достаточно легко и делалась той же шариковой ручкой).

Примечу, что, после того как ваяние дембельского альбома бывало завершено, он, из-за количества наклеенных туда фото, наклепленных уголков, цацек, вклеенных калек и нанесенных слоёв гуаши и туши, не закрывался и был толще себя втрое.

Простая мысль: богоизбранный (богоносец тож) народ – это что, лучше других в чем-то?..

Никак нет.

Это просто – избранный для чего-то.

Молоток разве лучше отвертки? Молоток избран для гвоздя, отвертка – для шурупа.

Всю суть мира сего (имею в виду – падшести мира и смыслов этой падшести), и всю разницу между устройствами христианина и нехристианина (тут даже внешние признаки не важны, т.е. носит кто крест или нет, постится или нет, посещает храм Божий как попало в джинсах с кедами или строго в черных брюках, и проч.) – можно ведь постичь, даже не прибегая к толкованиям св. отцев, сокрытых в томах их трудов.

Можно просто обычную книжку перечитать.

Например, Марио Пьюзо*.

Почему его герои так привлекательны для многих? Харизма, решительность, цельность и пр. Но не только это. Еще и потому, что герои мафии – олицетворители сути падшести мира.

Перечтем, например, роман «Сицилиец»**.

* Марио Пьюзо (Mario Puzo; 1920–1999) – американский писатель итальянского происхождения, критик, сценарист и беллетрист.

** «Сицилиец» (The Sicilian, 1984) – роман М. Пьюзо, действие которого происходит в 1940-е годы. В основе романа лежит биография народного героя Сальваторе Джулиано (выведен под именем Тури Гильяно).

Вот почти в конце – когда Майкл так и не спас романтического разбойника Тури Гильяно, вернулся в Америку без него и недоуменно спрашивает отца: мы же должны были спасти одного робингуда, или как?..

«Впервые дон выказал раздражение. Он налил себе еще рюмочку ликера и залпом выпил. Затем уставил палец на сына.

– Ты сказал, что хочешь учиться, – сказал он. – Так вот, послушай. Первейшая обязанность человека – оставаться живым. А уже потом следует то, что люди именуют честью. Так вот, это бесчестье, как ты сие именуешь, я охотно возьму на себя. Я поступил так, чтобы спасти тебе жизнь; в свое время ты тоже поступил бесчестно, чтобы спасти мою. Тебе никогда бы не уехать живым с Сицилии, если бы не дон Кроче. Вот так-то. Ты, может быть, хочешь стать героем вроде Гильяно, легендой? И мертвецом? Я люблю его как сына моих друзей, но не завидую его славе. Ты жив, а он мертв. Всегда помни это и живи так, чтобы быть не героем, а живым. Со временем герои начинают казаться чужаками.

Майкл вздохнул.

– У Гильяно не было выбора, – сказал он.

– Нам в этом отношении больше повезло, – сказал дон.

Таков был первый урок, полученный Майклом от отца, его он запомнил лучше всего. Это окрасит всю его дальнейшую жизнь, подтолкнет к страшным решениям, которые раньше ему и в голову бы не пришли. Это изменит его представление о чести и уменьшит преклонение перед героизмом. Это поможет ему выжить, но сделает несчастным. Ибо Майкл – в противоположность своему отцу – завидовал славе Гильяно».

В общем, вечна ли *вот эта* жизнь или временна, – примерно таков выбор вашей мысли и вашего сердца.

«Смеется над ослом тот, кто не осмеливается смеяться над его Хозяином».

Любой поп – не есть ли всего лишь осел Его?.. орущий, своенравный, тупой, как онагр, – или послушный и работающий Платеро*, кротко смаргивающий с век жалящих мух и слепней...

Всего лишь.

Ван Гог о картине «Звездная ночь над Роной», из письма к Тео:

«Включая небольшой эскиз на холсте – вкратце: звёздное небо, разрисованное ночью; и, разумеется, газовые рожки фонарей. Небо – аквамариновое, вода – ярко-синяя, земля – розовато-лиловая. Город – синий и фиолетовый. Сам газ светится жёлтым, а его отражение – ярко-золотое, плавно переходящее в зелёно-бронзовый. На аквамариновом поле неба Большая Медведица сверкает зелёным и розовым, чья бледная скромность служит контрастом для грубого золотого фонарей. И две разноцветные фигуры влюблённых на переднем плане».

* Кроткий ослик из цикла лирических зарисовок испанского поэта Хуана Рамона Хименеса «Платеро и я» (1917).

Думаю: насколько отличается человек 20-ти лет от человека 50-ти лет?.. Не человек «вообще», а просто человек – я сам, например, или мои друзья и знакомые (кто еще жив). Словом, те, кого могу наблюдать.

Наверное, мало чем, в сущности.

Если про человека говорят: «Он и в старости сохранил ясность ума и живость чувств!» – это что значит, если на русский перевести? Значит, наверное, то, что человек с возрастом не превратился в сельдерей (точнее, превратился *не весь* – с возрастом мы все неизбежно потихоньку сельдереем, и я, и ты, и вот ты, да и ты, красавица, тоже...), но чем-то этаким, важным, увлекательным, горит всё еще его сердце, что-то его вдохновляет.

А ведь, по сути, если не брать во внимание цыганскую пестроту частных, воспламеняет-то одно и то же, хоть вьюношу, хоть старика, не правда ли? И божество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь.

Но всё-таки разница есть.

Что-то да наживает человек к 50-ти годам.

И важным из нажитого (не единственным, но одним из) мне видится – познание окоёмов сущего.

В практическом даже смысле. В ветхозаветном.

О чем говорит народная поговорка: «Знай край, да не падай».

Мой отчим, Демид Александрович Скурихин, коренной ангарец, рыбак и охотник, принес как-то домой щенков (вообще, собаки у нас в ограде жили всегда). Маленьких еще, полуслепых. И показывал мне, как их воспитывают. Воспитание начиналось с того, что их посадили на табуретку, они там скулили, ползали, как личинки, туда и сюда и в сем ползании познавали, нащупывали всем своим существом край табуретки – отшатывались от него, ибо за ним – гибель.

Вот примерно это – начальное – и есть «Богоизбранность» и «святость», отделённость.

Взятые в удел (на табуретку); обучаемые – краям мироздания.

Подумалось: как бы ни была порой черна и невыносима жизнь, со всеми ее скорбями, болезнями, грехами, нелепыми безобразиями, – это еще не ад.

Потому что Господь-то – вот же Он.

Ад – это, кратко реши, место, где Бога нет, так я примерно думаю. Всё, может, остальное и есть – а Бога нет.

Вечер – а мамы нет, и ребенок один... Уже ночь, и чернота в окнах смотрит внутрь комнаты слепыми глазами фонарей, и тени по потолку шелестят, выплывают и уплывают в пустоту, а мамы всё нет.

В комнате вот и игрушки тебе, и телевизор, но зачем оно всё, пока она не пришла...

Примерно так.

Дневники Елены Шварц – пятый томик ее собрания сочинений, изданного «Пушкинским фондом».

2004, 29-30 сент.

«Что ж одиночество – и одиночества испробуй суп вчерашний, как я догадывалась в юности. Оно так внезапно наступило. Сегодня подумала о доме – для тюрьмы слишком благоустроено, а для монастыря слишком много развлечений».

Пишет об одиночестве, а читаешь это – и собственное одиночество немного отступает...

О чем думаю...

О том, например, что алкоголик (настоящий, не путать с просто пьяницей), ежели он кается и борется со своей страшной болезнью, бывает так близок к Богу, как не бывает человек добропорядочный.

Из интервью Шагина, заглавного митька: «Ведь – сейчас скажу уже азбучную истину – понять алкоголика полностью может только такой же алкоголик. Ну, или святой».

Ив Бонфуа*, в переводах М. Гринберга. «Я любил выходить из дома на заре. Время / Дремало в очаге, уткнув лицо в золу...»

Собственно, поэты пишут о рае – вчерашнем (потерянном), завтрашнем (чае-мом), реже – сегодняшнем.

Рае, совокупленном с адом, внешним, внутренним.

Мне это представляется почему-то (Бонфуа напомнил): пожарище, все погигло и рухнуло; но угли еще тлеют, и вот в это пепелище – разбить свежее яйцо, чтоб поджарить яичницу...

Минута, пока живое дрожащее влажное яйцо еще свежо среди пепла.

Все мы хотим знать волю Божию – о себе, о своих обстоятельствах, о своей жизни.

А Бог хочет, чтоб мы знали – Его Самого.

Чувствуете разницу?

«Не только из русской истории, но и из русской «культуры» не выкинешь ни Пушкина, ни Суворова, ни Чернышевского, ни Серафима Саровского. Но если нельзя выкинуть, то не так-то легко их и «соединить», увидеть их всех в какой-то общей перспективе, претворить в каком-то едином «синтезе».

Поэтому, когда мы, русские, говорим о культуре, мы обычно в действительности, и чаще всего даже подсознательно, выбираем себе нашу культуру, – ту, с которой чувствуем себя духовно связанными»**.

То-то и оно...

* Ив Бонфуа (Yves Bonnefoy, 1923–2016) – французский поэт, прозаик, эссеист и переводчик,

** Протопресвитер Александр Шмеман: Политическая трагедия уходит корнями в культурное распутье... // Сайт «Pravmir.ru. Православие и мир». 7 сентября 2015 г. (URL: <http://www.pravmir.ru/protopresviter-aleksandr-shmeman-kultura-v-russkom-samosoznanii-1/>).

Вообще, о. Александра Шмемана я бы поставил в ряд (конечно, не совсем удачное выражение – при чем тут «табели о рангах», но все же) с главными мыслителями XX века – которых еще не расслышал и не понял пока век XXI.

22 сентября – память святых Иоакима и Анны, родителей Пресвятой Богородицы.

Да, история Иоакима и Анны очень напоминает бродячий сюжет сказок: жили были муж да жена, король да королева, старик да старуха, были они бездетны, и вот чудесным образом – съела ли жена сердце морского чудища, закутала ли в платок полешко, и т.д. – посылается им на старости сынок Лутонюшка, чудесный богатырь...

И что из того, коли напоминает? сказка есть не просто сказка, но миф; а миф не есть выдумка, но отражение настоящей реальности.

Величаем, величаем Тя, Пресвятая Дево, и чтим святых Твоих родителей, и преславное славим рождество Твое.

- Я вон к тому батюшке всегда на исповедь хожу.
- Да? А он что, прозорливый? Или сильный молитвенник?..
- Да не то чтобы... обыкновенный.
- Руководит?
- Да нет... чаще самой думать предоставляет.
- А чего же – именно к нему?
- Ну... не знаю. Он когда в первый раз благословил, я к руке приложилась, смотрю – рука исцарапанная, так, знаешь... характерно. Значит, кот дома есть... ну, думаю, – наш человек.

Кто-то рассказал мне однажды молитву: «Как хорошо, Господи! только бы лучше не было».

Депрессия и вакуум смысла – эпидемия; один за другим страдающие этим приходят, в том числе, в храм к священнику; и сам священник такой же, и не он один...

Читаем у Франкла*, в работе «Экзистенциальная динамика и невротическое бегство»: «Мне представляется, что экзистенциальный вакуум является следствием двойной потери: потери инстинктов, обеспечивающих безопасность животного в окружающем мире, и в более поздний период потери традиций, которым подчинялась жизнь человека в прежние времена. Сегодня инстинкты не подсказывают человеку, как он должен действовать, равно как и традиции больше не являются руководством к действию».

Это вроде бы и так; про это множество раз говорено теми и семи...

* Виктор Франкл (Viktor Emil Frankl; 1905–1997) – австрийский психиатр, психолог и невролог.

Думаю о том, что вот эта потеря традиций сама уже достаточно давно успела стать – традицией. (Всё, что отсюда вытекает, etc.).

2 октября Шукшин умер.

Вот думаю...

Христианами – их никак нельзя назвать. Это ясно. (Разве что в сопливо-розовом пиитическом смысле сегодняшнего времечка: «христианин – тот, кто хороший!..») Но они все... как бы сказать... настоящие.

Слава Тебе, Боже! я жизнь свою провел среди них. Большую часть.

Я их видел, немногих, но – «таких».

Когда они уходят – как-то особо тошно. Остаешься как и обычно один, но... как бы наутро с похмелья, посередь лесопилки или чего-то такого («на работе»), в загаженном балке, на дощатом столе – пустая банка из-под кильки, засохший наломанный хлеб, мухи, пустая залапанная пальцами стеклотара... Но над тайгой – рассвет.

Все обратили внимание на песню Высоцкого, спетую на смерть Шукшина: после слов «но в слезы мужиков вгоняя» – пауза такая... и бренчат струны.

Бренчать; делать; не подать виду.

Преподобне отче Сергие, наставниче монахов и собеседниче ангелов...

«Наставниче монахов»:

Всем известно, что преп. Сергей и его радонежские собратия стали родоначальниками огромного количества монастырей, внесли вклад в культуру и государственность Руси, и пр.

Но я не про это.

А про самую душу русской святости – как на картинах Нестерова («Сияние серого цвета», по Честертону) – про анонимность.

Если бы преподобному Андрею Рублеву кто-то сказал про авторские права, копирайт и про все такое – он бы просто не понял, о чем речь... И преподобный Сергей – трудов не писал.

Ни книги, ни иконы – не надписывались; утверждение себя родного и неповторимого, «автора», в «табели о рангах» – было немыслимо...

Кому-то тут видится неразвитость русской религиозной культуры («Взяли не глядя греческое, сунули в гугл-переводчик, и пользуются!..») – а я (вслед, например, за Карташовым*) вижу и некую особенность русской святости: сирость.

(Что такое, к слову рещи, наши имена!.. они ведь – и не наши; они – знаки, чтобы различить каждого из нас в толпе... Настоящие имена свои мы обретем и познаем только – в Царстве, когда даст Господь каждому белый камень, и на камне – написано *настоящее* имя. Которого никто не знает, только тот, кто получает...).

Есть-таки русская святость. И это прекрасно. И рядом с ней есть святость –

* Антон Карташов (1875–1960) – русский государственный деятель, историк Церкви.

грузинская, еврейская, европейская, и так далее. Люди в Церкви ведь и не должны быть одинаковыми, как солдатики – дети одной оловянной ложки.

Кто думает, что должны, – либерально ли, консервативно ли думает, неважно, – тот дитя комсомола и КПСС, не Церкви...

«И жизнь поет на всех щебетах мира».

«Собеседниче ангелов»:

Подумалось: ангелы – слуги Божьи, активное подразделение, ими держится и управляется вся Вселенная, от механизмов вращения галактик до хода водомерки по глади пруда, от вулкана до сердца человеческого... Ребенок подрос, стал большой, ему теперь доверено многое, он тоже включился в активный труд в хозяйстве Отца – вот что примерно значит «собеседниче ангелов».

Что такое наша жизнь, подлинная жизнь...

Антоновка.

Кислая, пряная, ароматная, никем не ценимая... падалища.

Даже искусницы печения шарлоток, «мастерицы виноватых взоров», устают и отчаиваются, – так она обильна.

Точки сбоку. Червь поядайт.

Падение, глухое, на доски крыльца, стук в тишине, – и так всю долгую предосеннюю ночь...

Пока не взойдет день.

Алкоголизм, махровый цветок на грядке самости, гордыни, – в процессе его преодоления есть начаток того, что мы в Церкви именуем соборностью.

Осознать, признать себя погибающим и призвать на помощь Бога – раз и людей – два.

Смириться с тем, что – не бэтмен.

Вопросить «как спастись?!» – и воззвать «помогите!».

Собственно, ответом на это – и есть Церковь, койнония*, семья.

Присоединение к Троициному Богу.

Про Валаама:

Хорошая мысль

Приходит от ося.

По поводу пятого и предыдущих сезонов «Игры престолов»:

Вот думаю: насколько жизнь вечная, настоящая, подлинная – проще и ярче, чем наша запутанная, временная, дооооолгая падшая смертная...

* Койнония, или кинония (греч. koinōnia – соучастие, общность) – общность или общение верующих с Богом, ангелами и друг с другом; в особом смысле употребляется при обозначении евхаристического единства.

Вот взывают нецый к Богу в простоте и порыве: воскреси нам Неда Старка, Джона Сноу и Короля-за-Стеной!..

А Господь говорит: Да Я разве против!.. Я хоть щас.

Но вот вы Мне воскресите сперва вот этого – вертящего своими героями как хочет (как будто хоть что-то понял в карусельной мясорубке жизни) толстого, икающего и пукающего смертного, 1948 года рождения упёртого старика, Джорджа Мартина*, со всеми его котами и кошками, с его возлюбленными клубами «Нью-Йорк Джетс» и «Нью-Йорк Метс», крещенного в католичестве, но попробуй его спроси о вере – так и выпячивает то верхнюю атеистическую, то нижнюю агностическую губу...

Да просто тещу свою или сына своего – преобразите.

Да хотя бы в чем-то – себя самого. Хоть на йоту.

Да хоть захотите преобразить.

...и что? как оно? легко?

...то-то.

В церковнославянском языке есть правило, которое мне, например, нравится (странно, да, – правило и вдруг нравится!..). Правило простое: читаем так, как написано. То есть если «хлеб наш насущный даждь нам днесь» – то «хлеп» и «дашь» есть ошибка. Еще то есть: чтоб прочесть, надо над собой, над своим речевым аппаратом, усилие/насилие некое совершить. Благоутробное.

(И никакой буквы «ё»).

И вот с этой точки зрения пою я, не торопясь, главное – не торопясь! – известные строки советской песни:

И снег, и ветер,
и звезд ночной полет,
меня мое сердце
в тревожную даль зовет...

Спели?

Почувствовали ли, как на йоту изменилось ваше мироощущение?..

Из разговоров:

– Тибет этот – опасное место... с его далай-ламами... Вот один православный епископ всё увлекался этим, вообще всякой инославной духовностью. И поехал, совершил туда восхождение, к этим ламам... А потом раз – и запил...

– И то верно. Чтоб запить, зачем в Тибет ехать? можно и сразу, на месте...

* *Мартин, Джордж Рэймонд Ричард* (George Raymond Richard Martin, род. 1948) – американский писатель-фантаст, автор цикла «Песнь Льда и Огня», легшего в основу телесериала «Игра престолов». Нед Старк, Джон Сноу, Король-за-Стеной – персонажи сериала.

Книга Иова потрясает вся. Но вот это место мне особенно дорого:

И услышали трое друзей Иова о всех этих несчастьях, постигших его, и пошли каждый из своего места: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейянин и Софар Наамитянин, и сошлись, чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его.

И подняв глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голос свой и зарыдали; и разодрал каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу. И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико.

Блокнот, обернувшийся книгой

Михаил Книжник заявил о себе как поэт и мастер короткой прозы еще в 80-х. Живя в Ташкенте, он публиковался не только в родном городе, но и в московских «Знамени», «Дружбе народов». А первую книгу стихов – «Готовальня» – выпустил в Киеве. После переезда в Израиль, уже в новом веке, Книжник взял на себя столь же увлекательный, сколь и объемный труд собирания стихов о Ташкенте в единую антологию «Ташкентский дворик». Антология, объединившая тексты Анны Ахматовой, Владимира Луговского, Семена Липкина, Александра Файнберга и многих других поэтов, писавших о Ташкенте, вывешена в «Живом журнале» и пока ждет своего издателя.

А в девяностых годах по Ташкенту ходила «Записная книга» Михаила Книжника – сначала в списках, а потом и в файлах: цифровая эра уже вступала в свои права.

Состояла «Книга» из коротких историй, остроумных реплик, забавных словосочетаний, сложенных из авторских неологизмов и каламбуров. Держалась она на единстве места и действующих лиц – ташкентцев, преимущественно врачей, как и сам автор. Они проходили по книге пунктиром, как бы заглядывая к читателю на огонек и вновь убегая по делам. Ироничный взгляд рассказчика сочетал беспощадную трезвость в отношении человеческой природы и сочувствие к отдельно взятому персонажу.

При операции в желудке обнаружено 48 гвоздей разной величины. Заинтригованные хирурги с нетерпением ждали конца наркоза, чтобы узнать, зачем же он глотал гвозди.

– А я не дармоед. Мне за каждый гвоздь пять кружечек подносили. Меня в нашей пивной все знают.

По сути, это был разрастающийся черновик, входящий в книжный формат с черного хода – путем не столько переработки и переплавки фрагментов, сколько их накапливания и выстраивания в некий своеобразный метароман. В нечто подобное вылились в 1980-х записки Сергея Довлатова («Соло на ундервуде»). В «За-

писной книге», правда, ярче выражен элемент повествовательности. И написана она на пограничном, «интернациональном» материале.

...Когда уезжал, мне многие советовали: на Кипре обязательно выпей вина. Ах, кипрское вино! В Никосии я пробыл один день. Слоняясь по городу, вспомнил советы и зашел в лавку купить вина.

- Ты француз? – спросил меня хозяин.
- Русский, – ответил я. Там мы все русские.
- Ты хочешь водки! – радостно сообщил мне хозяин.
- Я хочу вина.
- Водки! – настаивал хозяин.
- Вина.
- Водки!

Я выругался в соответствии со своей национальной принадлежностью и пошел в соседнюю лавку.

Главная тема «Записной книги» – причудливые соприкосновения разных культур в бытовых ситуациях. Носители этих культур оказываются заложниками непрерывно, в нескольких поколениях, стирающейся, но не избываемой до конца разнородности. Отсюда, из этого постоянно меняющегося соотношения общности-различий, и возникает в большинстве случаев комический эффект.

Особость и неповторимость культурно-языкового уклада трогательно высвечивается в сценках, подсмотренных во дворах, магазинах, на ташкентских улицах.

89-й год. Ташкент. Древняя старуха говорит сыну, пожилому, усталому человеку:

- Савелий! Кто сейчас в городе, белые или гайдамаки?
- Мама! А тебе не все равно, кто сейчас в городе?
- Конечно, не все равно. Гайдамаки убивают евреев, а белые – нет.

Фрагменты первого тома «Записной книги» публиковались в Узбекистане и за его пределами неоднократно. Но только теперь наконец увидела свет полная версия этого знакового для Ташкента текста*. Книга вышла в твердом переплете, с рисунками Вениамина Клецеля: бытовые сценки и городские пейзажи не столько иллюстрируют повествование, сколько образуют параллельную, дополняющую его реальность.

«Между 1995 и 2010, – пишет автор в предуведомлении, – вырос второй том. И если между первым и вторым томом изменились внешние обстоятельства, то от второго к третьему – изменился я сам».

Меняется и способ письма. Если фрагменты первого тома зачастую укладываются в несколько строк, тяготея по форме к анекдоту или зарисовке, то во втором томе они порой разрастаются до мини-рассказов, дневниковых записей, а местами и филологических штудий. Книжник первого тома чаще приглашает читателя посмеяться с ним за компанию, – Книжник третьего больше склонен вспоминать, сопоставлять и размышлять.

* Михаил Книжник. Записная книга. – Иерусалим: Библиотека «Иерусалимского журнала», 2017.

Традиционный субботний послеобеденный поход с сыновьями в кино. На этот раз их выбор пал на «Великого Гэтсби». Добротная экранизация, качественная игра, надежное оформление. Но все равно есть мотивировки более внятные тем, кто знаком с романом.

На выходе две пожилые пары местных уроженцев интересуются:

– Как фильм?

– Прекрасно, – говорю. – Особенно если читали книгу.

– Мы не читали. Стоит?

– Да, – отвечаю.

– Мы уже не успеем, – с фатальной безысходностью говорит один из них.

Я не сразу понимаю, что они заходят на следующий сеанс.

В стихотворении «Письма умерших» Вислава Шимборская так говорит о слепоте живших прежде: «Читаем письма умерших, как бессильные боги, / и все-таки – боги, ибо знаем позднейшие даты <...> Бедные умершие, слепые умершие, / обманываемые, ошибавшиеся, неуклюже предусмотрительные. / Мы видим за их спинами перемигиванья и знаки».

Сквозные герои «Записной книги» не вызывают к себе такого снисходительного сочувствия. Юмор и умение абстрагироваться от ситуации приподнимают их над временем, выносят за его скобки, не позволяя увязнуть в истории, как мошки в янтаре. Может быть, еще и поэтому все три части «Записной книги» читаются сегодня на одном дыхании, как современная проза о людях, переживающих время.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН

Интернациональное Православие

Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 4: Приходы Америки / Отв. ред. И.П. Рязанцев, ред.-сост. М.А. Подлесная. – М.: ПСТГУ, 2016. – 272 с. – (Серия «Социология Православия»).

...Общая наша задача – чтобы Америка стала Православной страной, эдак, через 500-700 лет. А мы оттуда с вами будем смотреть и скажем: «Слава Тебе, Господи! Потрудились».

*Прот. Александр Голубов,
Свято-Николаевский патриарший
собор РПЦ, Нью-Йорк*

Если жизнь рядовых американцев нам более-менее известна – хотя бы из фильмов и книг, то жизнь *православных* американцев для большинства из нас остается «землей неизведанной».

Прекрасную возможность узнать и понять жизнь современных православных приходов в США дает 4-й выпуск серии «Социология Православия», изданный Факультетом социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

В нем представлены интервью с православными священниками, статьи, переводы и другие материалы, дающие определенный срез современной православной приходской жизни за рубежом, главным образом в США: РПЦ, Православной церкви в Америке (ПЦА), Русской Православной церкви за рубежом (РПЦЗ) и др.

Многое вызывает ассоциации с той ситуацией в религиозной жизни, которая наблюдается сегодня в постсоветских государствах Средней Азии. Что не удивительно: православные и в Северной Америке, и в Средней Азии – религиозное меньшинство. Разве что конфессиональная жизнь в США более многообразна. Как

замечает нью-йоркский иеромонах Никодим (Балясников), статьей которого открывается сборник:

В Америке есть такая присказка: «Что ни улица, то своя церковь». И это правда! Их даже невозможно классифицировать. Американцы настолько спокойно смотрят на религиозный плюрализм среди населения, что мы для них [просто] еще одна Церковь.

С одной стороны, подобный взгляд на пользу Православию: оно ничем не выделяется из ряда других инославных течений, а значит, не является объектом политических игр. Об этом свидетельствует епископ ПЦА, епископ Толедский и Болгарский Александр (Голицын): «Мы слишком маленькие, чтобы государство нами интересовалось». Рядовые американцы далеки от проблем внешней политики США и коллизий российско-американских отношений.

...У меня лично проблем ни с кем не было, потому что американцы, в общем-то, достаточно дружелюбные люди. Вашингтон – это далеко, и то, что там говорят, не так уж важно (*прот. Александр Голубов*).

С другой же стороны, не имея возможности нести свидетельство евангельской истины широкой аудитории, Православие проигрывает в битве за человеческие души. Владыка Александр упоминает и эту проблему:

...В отношении всех христиан в Соединенных Штатах наблюдается растущий разрыв между тем, что ценится и признается правильным и истинным внутри всех христианских Церквей, причем не только православных, и ценностями большинства в обществе. И в этом Америка практически не отличается от Европы. ...В целом ситуация такая, что христиане чаще гонимы, и порой их даже убивают.

Как и в Средней Азии, православная вера (а именно – русское православие) представлена в Америке несколькими волнами эмигрантов, прибывавшими туда во времена войн и репрессий в поисках лучшей доли. Практически все священнослужители, которые давали интервью для данного сборника, упоминают о русских мигрантах, о тяжелом процессе их привыкания, приспособления к иным условиям жизни, к новому обществу. Священник – мост между русскими мигрантами и жизнью в Америке.

Православная Церковь остается для людей на чужбине кусочком исторической родины.

Люди, когда приходят из мира в Церковь, видят, что здесь абсолютно другой мир. Это частичка русской земли в Манхэттене. Здесь совсем другие взаимоотношения, здесь люди возвращаются в себя» (*иеромонах Евтихий (Довгань), клирик РПЦЗ*).

Прежде было много приходов, где служили на церковнославянском языке, где звучала русская речь. Сегодня таких приходов единицы. Богослужение в основном ведется на английском языке, а священники должны владеть несколькими языками-

ми. (Замечу, что в нашем регионе, где русский язык еще сохраняет свои позиции, подобные проблемы не так остры, по крайней мере пока.)

Приходы в США и в Средней Азии имеют несколько общих проблем. Это и уход из Православия через заключение браков с представителями других религий, и большие расстояния от места жительства до храма...

Приход существует до тех пор, пока в нем есть обеспечивающие его прихожане: если храм, даже являющийся памятником архитектуры, опустеет, его закроют или передадут другой конфессии. И американские настоятели говорят об этом прямо, не боясь быть обвиненными в «эксплуатации». Как откровенно говорит желающим принять православие американцам игуменья Христофора (Матичак), настоятельница женского монастыря в честь Преображения Господня в Эллвуд-Сити (Пенсильвания):

«Вы нужны на приходе, потому что на приходах в Америке очень много работы, и вам нужно в ней участвовать, а также этим приходам нужны деньги, вы должны поддерживать ваш приход, работать на него».

Потому что они должны понимать, что в церковь мы приходим не только для того, чтобы получать, но и для того, чтобы отдавать. Обычные люди заняты тем же, что и наши соотечественники: работают, учатся, любят, зарабатывают, тратят, – они далеки от раздуваемых СМИ ужасов «новой холодной войны». Далеки они в большинстве, к сожалению, и от Православной веры. И некоторые шаги, которые предпринимаются американскими единоверцами, заслуживают интереса. Например, «дни открытых дверей», когда в храм на экскурсию может прийти любой заинтересовавшийся; изучение родного языка (чем могут похвалиться очень немногие приходы Средней Азии); клубы для пожилых прихожан, со своей программой, поездками, с учетом их интересов и пожеланий; широкая общественная деятельность некоторых монастырей. Как, например, рассказывает о своей обители игуменья Христофора (Матичак), ее основатели с самого начала «настаивали на том, чтобы мы, монашествующие, ходили в другие монастыри, различные организации, куда бы нас ни приглашали, с проповедью. Это мы делаем по сей день, и часто священники с других приходов зовут нас поговорить с их паствой».

В Ташкенте мне часто приходится наблюдать католических монахинь в городе, вечно с кем-то идущих, куда-то спешащих, – и ни одной православной монахини вне стен монастыря. Хотя вопрос о том, насколько монахини должны заниматься служением вне монастырских стен, является дискуссионным.

Многое связывает христиан Средней Азии и Америки: одни и те же скорби и радости, но главное – любовь к Богу и желание служить Ему.

Бах АХМЕДОВ

Язык и другие герои

Водолазкин Е. *Дом и остров, или Инструмент языка*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 384 с.

Удачное название книги – всегда больше, чем просто название. Его можно сравнить со стильной рамой, которая не просто обрамляет картину, но становится ее частью, необходимым продолжением живописного полотна.

В этом смысле «Дом и остров, или Инструмент языка» – более чем удачно найденная «рама» для книги известного прозаика и литературоведа Евгения Водолазкина. Это название отсылает сразу к двум ключевым метафорам: Мартина Хайдеггера – «Язык – дом бытия» и Иосифа Бродского – «Поэт – инструмент языка».

Язык и является главным героем сборника эссе Водолазкина, – при том, что в книге выведена целая галерея очень интересных людей. Начнем с того, что сама книга написана прекрасным, прозрачным языком, от которого, кажется, мы уже немного отвыкли в последние десятилетия. Чтение Водолазкина доставляет просто эстетическое удовольствие, и это далеко не единственное достоинство книги.

«Дом и остров» состоит из трех отдельных книг-частей. Однако эта отдельность обманчива, все три части связаны единой смыслообразующей нитью.

Водолазкин пришел в большую литературу из литературоведения – специалист по древнерусской литературе, ученик Лихачева... Первую часть, «*Мелочи академической жизни*», составляют небольшие истории о старших коллегах автора: анекдотические случаи или просто байки. Ираклий Андроников, Сергей Аверинцев, Александр Панченко, Вадим Вацура... Автор не скрывает симпатии к своим героям, сохраняя при этом легкую ироничную отстраненность. Эти короткие «ментальные снимки» создают своего рода собирательный портрет уходящего, увы, поколения ученых, тот самый «остров», который присутствует в названии книги.

В раздел «*In memoriam*» включены воспоминания о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Евгений Водолазкин – один из немногих, кто действительно хорошо знал Лихачева, будучи на протяжении пятнадцати лет сначала его учеником, а потом и

коллегой по цеху. Видел выдающегося литературоведа не только в кабинетной обстановке, но и в каких-то бытовых ситуациях, в которых его личность открывалась с новых сторон.

Портрет знаменитого академика получился живым и настоящим, далеким как от умиления, так и от попыток показать портретируемого под жестким увеличительным стеклом. Водолазкин пишет с полным сознанием той дистанции, которая отделяла академика от его окружения. На мой взгляд, автор нашел единственно возможную и очень точную интонацию для рассказа о своем учителе. Читая эти небольшие мемуарные фрагменты, понимаешь, что слава и авторитет Лихачева возникли не на пустом месте.

Уже после смерти Дмитрия Сергеевича журналист А. высказался в том духе, что Лихачев был назначен главным интеллигентом страны. Ученый Б. написал, что вокруг Лихачева начала складываться мифология. Не думаю, что есть смысл спорить с теми, кто не чувствует разницы между причиной и следствием, необходимым и случайным. Задам лишь два вопроса. Почему главным интеллигентом не назначили А.? Почему мифология не сложилась вокруг Б.? Ответ, в сущности, ясен.

Водолазкину удалось в своих зарисовках сохранить живые черты академика, и портрет получился очень убедительным.

Помимо своих достижений в науке, Лихачев был просто добрым человеком. <...> Пытаясь защитить Иосифа Бродского от обвинения в «тунеядстве», заказал ему для Пушкинского Дома перевод Джона Донна. Годы спустя они вспоминали об этом, когда Бродский разыскал Лихачева в Венеции. Во время прогулки Бродский подарил ему шляпу гондольера. Никогда не видел Дмитрия Сергеевича в этой шляпе (в память о Бродском она всегда висела за его креслом), но думаю, что романтическое начало Лихачева подарок отражал чрезвычайно точно.

Живой Лихачев развенчивал не только мифы о себе самом, но и тот стереотип ученого, который сложился у людей, далеких от науки, с легкой подачи кино и художественной литературы. Так, он мог, даря одну из своих книг, перечеркнуть помещенный редакторами список его наград и званий и написать: «Прошу не обращать внимания на эту безвкусицу». Или даже дать в печати опровержение по поводу одной из юбилейных статей, рассматривавшей его роль как учителя.

И еще: личность Лихачева – пример того, как можно жить в тоталитарной системе, не идя на уступки и сохраняя себя, но при этом не быть диссидентом.

Лихачев никогда не стремился к открытому диссидентству, у которого при несомненных его заслугах была одна беда: позиция открытого противостояния системе делала противостоявшего частью самой системы, пусть и с обратным знаком. Лихачев выбрал иной путь: он был не против системы, он был вне ее. Эта позиция не имела ничего общего ни с равнодушием, ни с высоколобым презрением к современности, ни тем более со страхом. Когда выбирать приходилось между лаконичными «да» и «нет», <...> он не испытывал колебаний.

Так, например, в противовес господствующей антирелигиозной идеологии, Лихачев выводил основы европейской – и, соответственно, русской – культуры из

Христианства. Оно, по мысли академика, обусловило три важнейших компонента этой культуры.

Первый из них – личностный характер. Этот компонент выводился им из ярко выраженного персонализма христианства. Второй – восприимчивость к другим культурам. Он связывался с универсализмом как одним из важнейших принципов христианства. <...> Наконец, третьим важнейшим компонентом европейской культуры Лихачев считал свободу самовыражения. Эти компоненты создавали, по его мысли, неразделимую триаду, в которой существование любого из них невозможно без существования двух других.

Также очень интересны рассказы о близких и дальних родственниках автора. Особое место среди них занимает рассказ о трагической судьбе двоюродного деда Водолазкина, протоиерея Александра Нечаева, служившего в начале прошлого века в Архангельске и погибшего в сталинских лагерях.

Третья часть книги, *«Мы и наши слова»*, посвящена, как это и следует из названия, проблемам современного русского языка.

Действительно, вокруг русского языка и состояния его «здоровья» (или «нездоровья»?) ведутся ожесточенные споры. Одни ставят ему неутешительный диагноз и готовятся чуть ли не служить панихиду по «великому и могучему». Другие, напротив, приветствуют все изменения в нем, все обильные заимствования из других языков, аргументируя это тем, что язык – живой организм, а следовательно, должен развиваться и поспевать в ногу со временем. В этих бесконечных дискуссиях, зачастую настолько эмоциональных, что сам язык не выдерживает такого накала, редко можно услышать спокойное и взвешенное мнение.

Эссе Евгения Водолазкина – это замечательный пример именно такой взвешенности и чувства меры. Он рассуждает о языке не просто как человек, посвятивший ему всю жизнь. Он знает язык в его многовековой временной протяженности, в его развитии, во всех его взлетах и трансформациях. Знает тайны языка до самых забытых суффиксов, как знает врач все особенности своего пациента, которого лечит много лет. Это не значит, конечно, что язык безнадежно болен, это лишь еще раз подтверждает, что живому организму языка нужен специалист, умеющий ставить точный диагноз. Например, такой:

В области русской речи произошло землетрясение. Если учесть наплыв новой лексики, можно говорить и о потоке – как кому нравится. Важно следующее: то, что в общественно-политической сфере фиксировалось как изменение строя, распад СССР, перемены в структуре общества, миграция населения, новая фаза научно-технической революции и т.д., – имело и свое языковое измерение.

Но любое стихийное бедствие рано или поздно заканчивается, и вслед за этим начинается восстановление разрушенного. Так, вероятно, произойдет и с языком, если уже не происходит.

Во всех эссе, посвященных языку, Водолазкин не столько дает ответы, сколько ставит вопросы. А если и предлагает какие-то решения, то делает это ненавязчиво, больше в предположительной, чем утвердительной форме.

Очень интересно читать его размышления об этимологии имен или топонимов и этнонимов, обзор современных, порой до абсурда бессмысленных, аббревиатур или небольшое эссе на такую большую для многих писателей и цензоров тему, как ненормативная лексика, по поводу которой тоже было сломано немало копий. Касается автор и вопроса переименований:

...Сознательное отношение к языку предполагает консерватизм. <...> Великий языческий город Рим стал великим христианским городом, не меняя имени. А ведь там пострадал апостол Петр: город мог бы стать, допустим, Петрополем. Не стал. Римляне проявили вкус и такт.

Не обойдена и тема влияния и проникновения в русский язык иностранных слов. Эта проблема существует не одно столетие, но, как совершенно справедливо пишет Водолазкин, русский язык «остался русским». Или такая мысль, которая может показаться немного парадоксальной:

Язык развивают недоучки. Фонетические перспективы во многом определяются лицами, не умеющими правильно поставить ударение. Новые значения слов образуют те, кому, как правило, не слишком хорошо известны значения существующие. У развития языка немало движущих сил, но невежество – одна из основных.

Завершают книгу несколько интервью с автором, где он достаточно подробно рассказывает о себе и своих произведениях, включая знаменитый «Лавр». Очень рекомендую эти беседы тем, кто хотел бы хотя бы отчасти заглянуть в творческую лабораторию современного писателя.

От книги Евгения Водолазкина исходит какая-то удивительная теплота и спокойная ясность. В процессе чтения проникаешься к автору симпатией и доверием. Особенно там, где он говорит о вере. И завершить этот небольшой отзыв я хочу еще одной цитатой – ответом автора на вопрос интервьюера, правда ли, что современный мир является скорее языческим, чем христианским, и что «путь и учение Христа оказались не очень востребованными человечеством»:

Что же касается востребованности христианства, то я бы не говорил о человечестве в целом. Кем-то оно востребовано, кем-то нет. Но ведь, судя по поговорке «Всяк крестится, да не всяк молится», это было и раньше, в те времена, когда принадлежность к той или иной конфессии была делом обязательным. Массовое, в силу общественных условий, посещение церкви еще не говорит о духовном благополучии – вспомните, чем окончился синодальный период русской церкви. Сейчас этой массовости нет, но есть свобода выбора, а свободно принятое решение имеет особую цену.

АВТОРЫ НОМЕРА

АХМЕДОВ Бах – поэт, прозаик, эссеист. Автор двух книг стихов. Публиковался в альманахе «Анор», сборнике «Буквы на камнях» (2013), журнале «Звезда Востока». Живет в Ташкенте.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии Искусств Узбекистана с 1999 года. Преподаватель Воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.

ДАВЫДОВА Яна – выпускница литературной школы CWS, работала в финансовой сфере, в сфере образования. Живет в Москве.

ЖУКОВА Светлана – старший научный сотрудник отдела истории Краеведческого музея Самарканда. Живет в Самарканде.

КАБАНОВ Александр – поэт, издатель. Автор одиннадцати книг стихов. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новый мир» и др. Лауреат премии «Нового мира» (2005). Главный редактор журнала «ШО» (Киев). Живет в Киеве.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – клирик Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Работает в журнале поэзии «Арион». Живет в Подмосковье.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2017 год*

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН. «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах...» – № 2 (XLIII). С. 5.

Григорий КНЯЗЕВ. «Сезон дождей – за долгой засухой...» – № 3 (XLIV). С. 5.

Александр КАБАНОВ. «Мы все – одни. И нам еще не скоро...» – № 4 (XLV). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы главного редактора

Dum spiro. 1950 лет преставления святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня 67 года). – № 2 (XLIII). С. 6-10.

На берегах Тьмы. 450 лет преставления святителя Германа, архиепископа Казанского (6 ноября 1567 года) и 425 лет перенесения его мощей (25 сентября 1592 года). – № 3 (XLIV). С. 6-11.

Тайное рождение. 475 лет преставления преподобной Софии Суздальской (16 декабря 1542 года). – № 4 (XLV). С. 6.

По стопам Первосвятителя. Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Ташкентскую и Узбе-

кистанскую епархию (29 сентября – 2 октября 2017 года). – № 4 (XLV). С. 12.

Новостные страницы иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)

Визит Патриарха, Библия на узбекском языке и новый фильм об архимандрите Борисе (Холчеве). – № 3 (XLIV). С. 12-15.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Александр ГАЛАК. Храм святого равноапостольного князя Владимира в Каттакургане. – № 2 (XLIII). С. 11-16.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Татьяна СТЕКЛОВА. За скупой строкой архивного документа. I. Из истории Хорогской церкви на Памире. II. «Ташкентская епархия, хорошо и близко знавшая родного архиепископа Луку...» – № 2 (XLIII). С. 17-22.

Роман ДОРОФЕЕВ. «Труды и дни» обновленческого епископа Гавриила Ольховика. – № 3 (XLIV). С. 15-33.

Александр ГАЛАК. Настоятель самаркандского Георгиевского храма протоиерей Пётр Княжинский. – № 3 (XLIV). С. 34-40.

* Включает в себя содержание №№ 2, 3 и 4 (XLIII, XLIV, XLV) за 2017 год. Содержание сдвоенного номера № 4, 2016–1, 2017 (XLII) опубликовано в рубрике «Содержание журнала “Восток Свыше” за 2016 год» (С. 164-165) того же номера.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания Татьяны Котюковой. – № 2 (XLIII). С. 23-45; № 3 (XLIV). С. 41-65; № 4 (XLV). С. 42.

Валерий ГЕРМАНОВ. Ташкентские кадеты. Сцены из жизни и последующая судьба воспитанников. – № 3 (XLIV). С. 66-75.

Светлана ЖУКОВА, Александр ГАЛАК. «В наших руках... ключи от многих научных тайн». Борис Кастальский – самаркандский историк и коллекционер. – № 4 (XLV). С. 67.

СОБЕСЕДНИК

Рубен НАЗАРЬЯН: «Мой Самарканд – это, прежде всего, его люди...» – № 4 (XLV). С. 85.

ПРОЗА

Борис ШИРЯЕВ. Соловецкие сказы. Публикация и вступительная статья Михаила Талалая, примечания и послесловие о Вячеслава Умнягина. – № 2 (XLIII). С. 46-82; № 3 (XLIV). С. 76-103.

Ольга НЕЧАЕВА. Больно не было. – № 2 (XLIII). С. 83-84.

Яна ДАВЫДОВА. Гости. – № 4 (XLV). С. 90.

ПЕРЕВОДЫ

«Слово на страдания святого великомученика Вонифатия» преподобного Ефрема Сирина. Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума. – № 2 (XLIII). С. 85-91.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О воспитании детей. О таинстве исповеди. – № 2 (XLIII). С. 92-94.

О грехе. О свободе. – № 3 (XLIV). С. 104-106.

О душе и теле. О веселье, радости и скорби. – № 4 (XLV). С. 94.

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея Сергея СТАЦЕНКО

Последние слова Спасителя. – № 3 (XLIV). С. 107-111.

Кого постыдится Сын Человеческий? Проповедь в день патриаршего служения в ташкентском Свято-Успенском кафедральном соборе. Воскресенье, 1 октября 2017 года. – № 4 (XLV). С. 98.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет. – № 2 (XLIII). С. 95-106; № 3 (XLIV). С. 112-124; № 4 (XLV). С. 101.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Николетта ПРОЗОРОВА. На улице Уездной. – № 2 (XLIII). С. 107-112.

Виктор МОИСЕЕНКО. В семье и в школе. Сырдарьинские этюды. – № 2 (XLIII). С. 113-128.

Михаил КАЛИНИН. Следы в пыли. – № 3 (XLIV). С. 125-136.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Социальные страницы

Лилии КАЛАУС

Еще раз об «оскорблении чувств». – № 2 (XLIII). С. 129-131.

Тема: Поэзия и Вера

«Не от нас зависит». На вопросы ВС отвечает поэт Ирина ЕРМАКОВА. – № 2 (XLIII). С. 132-137.

Литературные страницы
Вадима МУРАТХАНОВА

От жития – к сонету. – № 2 (XLIII). С. 138-140.

Бог и художник: диалог с пустотой. О тематическом выпуске журнала «Разногласия». – № 3 (XLIV). С. 137-140.

Блокнот, обернувшийся книгой. – № 4 (XLV). С. 120.

РЕЦЕНЗИИ

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Интернациональное Православие. (Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 4: Приходы Америки / Отв. ред. И.П. Рязанцев, ред.-сост. М.А. Подлесная. – М.: ПСТГУ, 2016. – 272 с. – (Серия «Социология Православия»)). – № 4 (XLV). С. 123.

Бах АХМЕДОВ. Язык и другие герои. (Водолазкин Е. Дом и остров, или инструмент языка. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017). – № 4 (XLV). С. 126.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshе@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (<http://pravoslavie.uz/archdiocese/departments/diocese/ePress/Easter/Archive/index.php>); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал единичный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaïsan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLV
№ 4, 2017, октябрь-декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . . 2018 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2018).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568